

Ольга Леонидовна Мяхар
А обещали сказку...

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck - FantoMKilleR; Conv, ReadCheck - JonVic)

«Ольга Мяхар. А ОБЕЩАЛИ СКАЗКУ...»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0788-0

Аннотация

Бойтесь своих желаний! Мало ли — сбудутся. И станете бегать от драконов,

переживать из-за смены пола и объяснять любимому, что не вампир, а просто прикус временно неправильный. Да, кстати, если все же загадали и оно сбылось — не отпускайте фею! Советую вообще постоянно держать ее при себе, дабы иметь хоть какую-то надежду на хеппи-энд.

И еще... Ни в коем случае не верьте первому встречному коту. Особенно на слово. Коты вообще должны молчать и радовать, а не колдовать и поучать.

Ну... вроде бы все.

Жаль только Марина всего этого не знала...

Ольга Мяхар
А обещали сказку...

Всем, кто помогал мне фантазировать и сочинять новые

ПРОЛОГ

Сижу, сжимаю в руках простое золотое колечко и удивленно смотрю на высокую надменную женщину, стоящую передо мной.

— Фея? — с вызовом.

— Фея, — твердо.

— Исполняешь? — напряженно и немного нервно. Счастье зашкаливает, разум в отрубе.

— Да.

— Тогда хочу...

— погоди. В ответ на предложения читателей. Понятливо замолкаю: чудес на свете не бывает, и сейчас мне об этом нагло объявят.

— Сначала верни кольцо, потом исполню одно желание. Поняла?

— Фигу!

— Что-о?! — Взгляд феи прожигал насквозь, я вцепилась в колечко грязными пальцами, наотрез отказываясь выпускать его из рук. Ага, щас, так я и поверила! Не отдам.

— Сначала желание.

— Да как ты...

Я сунула кольцо в рот и нагло улыбнулась. У феи не было слов. Зато сколько эмоций на лице.

— Ефли пофволю — доставать будеф, сама внаеф откуда.

Лицо тети посерело, она допетрила.

— Говори желание, грязь под моими ногтями!

Я вопросительно посмотрела на ее ногти.

— Такие гвяфзные? — участливо и с оттенком жалости.

Обоюдное рассматривание маникюра. Серое лицо пошло багровыми пятнами. Красиво.

— НЕТ!

Молчу.

— Так, или ты скажешь свое желание и выплюнешь мне мое кольцо, или...

— Ой.

— Ну что еще?

— Я, кажется, его...

Шок — и снова сереющее лицо. Широко раскрытые глаза смотрели на мир и грязную меня, сидящую в подворотне.

— Проглотила? — Надсадный писк поразил до глубины души.

— Не-не, — успокоила я истеричку, — оно за щеку завалилось. Нашла, не бойсь.

Моя широкая щербатая улыбка — и шумное дыхание взбешенной женщины в ответ.

— Говори немедленно, чего хочешь!

Я с трудом встала, потирая синяк на коленке, и почесала ногтями спутанные волосы на макушке. Чего хочу? Многого. Но говорить надо кратко. А то ведь последний шанс провороню.

— Хочу красоты и счастья.

— Это два желания.

Я перекатила кольцо во рту, звякнув им по остаткам эмали. Фея скрипнула зубами.

— Против правил не пойду. Перефразируй.

— Лана, тогда сделай меня главным героем в сказке со счастливым концом. Сойдет?

— Плюй.

— Сначала...

— Выплюнь, тогда исполню. Без кольца — не колдую. Да не бойся, я уже дала слово.

Я тяжело вздохнула, но кольцо выплюнула. Ладно, фиг с ней, попытаюсь поверить еще раз.

Кольцо крайне брезгливо соскребли платочком с моей ладони, зажимая нос второй рукой. Ну да, я сейчас в бегах от одной местной банды, вот и прошлась по канализации. Так ведь уже почти все выветрилось.

— Уверена? — прогундосила фея, пытаясь надеть кольцо на трясущийся палец.

— Да.

— Ну смотри...

А дальше память обрывалась.

Глава 1

— Вирх, вставай! Вставай, кому говорю! На экзамен опоздаешь — лично придушу.

По мне кто-то прыгал. Но было так тепло и уютно в кои-то веки, что я просто отмахнулась и забралась поглубже под одеяло. Рядом пискнули, закопошились, и в ухо вонзилось что-то острое.

Мой крик смешался с чужим воплем, и я вылетела из кровати, грохнувшись на пол и на ощупь отползая в угол. При этом на груди дергалось что-то мелкое, мягкое и сопротивляющееся.

— Кто здесь? — Голос был каким-то чужим, будто и не мой вовсе. И когда только успела так охрипнуть?

— Я.

— Кто — я?

— Ты идиотом-то не прикидывайся. Ты — это ты.

Недоверчиво опускаю голову и смотрю в огромные золотые глаза котенка, затихшего на коленях.

— Глюк, — мрачно и проникновенно.

— Кто? Я?! — расширив глаза и выпуская коготки.

— Ну не я же, — усмехаясь.

— Ну все, ученик, ты нарвался.

Дальше было плохо.

По комнате что-то летало (кот), сверкали когти, раздавалось шипение, меня поливало какими-то огненными искрами и било летающими с неменьшей скоростью подушками. Психика слезно прощалась с тронувшимся в дальний путь разумом.

Кое-как влетела в ванную, заперла дверь на хрупкую щеколду и, пока котенок с жутким хохотом выжигал в ней дырку бьющими из глаз лазерными лучами, судорожно искала окно. Линять вообще никогда не поздно. Проходили.

Остановившись и слегка отдышавшись, я опасливо огляделась по сторонам. Из зеркала на меня смотрел хмурый психопат с дымящимся хвостом на макушке и трясущимися руками. Я взвизгнула, врезала по нему ковшиком, и на меня градом посыпались осколки битого стекла.

Дверь разлетелась на куски, на пороге стоял ненормальный котенок, а я ревела, сидя на краю ванны и прижимая к себе погнутый ковшик.

Кот остановился, склонил голову набок и неожиданно ласково спросил:

— Вирх, ты чего?

— Я МАЛЬЧИК?! — на пределе связок.

Кота вынесло децибелами.

— Странно, — откуда-то из коридора.

— Да? — недоверчиво. Вытирая ковшиком сопли.

— Да. И как ты за триста лет этого не заметил?

— За скоко?!

Слезы перестали течь, ковш я прижимала к плоской груди, как последний оплот надежды.

— Триста, — безжалостно и с садистским юмором.

— Столько не живут. — Я попыталась встать.

— А ты давно мертв.

Грохот рухнувшего в ванну тела и дребезжание ковша, упавшего на пол.

Тишина в коридоре.

Но уже через минуту мне на грудь кто-то вспрыгнул, а в ухо ткнулись мокрым носом, щекоча усами. Я угрюмо разглядывала потолок.

— Хочешь еще что-нибудь о себе узнать? — задумчиво тыча лапкой мне в глаз. — Рефлекс есть. Хорошо.

— А что, я еще чего-то не знаю?! — Так и не смогла сказать это с юмором. По потолку ползли жирные наглые тараканы, с интересом меня разглядывая.

Все. Это — явно ШИЗА. Мозги не вынесли реалий мира и спустили сознание в глубины бушующей психики.

— Ну... гм. Зовут тебя Вирх. Ты студент. Сегодня экзамен по философии, и ты — вампир.

Я закрыла глаза. Ничего себе сказочка. Спасибо тебе, добрая фея.

Кот все же меня поднял. Заставил одеться, попытался еще и накормить — не смог. (В холодильнике мне торжественно указали лапкой на тридцать пакетов с донорской кровью и заформалиненное сердце на закуску. Мне стало дурно, я предложила укусить кота. Вопрос еды был снят.) После чего он залез в рюкзак и заставил, закинув сумку за спину, идти в универ.

Мне в принципе было все равно, а мозг пока не претендовал на место главного органа, тихо решая сугубо внутренние проблемы организма в целом. Так что я задумчиво помахала (...помахал?) рукой тараканам, трогательно сидящим на краю ванной, и покорно вышла из квартиры, не забыв закрыть за собой дверь.

— Так, а теперь рассказывай.

На улице светило солнце, пели птички, бабульки на лавочках мило мне улыбались, махая и называя Вирхом. Я медленно приходила в себя, рассматривая со всех сторон только что проклюнувшуюся мысль... что и от шизы надо постараться получить удовольствие.

А рюкзак все не затыкался.

— Что именно ты забыл? Вирх, не игнорируй меня, а то засвечу фаерболом в спину!

— Все.

— Что «все».

— Все забыл.

Мат-перемат из рюкзака. Улыбки бабулек подували, мне уже не так активно машут вслед.

— А это... про мальчика ты там что вещал?

— Я — девочка, — с какой-то непонятной гордостью.

Тяжелый стон из рюкзака.

— Да? — истерически.

— Да, — твердо и с нажимом.

— Н-да-а-а... Если твоя сестра узнает, меня кремируют прижизненно... Надо что-то делать.

Я угрюмо молчал... молчала? А, не знаю! Тоскливо щупаю грудь проходящей рядом случайной девушки. Визг, резанувший по барабанным перепонкам, и увесистая пощечина более или менее привели в чувство.

— Чего там? — заволновался рюкзак.

— Извращенец!!!

Что ж так орать-то?

— Кто? — ахнул рюкзак.

— Я, — мрачно и с оттенком сарказма.

На душе муторно. «Красавица» все не затыкается. Да и спешащие от соседней скамейки ей на помощь ребята оптимизма не добавляют. Лысые и с наколками — они столь явно символизировали защиту чистоты и добродетели, что даже девушка на миг заткнулась, оценивая смутные перспективы такого близкого «спасения». Правый ей щербато улыбнулся и подмигнул. Красавица куда-то рванула, передумав жаловаться. Амбалы, не замедляясь, пронеслись мимо меня, спеша догнать «спасаемую». Пришлось посторониться, не то бы сбили.

— Н-да-а, — мохнатая морда высунулась из рюкзака и угрюмо огляделась по сторонам, — может, хоть вспомнишь, что вчера пил?

— Я вчера даже не ела.

— Н-да-а...

Институт поражал обшарпанностью и убожеством. Кафедра погрязла в ремонте и походила на руины, оставленные войсками на разграбление тощим студентам. Сами же студенты, толкущиеся внутри, в основном занимались тем, что злобно переглядывались, шушукались и нервно пересчитывали шпоры.

Изредка по коридорам проходили тихие преподаватели, стараясь при этом ни на кого не смотреть и никому не мешать.

Я «встал» в сторонке, расчесывая бардак на голове и снова скалывая черные волосы во вполне уже приличный хвост. Котенок более или менее рассказал, что надо делать, и предупредил: с кошками сюда нельзя. Ну нельзя так нельзя. Я «прислонился» к стене, прикрыв глаза и пытаюсь хоть как-то собрать разъезжающиеся мысли.

Итак, первое: я — вампир. Света не боюсь, чеснока не пробовал. Кол в грудь, скорее, убьет и упокоит одновременно, но мне от этого не легче. А еще из нёба теперь вторым рядом выступают острые края пары клыков. Могут выходить и на всю длину, царапая нижнюю губу. Я так понял, что ими, скорее всего, и надо кусать непосредственно перед присосом к жертве.

Далее... мертв. С этим сложнее, пока забью.

Живу... а точнее, существую около трехсот лет. Много. Скорее всего, кот врет — столько не умирают.

Что там еще? Ах да. Мрачно смотрю на штаны, начинаю расстегивать пояс. Хочется убедиться в том, что действительно парень. Мгновенно повисшая в радиусе трех метров тишина напрягала. Ладно, проверю позже.

На меня смотрели с любопытством и пренебрежением. Либо не знали, кто я (пока и сам не в курсе: то в мужском, то в женском роде о себе думаю), либо просто не уважали. Скорее, второе. Еще бы: мне бы вымыться.

— Пра-ашу всях зайты в аудиторию! — рявкнуло что-то в сером костюме от двери, сражая наповал газами духов.

Глаза начали слезиться, сильно захотелось открыть хотя бы форточку.

Народ нестройно потянулся, гнусава что-то под нос и толкаясь в узком дверном проеме. Пришлось идти следом, заранее ненавидя и эту «аудиторию», и сдаваемый предмет, и... да все сразу! Я сказку просила, не маразм. А это что?

— Тянитя бялет! — рявкнули, выхватывая из руки зачетку (кот заранее сунул).

Я хмуро посмотрела на карточки с кучей помятостей и подозрительных пятен на поверхности. После чего тяжело вздохнула и взяла наиболее чистый.

— Сдитесь! — Корявый палец с километровым когтем ткнул куда-то вбок.

Пожав плечами, подошла и села за переднюю парту, не слушая шипение котенка в

сумке. Списывать не хотелось. Что я тут делаю — было непонятно в принципе.

— Покажи билет! — Громкий шепот прошелся по нервам соседей, сумка старательно ползла ко мне по скамейке.

Я сунула билет в прорезь. Упоенное шебуршение привлекало все больше внимания.

— На, — сунули мне в руку пухлую связку шпор.

Я столько и за неделю не прочитаю... тем более таким шрифтом.

— Не надо, — мотаю головой и сую шпоры обратно.

Удивленная сумка застыла рядом со мной.

— Идиот, да?

— Нет.

— Да.

— Нет!

— ДА!!!

От рева котенка у кого-то посыпались шпоры, справа об пол грохнулась «промокашка» соседа. Мне криво улынулись, обещая придушить взглядом.

— Маладый чилафек! — Тетка стояла прямо передо мной, пытаюсь взять когтями сумку. Я вежливо, но быстро переложила сумку на правую сторону скамьи и небрежно скинула ее на пол. Послышался тихий стон, и все стихло.

— Где? — вежливо и с интересом в глазах.

— Кто? — хмуря нарисованные брови.

— Чилафек, — поясняю мысль.

Багровая шея и пятна на лбу.

— Фто-о?!!

— Хта? — еще более вежливо, с ободряющей улыбкой.

Короче... меня выгнали, попросив не возвращаться. Я был доволен. Рюкзак, который кинули вслед, загадочно молчал.

Присев в коридоре на корточки, я расстегнула молнию и с любопытством уставилась на злого, встрепанного, пытающегося прийти в себя котенка.

— Ну ты... — прошипел он.

Я сграбастала его на руки и пошла вниз по лестнице.

— Рассказывай. Все. Мне надо знать, как выпутаться из этой истории.

Недоверчивый, но уже более осмысленный взгляд кошачьих глаз.

— Значит, не врешь? А где Вирх?

— Понятия не имею. — Главное — честно.

Особо много мне не рассказали. В основном — все то же самое плюс кое-какие подробности. Вроде той, что неизвестный мне Вирх, ранее живший в этом теле, постоянно бегаёт между мирами, имеет сестру, кучу врагов и временно залег на дно. Домой, в родной мир Вирха, как я понял, лучше не возвращаться. Почему — не уточнили. Сам же котенок является личным телохранителем вампира, для конспирации принявшим вид небольшого безвредного существа. Как я понял — на самом деле он похож на бенгальского тигра, только покрупнее... Но я слушала не очень внимательно.

— Значит, так... — Котенок сидел у меня на руке, старательно имитируя процесс мышления.

Я стоял у палатки с мороженым, свободной рукой шаря в карманах и разыскивая мелочь. Продавец угрюмо наблюдал за процессом, отгоняя мух от лица. Неподалеку от палатки по традиции располагались кабинки платных туалетов — хорошее, надо сказать, соседство для товара мороженщика. Да и хрен с ними, зато дешево.

— Стаканчик.

Цапнув монетку, мне извлекли что-то холодное, мягкое и без палочки. Протестовать не стал, просто пошел дальше, кусая льдистую сладость.

— Короче, сядь где-нибудь. Вон хоть на ту скамейку в парке, а то мне при людях говорить нельзя. — Котенок, облизываясь.

Пожав плечами, иду к стоящей невдалеке свободной лавочке. Располагалась она у самой воды, что радовало, а вокруг росли деревья, укрывая от любопытных глаз. Здесь было тихо, сравнительно уютно, да и никто не мешал и не сновал перед носом. Так что можно было спокойно откусывать мороженое, изредка давая лизнуть котенку, и с умным видом выслушивать умозаключения зверя.

— Во-первых, закрой глаза — я просканирую мозг. Авось пойму, куда ты Вирха дела.

Я недоверчиво хмыкнула, но глаза закрыла. Душа потихоньку успокаивалась, думать не хотелось совершенно, исходя из вполне разумного предположения, что психика все-таки не железная. Вокруг меня пели птицы, у серебристой кромки воды сустились воробьи, не поделившие крошку хлеба, а яркое летнее солнце, словно раскаленный еж, царило над облаками.

Мягкая лапка коснулась лба, и осторожные волны тепла прошли сквозь мозг, окутывая туманом больную голову. Я расслабилась, чувствуя, как ветер приятно обдувает виски, скользя по прядям. Да и солнце уже светило не так ярко, а крики детей и шелест листвы, скорее... убаюкивали.

Но поспать не дали. Легкий укус за палец, и вот я снова открываю глаза, вопросительно глядя на серую морду.

— Гм... ну не знаю, как и сказать.

Я выгнула дугой правую бровь, молча ожидая продолжения.

— Короче, Вирх... никуда и не уходил.

— Н-да? — Мороженое капнуло на штанину — придется спускаться к воде и замывать.

— Угу. Вас там теперь либо двое, либо же просто он вчера сильно ударился головой, и ты — его временное помешательство.

Весело.

— И... что мне теперь делать?

— А что хочешь. Надеюсь, со временем все пройдет само. Мне же пока достаточно того, что с хозяином все нормально.

Я кивнула и встала. Котенок, обиженно мявкнув, упал с колен в траву и уже оттуда хмуро наблюдал, как я захожу по колено в мутную воду. Утки вежливо отплыли, стараясь не мешать.

— Эй, козел, куда? Дети ж смотрят, не вздумай топить! — рявкнул мне какой-то толстый мужик с берега.

Угу, вот прямо сейчас наложу на себя руки и, булькнув, скроюсь под водой. Не дожидетесь.

— Вирх, — неуверенно позвал котенок.

— Чего?

— А ты и впрямь?..

— Стираю.

— Чего?

— Штаны стираю, не мешай.

— А-а...

А дальше все было, как в самом дешевом романе. На безоблачном небе сгустились грозовые тучи, грянул гром, сверкнула молния и с треском вонзилась в меня. Я заорала, вода вокруг забурлила, накатывая непонятно откуда взявшимися метровыми волнами. А в грудь врезалось что-то небольшое и колючее.

Потом — полный мрак... и смешная мысль о том, что я все-таки утоплюсь.

Глава 2

Тепло. Уютно. Уже второй раз за прошедшие сутки я прихожу в себя, лежа в мягкой теплой кровати. Видимо, ввали все романы о том, что после обморока обязательно должна быть холодная темница с полчищами крыс. Ничего подобного. Даже котенок, свернувшийся клубочком около груди, не раздражал.

Из любопытства осторожно открываю один глаз, пытаюсь понять, где это я очутилась.

Не общага точно. Странная небольшая комната, полностью обитая деревом. Или же само строение деревянное? Не знаю. Около кровати, за письменным столом, склонившись над древним манускриптом, сидит мужчина и что-то пишет, поскрипывая пером. Высокий, худощавый, с узким лицом и черными, живыми как ртуть, глазами, он так и излучает силу и уверенность в себе. Волосы коротко и неровно острижены. Нижнюю губу слегка прикусывают кончики острых клыков. Я тихонько вздохнула, любуясь идеалом и млея от восторга: наверняка он-то меня и спас.

— Очнулся?

Восторг умер, не выдержав мысли о том, что я теперь тоже парень.

— Да.

— Вставай.

Пришлось кое-как выбираться из такой уютной и теплой кровати, стараясь не разбудить кота.

— Вещи в углу. Одевайся и можешь идти.

Угрюмо смотрю на грязную кучу еще сырой одежды.

— А-а...

— Можешь не благодарить. Я всех спасаю.

Меня перекосило — в общем-то и не собирался.

— А как тебя...

— Вас, — уточнил идеал, продолжая поскрипывать пером.

— ...вас зовут? — не стала я возникать.

— Как надо, так и зовут. Вали отсюда.

Я сжал зубы, но одежду подобрал, хмуро наблюдая, как с поднятых штанов капает вода.

— Они мокрые.

Перо перестало скрипеть, на меня впервые посмотрели. Я попытался улыбнуться.

— И что дальше? Хочешь — иди без штанов. Мне в общем-то все равно.

Скрип зубов, молча пытаюсь просунуть ногу в правую штанину, но нога не лезет, а по телу проходит дрожь отвращения и холода.

— Гадость, — ни к кому конкретно не обращаясь.

Тяжелый вздох и что-то синее, кинутое в меня. Попали в штаны, которые тут же зашипели. Я испуганно бросил их обратно в кучу, и теперь шипела уже вся одежда, исходя тяжелым паром. Мужчина снова склонился над пергаментом, макая перо в чернильницу.

— Теперь все сухое.

Недоверчиво трогаю вещи и радостно начинаю одеваться в еще теплую одежду, стараясь не поворачиваться при этом к нему лицом.

— Спасибо, — поправляя куртку и застегивая ремень.

— Пожалуйста.

Я неуверенно застыл посреди комнаты.

— Ну я пошел?

— Да.

Зачем-то продолжаю стоять.

— До свидания.

— Всего доброго! — Скрип пера стал более отчетливым.

— Еще раз спасибо за все, — не унималась я, переступая с ноги на ногу.

Мне не ответили, спина мужчины напряглась.

— Я говорю, спасибо!

Перо треснуло в пальцах, он встал.

— Тебе помочь? — тихо, оборачиваясь и пристально при этом глядя в глаза.

Я отрицательно мотнул головой, подошел к кровати, взял котенка и сделал пару шагов к двери. Ощущение, что за мной наблюдают, не покидало ни на миг.

— И все же... — уже берясь за ручку двери, протянула я, — как вас зовут?

Ко мне подошли, рывком распахнули дверь, сильным тычком в спину выпихнули из комнаты и с грохотом дверь захлопнули. Я врезалась в стену, со стоном сползла на пол и угрюмо посмотрела на валяющегося в обмороке кота. Он как раз был между мной и стеной, так и не успев проснуться. Обидно.

Нет, ну так же нельзя! По меньшей мере, это вообще некультурно.

Я встала, внимательно огляделась по сторонам и, увидев чьи-то грязные сапоги у соседнего порога, радостно схватила один. Ну сейчас я ему покажу...

Вернувшись обратно и удерживая одной рукой котенка, я грохнула пару раз сапогом по двери. После чего бросила сапог обратно и как можно быстрее скрылась за поворотом коридора.

Тишина. Осторожно выглянув и разочарованно вздохнув, я снова вернулась, взяла сапог и... так обколошматила его об дверь, что аж рука заболела.

Послышались ругань и звук отодвигаемого стула. Бросив сапог, я снова скрылась за поворотом. Уже оттуда я услышала, как распахнулась дверь, как стучали в соседнюю и как из соседнего номера моего спасителя некультурно послали в *то самое* место. Спаситель, доведенный до ручки, вызверился, выломал дверь, уделал сапогом того, кто его послал. После чего вернулся в номер и... снова грохнул напоследок дверью.

— Чего это он? — держась лапкой за голову, простонал котенок.

— Характер... — туманно пояснил я.

— А... кто это меня так... больно ушиб?

— Так вышло, — Снова храбро иду к номеру. — Да, кстати, а имя-то у тебя есть?

— Да, кажется.

Я покосилась на зверька.

— И какое?

— Мурз.

Забавно.

— Между прочим, древнее и очень редкое дворянское имя, так что нечего ржать.

Но я уже стучалась в дверь ногой, не обращая внимания на возмущение обиженного зверя.

Дверь открыли сразу. В руках хозяина комнаты был длинный меч, а в глазах — мой кровавый фотопортрет. Я лучезарно улыбнулась, подошла к нему и страстно поцеловала в щеку, прижимаясь всем телом. После чего скромно обошла по дуге застывшего в оторопи спасителя и аккуратно присела на кровать, ожидая, когда в его широко распахнутых от удивления глазах отразится первая мысль.

Котенок тоже находился в ступоре. Видимо, все еще воспринимал меня как своего прежнего хозяина. Я тихо хмыкнула в кулак, наслаждаясь тишиной и моментом. Радовалась я недолго.

На этот раз меня вышвырнули из окна, вместе со стеклом. И выжила я только благодаря тому, что падала с первого этажа. Котенок упал сверху, ругаясь и обзывая меня последними словами. Подумав, поняла, что он прав: я явно переборщила, и высунувшаяся из окна красная злая рожа была живым тому доказательством.

— Если еще раз увижу — убью!

— Так ты ж сам меня спас! — возмущенно. Пытаясь при этом сгрести под себя разъезжающиеся ноги. Котенку-то хорошо — упал на мягкое, то бишь на меня.

— И уже жалею!

— Я, может, спасибо хотел сказать!

— Что?! — В голосе почти истерика.

— Ничего, — это я буркнул под нос.

— Так, короче...

— А слуга тебе не нужен? — Я только что огляделась по сторонам и резко осознала, что явно не в своем родном мире. Лошади, ржущие у привязи, были явным тому подтверждением, да и котенок что-то такое пытался сказать в коридоре.

— Нет! — Прежней злости в голосе я уже не заметила. Будем давить дальше. Одна я тут точно пропаду, тем более не зная ни законов, ни порядков этого места, или что там у них. Мозги работали судорожно, пытаюсь стабилизировать полную нестабильность.

Я подняла глаза и твердо взглянула в его черные, с искрами в глубине.

— А ты подумай: платить не надо, все исполню, да еще и магией, если что, помогу. Плюс... — Я улыбнулась, демонстрируя клыки на всю длину и сильно рискуя быть непонятой.

Он внимательно на меня посмотрел, нахмурился и... внезапно успокоился, изучая необычную улыбку стоящего под окном парня.

— Заходи.

После чего мужчина скрылся внутри комнаты.

Я радостно заулыбалась — есть контакт с аборигеном!

— Поздравляю, — мрачно сообщили откуда-то снизу, — так улыбнуться охотнику на вампиров способен не каждый. Продемонстрировать клыки — только полный идиот додумается.

В животе стало пусто и холодно, улыбку заклинило на лице, а в комнате уже раздавались странные щелчки.

— А... что это там щелкает? — не переставая улыбаться, поинтересовалась я.

— Арбалет серебром заряжает, — задумчиво сообщил Мурз и куда-то пошел.

Налетевший ветер взъерошил волосы, заглянув в расширенные до предела глаза.

— Ты идешь? Или все же поднимешься в его комнату? — Сарказм зашкаливал.

Я вздрогнул, резко развернулся и побежал за котом. Ну на фиг этих аборигенов, сама разберусь, как тут жить.

— Стой, нежить! — И мимо уха просвистел первый болт.

Вот когда я понял, что такое быстро бегать. Подхватив животное, я рванул так, что только ветер засвистел. Котенка впечатало в грудь, он что-то орал, но я не слушал, набирая и без того немаленькую скорость.

— Что? — перемахивая через забор.

— Я говорю, правее давай!!! Там ворота-а-а-а!..

Я свернул, во что-то врезался, побежал дальше, на ходу выковыривая пушистика из того, во что врезался. И рванул дальше, вскоре увидев впереди те самые ворота, почему-то открытые даже ночью.

— Ты как? — рявкнул в ухо имитирующему обмороку Мурзу.

Мурз заорал от неожиданности и вцепился в руку всеми когтями разом. Стиснув зубы, стараюсь стойко это вынести.

— Так ты как?!

— Сволочь! — прочувствованно, в ответ.

Я успокоился. Значит, все в порядке. А мимо ноги просвистел еще один болт.

Оглянувшись на бегу, увидел скачущего на коне вслед за мной недавнего спасителя.

— А-а-а-а!!! — заорал котенок.

— Оторвемся, — крикнул я в ответ, не отводя взгляд от всадника.

— Ворота-а-а-а!!! — завопил Мурз еще сильнее.

Удивленно оборачиваюсь и с силой впечатываюсь как раз в правую створку. Снизу послышался стон, переходящий в вой, я — медленно сполз на твердую землю.

— Зараза, — простонали из области живота.

— Жив? — Из груди вырвался невнятный хрип.

— Нет!

Киваю и кое-как, держась одной рукой за створку, встаю на подкашивающиеся ноги. Кот из последних сил лечит себя магией, не переставая выдавать, кто я есть.

А передо мной встал на дыбы резко остановившийся жеребец, взбивая копытами воздух и выворачивая длинную черную шею. Всадник держит в руке нацеленный на меня арбалет и крепко сжимает поводья. Все-таки не оторвался. Жаль.

— Ну что, вампиреныш, добегался?

— Иди на хрен! — храбро. Прижимаясь спиной к воротам и тяжело дыша.

Перед глазами все плыло, замелькали искры. Н-да-а-а, нехило я врезался. Как еще кот выжил — не понимаю.

— Готовься, если не будешь рыпаться — попаду сразу в глаз, и ты почти ничего не почувствуешь.

Это «почти» меня напрягало. Глаз было очень жаль.

— А может, договоримся?

Но он просто спустил курок.

Я все-таки дернулся. Висок обожгло, на щеку и плечо брызнула свежая кровь. Болт, разорвав ухо, вонзился в дерево и застрял в нем. Начала просыпаться боль, злобно жала разорванные нервы. А с ней проснулась... *ярость*.

— Странно, серебро, ранившее вампира, просто обязано его сжечь, — нахмурился всадник.

— Если только он уже успел отведать человеческой крови, — ехидно просветил котенок, угрюмо изучающий кривой и местами лысый хвост.

На меня смотрели уже с интересом.

— Новообращенный?

Ярость затуманивала мозг. Клыки царапают губу, полосую тонкую кожу и давая почувствовать дурманный вкус крови.

— Хотя нет. Новенькие так уматывать не умеют. Тебе точно не меньше ста лет... не понимаю.

Я прыгнул. Рык испугал даже меня. Острые длинные когти вонзились в его грудь, свистнул второй болт, дернув болью в плече, но это только раззадорило.

Котенок остался сидеть у ворот, хмуро наблюдая за процессом. Если что — должен вмешаться. Пока все под контролем.

Клыки впилась в шею охотника, а рот мгновенно наполнился дурманным вкусом теплой крови. Боль, всплеск, и вот я уже снова врезаюсь в ворота, пробивая их насквозь и падая на землю.

Встать...

Кое-как фокусирую взгляд на идущем ко мне и зажимающем рану на шее охотнике. Ненависть голодной смертью скулит внутри, заставляя подняться и снова броситься вперед.

Два тела сплелись в смертельном клубке. Нож охотника пронзил бок, входя под ребра вампира. Но тот в ответ все-таки дотянулся когтями до его сердца...

Его взгляд черной тьмою выжигает душу, не разрываясь с моим. Я улыбаюсь и медленно провожу языком по клыкам. Он — сжимает зубы и поворачивает нож в ране. Больно. И... сладко. Склоняюсь над ним, не выпуская сердце из хватки когтей, вторая рука держит его кисть с ножом. А зубы входят в горло, с наслаждением разрывая тонкую вязь сосудов и наполняя рот кровью...

— Урррод, — хрипло, на ухо. Не в силах пошевелиться и едва не теряя сознание от боли.

Я улыбнулся. Охотник был хорош, но такой скорости он просто не мог ожидать. Скорости трехсотлетнего вампира, умеющего гораздо больше любого, виденного им до меня.

— Ты теперь мой, — на миг отрываясь от раны и заглядывая в его странные глаза.
Широкая улыбка открывает зубастый оскал.
— Обойдешься.
И еще один нож достает мое сердце.

Глава 3

Кажется, я кричал. А может, выл.

Не помню, не знаю. Только внезапно сильная волна сжатого воздуха подняла нас с охотником и швырнула куда-то вверх и вбок. После чего ударила о землю и раскидала в разные стороны. Промелькнула судорожная мысль, что это так котенок колдует. Приподняв голову и увидев кривой хвост, виднеющийся из-под ворот, поняла, что ошиблась. А в груди противно хлюпало и тянуло что-то, что снова пыталось стать сердцем.

Н-да-а... хреново.

Кое-как встаю, то есть это я так думаю, что встаю. А на самом деле пытаюсь хотя бы сесть. Что-то ревет над головой, в лицо бьет ветер, летят комья вырванной из земли грязи. Глаза открыть не могу: залеплены. Придется ползти.

Руки шупают землю и камни, над головой вой переходит в рев, а ветер буквально сдувает. Одно хорошо: регенерация ветхих вампиров — это что-то. Грудь, к примеру, уже почти восстановилась. По крайней мере, я все больше и больше прихожу в себя. И даже уже могу встать с четверенек, покачиваясь из стороны в сторону и пытаюсь отчистить глаза от слоя грязи. Так, ну и что там у нас?

Поднимаю взгляд и тихо выдыхаю сквозь сжатые зубы. И как это я забыла, что в сказках герои обязательно убивают драконов, спасая сонных угрюмых принцесс?

Вот такой вот десятиметровый сказочный «дракоша» как раз и стоял сейчас прямо передо мной, сверкая огненными глазами и выдыхая дым, пополам с пламенем, куда-то в небо.

Я сглотнула, резко захотелось обратно в канализацию. Но уже поздно.

— Вирх!

Оборачиваюсь и смотрю на жмущегося к воротам котенка. Взглядом спрашиваю: что?

— Используй силу!

Хочется ржать. А еще ругаться. Котенок ободряюще показывает мне правую лапку. Спасибо, блин.

Внезапно рев стих. Я замерла, понимая, что совсем не хочу знать, отчего вдруг грянула такая пронзительная тишина. Просто стою, смотрю себе под ноги и пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Вирх! — И чего ему неймется? Не видно, что ли: человек занят, думает. — Вирх, сейчас момент хороший, бей его! Оторви башку! Только зубы не трогай и глаза оставь, нам деньги нужны!!!

Я скрипнула зубами. Так надо мной еще никто не издевался.

Видимо, ярость придала мне сил, и я наконец-то смогла поднять голову.

А в глаза, всего в полуметре от моего лица, с интересом заглядывал тот самый дракон, затаив дыхание и тихо-онечко рыча.

Что делают герои в таких удобных случаях, я не помнила. Лично я — изо всех сил врезала кулаком как раз в левый глаз, подпрыгнув для надежности. Кулак скользнул по упруго-слизкой радужке, а морда резко отшатнулась, взревев так, что меня снесло плюс неслабо опалило горячим дымом.

Я врезалась в какой-то забор, пробила его и упала в грязь, задыхаясь и пытаюсь не потерять сознание от боли, которая то нарастала, то исчезала вовсе, доводя до помешательства. А земля уже содрогалась от идущего прямо ко мне десяти метрового гиганта, рычащего и плюющего огнем. Я застонала и попыталась ползти, но руки упорно подламывались. Блин, ну за что мне все это? Не могу.

Рухнуть в грязь лицом, сжать зубы и зажмуриться. Пуцай жрет, мне уже все равно. Лишь бы побыстрее.

Топот нарастал.

Я сжала кулаки и попыталась унять дрожь. Еще отвлекало противное сосущее-хлюпающее чувство в груди. Ну и пусть. Пусть.

И снова тишина.

Жду. Притворяюсь мертвой. Безумная мысль: «Авось пройдет мимо, побрезговав», с ужасом огляделась в полной пустоте черепа.

— Грр-рау-у-у!!!

Спину опалило, пятую точку качественно припекло. Сжимаю зубы, продолжая имитировать труп.

За ногу что-то цапнуло, и меня дернуло вверх. Ору от боли, но кость каким-то чудом выдерживает, а я зависаю вверх ногами прямо перед мордой шурящегося дракона. Левый глаз у него слезится. Усмехаюсь, почти гордась собою.

Меня осторожно и очень внимательно обнюхали, обдавая зловонным дыханием и демонстрируя длинные клыки. После чего раззявили пасть и медленно, со вкусом, попытались туда запихнуть.

...

Упираюсь оставшимися тремя конечностями и не лезу ни в какую.

— Вирх, я помогу! Потерпи!

— Сколько? — В голосе явная истерика, дракон пихает меня в спину второй лапой, разева пасть пошире.

— Минут десять, мне еще пентаграмму чертить! Продержишься?

Истерический хохот пугает дракона настолько, что временно меня даже относят от пасти подальше, с любопытством разглядывая необычайно веселую жертву.

— Конечно! Какие проблемы!!!

— Тогда жди!

По-моему, котенок моего юмора не понял.

А дракону в голову пришла гениальная мысль: сначала обед поджарить. И в меня плюнули пламенем. Мама дорогая!!!

Как увернулся — не помню. Кажется, сработали рефлексy отчаянно не желавшего умирать тела.

Дракон радостно взревел и прикрыл лапой левый глаз, целясь в перепуганную жертву и что-то довольно порывкая. Я с ужасом на него посмотрел. Он что, снова?

Шикарный плевок — и боль в обожженной руке. Я же каким-то образом очутился на самой лапе, все еще сжимающей мою ногу. Дракон довольно рыкнул и прицелился снова. Я судорожно искала взглядом котенка, но из-за дыма ничего не могла рассмотреть. Чудовище снова плюнуло, целясь выше. Не дожидаясь эффекта, я изо всех сил попыталась выдернуть ногу из захвата. Кость все-таки хрустнула, но голень я освободила и успела свалиться вниз, как раз перед тем, как меня достало. В итоге опалило саму лапу, и обиженный рев накрыл и без того травмированные уши. Земля с силой врезалась в бок, я выдохнула и тихо застонала. Перед глазами все плыло, думать не получалось, а боль методично сводила с ума, накрывая волнами и вгрызаясь в тело.

— Вирх, беги!

Я застонала сильнее. Какой там «беги», даже ползти не могу. И вообще, отстаньте от меня наконец. Дайте в кои-то веки героически сдохнуть! Пожалуйста.

— Вирх, на тебя сейчас наступят!

Я передумала. Куда-то ползу на ощупь, подволакивая сломанную ногу и поражаясь собственной живучести. Позади что-то грохнуло, я поняла, что отползла вовремя.

— Ложись!

Беспрекословно падаю в грязь, стискивая зубы от новой вспышки боли, а над спиной проносится что-то большое, холодное и страшное. Стараюсь вжаться лицом как можно

глубже в лужу, булькая и не дыша. По телу ударила сильная волна воздуха, вминая в грязь по самую макушку. Грохнуло так, что заложило уши. Послышался жуткий вой, и... все стихло.

Лежу, не решаясь шевелиться и не реагируя на острый недостаток кислорода в легких.

Кто-то кусает за ухо. Что-то орут. Упорно не отзываюсь, продолжая лежать. Мне все равно. Я — труп, просьба не беспокоить.

— Вирх!

Кое-как поворачиваюсь на бок, хватая ртом кислород, и чувствую, как по лицу елозят лапкой, стирая потеки грязи. После чего устало смотрю на мокрую и не менее грязную мордочку котенка.

— Ты... жив? — Это он мне? Ну-у так сразу и не скажешь. — Потерпи, я сейчас тебя подлатаю.

— КРОВИ.... — Это я такое прохрипел? Зашибись.

Котенок вздрогнул и огляделся по сторонам:

— Щас. — После чего куда-то смылся.

Продолжаю лежать, разглядывая землю и обижаясь, что в поле зрения не попало небо. Все, что увижу перед смертью, — грязь, покореженный забор и... задняя часть умирающего дракона. Да-а...

— Вот, на, пей.

Мне суют в губы горлышко бурдюка, из которого страшно воняет. Морщусь и капризно пытаюсь отвернуться. Тело взрывается болью и посылает меня по старому адресу.

— Да пей же, это кровь!

Ага, только, по-моему, она давно протухла как минимум. Не буду!

Но через стиснутые зубы все же проникает пара капель теплой жидкости, обжигая нёбо, и я неуверенно их сглатываю...

Дальше — чудо. Сажусь, вырываю бурдюк и пью захлеб, рыча и фыркая, как лошадь. В глазах — красная пелена, руки трясутся, как у алкоголика, а тело мгновенно перестает болеть, регенерируя с бешеной скоростью.

Отшвыриваю бурдюк и невменяемо смотрю на грязного котенка:

— ЭТО ЧТО?! — даже и не пытаюсь контролировать собственный голос.

Но Мурз даже не вздрогнул, довольно улыбаясь и нагло влезая на колени к невменяемому существу, которым сейчас являюсь я.

— Кровь дракона, — зевнув, пояснил он, — по легенде, вампир, который сможет выпить ее и не сгореть заживо, — больше никогда в крови нуждаться не будет. И ему станет доступно наслаждение от обычной пищи. — Он закрыл глаза и тихонько засопел, сворачиваясь в клубочек.

Тупо перевариваю информацию. Это что, значит, меня только что чуть не сожгли заживо?

— А-а...

— Отстань, Вирх. Дай поспать, я на заклинание все силы угробил. — И он уснул.

А я тяжело вздохнул, глядя на это странное существо, и... осторожно взяв его на руки, прижал к изувеченной груди и попытался встать.

Пару раз я падал, но силы прибывали с каждой секундой, и мне все-таки удалось подняться. По синусоиде подошел к дракону и угрюмо изучил труп с впечатляющей дырой в брюхе. Зверушку жалко не было ни грамма. А осторожно жмущиеся к заборам люди, уже появляющиеся из окрестных домов, и вовсе не добавляли оптимизма. Понятно, что у них сейчас на уме: срочно разобрать зверушку на составляющие, загнать на рынке подороже и мимоходом прибить временно слабого меня, чтобы типа не мешал «честному дележу». Ну-ну. На ногах я уже стою вполне уверенно, временно забыв, что одна из них была сломана, сердце радуется вполне ритмичным стуком, а усталости — как ни бывало. Короче... подходи, народ. Не обделю никого.

— Э-э...

Ну вот и первый претендент.

Оборачиваюсь и угрюмо смотрю на невысокого бородатого мужичка, прячущего за спиной впечатляющие вилы. Это мне? Я прям смущаюсь.

— Че надо?

Мужик окончательно стушевался и сделал уверенный шаг назад. Я оскалился в улыбке (без клыков, конечно, а то мало ли... на вампиров тут всемирная охота).

— Ну дык это... Поздравляем, значит.

— Угу. Можешь валить, делиться не намерен. Это все — мое, — весомо тыкаю пальцем в вонючую тушу неподалеку.

Обида в глазах приблизившегося населения. Кажется, меня все же попытаются прибить.

— А ну расступись! — В первые ряды проталкивалась группа стражников, одетых в кольчуги, и с воеводой (или кто он там) во главе.

Мою грязную персону смирли презрительным взглядом и осторожно выставили вперед высокого субтильного типа в дорогих одеждах.

Стою, жду, держа на руках спящего котенка.

— Кто таков? — цедя слова сквозь зубы и разглядывая меня водянистыми глазами.

— Кто надо.

Злоба на лице начальства.

Нагло улыбаюсь, нарываясь. Но какой-то дедок уже шепчет что-то на ухо этому типу, отираясь рядом. Лицо мужика светлеет, на меня смотрят уже если не с пренебрежением, то, по крайней мере, с интересом.

— Я дам тебе десять золотых монет, а ты оставишь мне дракона, идет?

— Тысяча.

Дружный вздох народа и шок в глазах начальства. Стража начала доставать мечи, выказывая повышенный интерес к моей шее.

— С ума сошел? Я тебе являю высшую милость...

Он осекся, когда я начал рычать. Все окрасилось в красный, из пальцев начали вырастать впечатляющие когти, а волосы на голове зашевелились. Я вытянул перед собой правую руку, тут же начавшую светиться алым, и тихим, пробирающим до костей голосом повторил:

— Тысяча.

Мужик икнул, отшатнулся и истерически заверещал. Между мною и типом тут же выстроилась стена из лезвий и направленных в грудь арбалетов. Я улыбнулся и стряхнул капли света с руки на землю. Всего две капли, но грохнуло так, что большую часть публики просто снесло, каким-то образом умудрившись не задеть меня. Хотя... это же моя сила, так что и причинять вред мне она не должна.

— Убить ег... нет, стойте!

Кто-то кричал, народ разбегался, меня проклинали. А стража пыталась подняться с земли, подсчитывая потери и пока не находя таковых. В итоге типчика тоже подняли, отряхнули и сунули к нему трясущегося старичка, который что-то очень быстро залопотал на ухо испуганному начальству. В водянистых глазах медленно оживал разум пополам с ненавистью, которой меня незамедлительно облили.

— Ладно, пришлый, — сквозь зубы процедил он, отстраняя старика, — пятьсот, и ни одним золотым больше.

Свечение на руке медленно погасло. Я улыбнулся уже более располагающе:

— Деньги отдашь сейчас.

Он кивнул, развернулся и начал быстро отдавать приказы об охране туши. Я же пошел снова наполнять бурдюк кровью. Противно, а надо: если сейчас не напьюсь ею вдосталь, то уже часа через два она испортится, и толку не будет никакого. Гм... правда, откуда я это знаю — убейте, не вспомню.

Да, кстати, а что там с охотником на вампиров? Наполнив бурдюк и оглядевшись, увидел, как народ собирается у чего-то, лежащего неподалеку от ворот. И если мне не изменяет память, то именно там я его и оставил.

Иду к толпе, отхлебывая на ходу и морщась от запаха. Передо мной люди тут же расступаются, давая рассмотреть безжизненное тело, лежащее на земле. Склоняюсь и неуверенно щупаю пульс.

Пульса нет. Жаль. Очень.

— Какой-то вампир его задрал, — сообщают справа, — вон вся шея разодрана, да и грудь — сплошное месиво.

Я выпрямляюсь и смотрю на ближайшего мужика, не обращая внимания на болтуна. Этот с виду вроде бы поумнее остальных будет. По крайней мере, не трясется и глаз не отводит.

— Похоронишь?

— А зачем? — лениво пожимая плечами. — Ночью придут волки, вот и будет ему могила.

— Похоронишь. За один золотой.

— Три! — И наглая улыбка на бородатом лице.

— Три, — медленно киваю я.

Мне протянули руку, которую я неуверенно пожала.

— Так. Миха, Шустрый. А ну ко мне!..

Дальше я слушать не стал — снова пошел к типу, за гонораром. Уже в спину мне прокричали, чтобы приходил вечером к воротам. Я кивнул, не оглядываясь.

А котенок продолжал спать у меня на руках.

Глава 4

Тишина. Створки ворот поскрипывают на ветру, дует пронизывающий, холодный ветер, забираясь под одежду и холодя спину. Брр... противно.

Три монеты, звякнув, перекечевали в лопатоподобную ладонь. Щербатая улыбка, взмах рукой. И вот уже четверо «могильщиков» уходят обратно в деревню, радуясь огромной прибыли и обсуждая, что и сколько будут пить в трактире.

Я ежусь, запахивая поплотнее куртку и чувствуя боль в груди.

— Задыхаюсь, — угрожающе шипят за пазухой. Тяжелый вздох и угрюмая мордочка, высунувшаяся из воротника. — Где он?

Оглядываю старое, не слишком ухоженное кладбище, расположенное у кромки леса на отшибе, и тыкаю пальцем в небольшой холмик могилы с покосившимся крестом (вбить его поглубже особо не старались).

— Закопали? — ахнул котенок и попытался выбраться полностью. Пришлось взять за шкирку и пересадить на плечо. Мне вцепились в ухо и хвост с утра не чесанных волос, ощутимо повредив оба.

— Ай! Больно.

— Куртка скользкая — падаю, — наставительно сообщили на ухо, продолжая его терроризировать.

Я зашипела и сдернула его на руки. Покусали. Но вскоре котенок успокоился и притих, мигая светящимися золотым светом глазами в полной темноте. Тучи давно и прочно скрыли луну, а точнее, тот плюгавый серпик, который еще пять минут назад гордо маячил на небосклоне.

— Ну что, пошли?

Фонари глаз теперь светили мне прямо в лицо. Я недовольно сощурилась.

— Подсветку отключи, а то сама вырублю.

Свет послушно мигнул и погас.

— Прости, — смущенно, — но этот так красиво. Пару раз мигнешь, и все собаки в

отпаде.

— Не сомневаюсь.

Недовольное сопение. Я вздохнула и медленно пошла в сторону виднеющегося у края кладбища леса.

— Эй, эй, ты куда? — заволновался кот, царапая когтями ладони.

— Туда. — Не обращая внимания на Мурза, я подошла к ближайшей могиле, рядом с которой валялось старое дырявое ведро. Молча взяла его и пошла обратно.

— А зачем? — не унимался кот.

Я грохнула ведро рядом с холмиком охотника на вампиров и мрачно на него села, опасно кренясь влево. Мурз все-таки прыгнул с рук и с интересом на меня уставился. Я продолжала молчать.

— Переживаешь?

Свет луны пробился из-за туч и осветил кривой крест на могилке. Сверху капнуло.

— Нет.

— Молодец. Я тоже.

Помолчали. Послышалось тихое шипение. Стук капель немного усилился, заставив поежиться и поднять воротник кожаной куртки.

— Ну помянем! На.

Посмотрев вниз, увидела Мурза, протягивающего мне небольшой и сильно замызганный кусок колбасы. С интересом его осмотрев, отрицательно качнула головой. В доме графа, выплатившего гонорар часа два назад, я успела неплохо перекусить (под надзором кучи озлобленных и сильно вооруженных людей). Так что пока потерплю.

В ответ раздалось тихое чавканье и что-то вроде: «Ну и как фофеф».

Шипение усилилось, я удивленно уставилась на могилу.

Треск, странный звук... и длинная когтистая рука, вырвавшаяся из-под земли и вцепившаяся в крест, врезали дозой адреналина по нервам. Котенок икнул и подавился колбасой, судорожно закашлявшись. Не отрывая взгляда от руки, нащупала его хвост и с силой дернула... колбасу так проглотили.

— Пусти!

Пустила. Мурз шмякнулся на землю, набрал в грудь побольше воздуха и...

Крест треснул, а из земли послышался долгий надсадный вой, переходящий в булькающее рычание.

Я сглотнула и попыталась не паниковать. Кот же каким-то странным образом вдруг оказался у меня на коленях, активно кутаясь в куртку и тут же все мне прощая.

— Э-э... Мурз.

— А?

— А он, когда вылезет, точно будет вменяем?

Вторая рука вырвалась из грязи и начала щупать вокруг под непрекращающийся вой из-под земли и стук о землю разогнавшихся капель.

— Понятия не имею.

Я нахмурилась, приходя в себя, хотя в последнее время делать это становилось все сложнее и сложнее.

— Ты же говорил...

— Мама! Не трогай хвост, а то как дам пульсаром по... ну ты понял.

Из горла вырвалось раздраженное рычание, но в лицо попали комья земли, летящие от активно раскапывающегося покойника. Ладно, с Мурзом потом разберусь. Сейчас же надо просто встать и, не поворачиваясь к «этому» спиной, осторожно отойти подальше.

А еще через минуту на месте недавнего холмика стоял мой недавний знакомый — злой, с алыми горящими глазами, когтистый и... ну о-очень грязный.

Нервно хихикаю, пугая кота. Мертвец молча поворачивает голову в мою сторону.

В мертвых глазах мелькает что-то разумное, формируя первое в новой «жизни» слово:

— Еда!

Хихиканье перешло в ржач. Меня трясло. Из ворота показалась испуганная голова Мурза, увидела приближающегося покойника и, не глядя, шандарахнула мне минипульсаром в лоб, снова скрывшись внутри. Смеяться больше не тянуло, сожженная челка и быстро покрывающийся волдырями лоб — это не смешно в принципе.

— Мурз!

— Останови его! — За пазухой почти истерика.

Угрюмо смотрю на приближающегося мертвеца.

— Как?

— Укус, — просветили из-под мышки.

Я поморщилась и сделала пару шагов назад. Мертвец прибавил скорости, не желая терять ужин.

— Он же грязный. Не хочу я его кусать.

— Да не ты его, он тебя должен укусить!

Я сглотнула и потеряла лоб. Но тут же зашипела, отдернув пальцы. Больно.

А мертвец все приближался, переходя на бег. Я тоже решила побегать, увернувшись от захвата и начиная петлять между могилками, упрямо не подпуская его к своей шее.

— А может, просто добить его, и все?

— Садист.

Я споткнулась и чуть не рухнула, ошарашено переваривая новость. Сзади нетерпеливо мычали и подвывали, намекая на тесный будущий контакт. Я прибавила ходу.

— Так, блин, а ну объясняй снова. На фиг ему меня кусать? Я думала — он просто воскреснет и мило с нами поговорит.

— Вирх, ну не идиотничай...

— Я — Марина!!!

Молчание под мышкой.

— Ты себе в штаны, пардон, заглядывала... Марина.

Умудряюсь покраснеть, перепрыгивая через очередную оградку. Понаставили тут. Сзади послышался треск и радостное «У-у-у...». Зомбик явно начинает получать кайф от забега.

— Так чего там с укусом? — тихо. Я.

— Гм, кхм. О чем это я? Ах да, ну короче. Ты его укусил, да?

— Да.

— Но он умер. Ты в курсе?

— Да!

— А-а-а!.. — согласились сзади и схватили меня за куртку.

Я от неожиданности тоже закричала, рванув так, что выдралась из рукавов. И припустила с такой скоростью, что кот подавился футболкой, распластавшись по груди.

— Мурз!

— Тьфу, тьфу. Гадость. Короче, чтобы стать новообращенным вампиром, ему, во-первых, надо глотнуть твоей крови, а во-вторых, — еле увернулась от когтей, ничего себе скорость у покойничка, — чтобы ты дал ему свободу! И пока не дашь — не отстанет!

— Как это знакомо, — прошипела я, уворачиваясь от когтей.

— Чего?

— Ничего. Ладно! Сколько крови надо?

— Достаточно нескольких капель!

— А он меня потом точно признает?

— Верняк! На колени встанет и всего оближет, если прикажешь! — Кот перекрикивал свист ветра.

Я воодушевилась и резко затормозила.

Зомби, не ожидавший такого коварства, врезался в спину, сбил с ног и пробил мною два креста и одно надгробие. Ну что сказать... коту totally не везет. Он почему-то всегда

оказывается между мною и опасностью. Видимо, защищает так. Самоотверженно. Я бы даже сказала — самоустремленно. А вой и ругань после — это так, для антуражу.

Короче, пока раздавленный Мурз куда-то уползал залечивать переломы буквально всего, меня активно ели. Причем сам зомби явно кота не слышал и парой каплей ограничиваться не собирався, кусая все, до чего мог дотянуться. Я же — орала и отбивалась, как могла, повелевая ему если не облизать, то хотя бы прекратить меня есть! Мертвец в свою очередь выполнять приказы не спешил, урча от удовольствия и пытаясь отгрызть правое ухо.

— МУРЗ!!! — на пределе связок.

Из ближайших кустов меня послали. Я с надеждой к ним повернулась.

— Он меня не слуша-а-ай... Му-урз!

— Конечно, не слушает, он же есть хочет.

— А я при чем? Да отцепись ты, зараза!

— А ты вкусный.

— Урою!

— Ладно, ладно. Ща.

И кусты затихли. А зомби тем временем уже радостно примерялся к моему животу. Резко захотелось жить, я попытался эффектно выпустить из пальцев когти, но пальцы почему-то намертво скрючили в виде фиги, которую я ему и показал, отпихиваясь ногами. Фигу пристально осмотрели, задумчиво рыкнули и... укусили. Я взвыл.

А из кустов вышел хромающий Мурз и угрюмо посмотрел на нашу копошащуюся композицию.

— Дай ему имя, и он станет тебя слушать.

Я с трудом поняла, что это он мне. Кулак никак не хотел выниматься изо рта зомби, в голове — один мат. Ну я так не могу!

— Я нарекаю тебя... ой... Скотина!!!

Неожиданно зубы разжались, с меня слезли. И наступила абсолютная тишина, прерываемая только моим тяжелым дыханием. Вопросительно смотрю на кота.

— Познакомься, — нагло улыбнулся тот, — это теперь твоя скотина. Ты рад?

— Очень, — тихо ответил мертвец и встал, глядя на меня более чем разумными глазами и вытирая с подбородка кровь.

Мне стало плохо. Опять. Да что ж это за сказка-то такая?!

Треск костра немного успокаивал перенесшие инфаркт нервы. Я уже не вздрагивала от всего подряд и умудрялась не смеяться, как идиотка. Успокоиться совсем, естественно, не получалось. Столько всего навалилось: смена пола, мира, окружения. Короче, всего. А тут еще и этот охотничек на вампиров сидит рядом, смотрит, как на больную беременную крысу, и явно не прочь добить из жалости.

— Э-э-э... ну-с, начнем, пожалуй, с твоего имени.

— Переименовывать нельзя — перестанет слушаться и съест.

Угрюмо кошусь на лежащего на моих коленях котенка, щурящегося на пламя костра.

— Ладно. Но ведь сокращать-то можно? — Ленивый взмах хвоста. Я задумалась. — Тогда будешь зваться просто... Котус. Согласен?

— Да.

И голос какой-то безжизненный. Морщусь, пихая пальцем кота. Палец укусили, заставляя шипеть от боли.

— Ну чего еще?

— Он так и будет мне дакать каждый раз?

— А как же. Он теперь твой раб. Ты ведь счастлив?

— Безмерно.

Угрюмо смотрю на сидящего рядом мужчину. А хотя...

— Поцелуй меня.

Непередаваемое выражение черных глаз и тихий «ик» котенка. А в следующее

мгновение меня уже берут за плечи и... и фаербол сносит мужчину моей мечты куда-то в дерево. Дерево падает, я — душу кота, испуганно глядя в темноту.

— Пусти! — Полузадушенный зверь выдирается из рук.

— Ты зачем?!

— Офонарел? Ты мужчина! Тебе нельзя! Да меня твоя сестра закопает заживо, если узнает, что ее брат...

— Я МАРИНА!!!

Стон кота.

Плюнув, отбрасываю его в сторону и иду искать Котуса. Тот как раз вылез из развороченных им и деревом кустов и пытается выпрямиться, но так, чтобы не доломать ребра.

— Больно?

На меня смотрят так, словно я эти ребра лично выдираю, участливо заглядывая в глаза.

— Иди сюда, — с трудом поднимаясь из щепок.

— Зачем?

— Поцелую.

Я аж покраснел.

— Убью, — мрачно. Из-за спины. Не уточняя кого.

Хочется плакать от досады. И надо было этой фее засунуть меня именно в это тело? Найду и... даже не знаю, что с ней сделаю.

— Ладно, это была... проверка. Которую ты прошел... Так что приказ отменяется, пошли к костру.

И я мрачно шагаю обратно, понимая, что жизнь кончена, так и не начавшись.

Сидим. Молчим.

Переживаю.

Котенок дрыхнет на коленях, а темы для разговора — все сплошь банальные и скучные. Очень не хватает постели, ванны и туалета. Но говорить об ужасе замены туалетной бумаги колючими листиками как-то не тянет.

— Ты вообще как? — Ну не могу я молчать, и все тут.

На меня мрачно смотрят.

— Ну-у... может, у тебя что болит? Может, хочешь поговорить об этом...

Взгляд из мрачного становится угрожающим. Я поняла, что психолог из меня, как из таракана бабочка. Вроде бы тоже с крыльями, но не то.

— Еще вчера я охотился и убивал тех, кем стал сегодня. А сейчас я мертв, у меня есть хозяин, и мне постоянно хочется его крови... я просто сча-астлив. — Его глаза напугали бы даже гризли.

Неуверенно киваю, стараясь незаметно отползти от него подальше. На коленях закопошился Мурз, недовольный передвижениями.

— Ну... и хорошо.

У мужчины дернулось веко.

— Поверь, бывает и хуже.

— Например? — Голос пробирает до костей. Мне почему-то не верят.

— Например, я, к примеру, еще вчера была девушкой, а не парнем. И жила в другом мире, вовсе не мечтая о глотке крови на обед.

Я хмурюсь и, отвернувшись, ложусь на холодную жесткую землю, пытаюсь устроиться поудобнее. Если будут проблемы с почками, сказка получится — веселее некуда.

— Это правда?

Уже закрывая глаза, мрачно улыбаюсь:

— А зачем мне врать? Ты теперь мой раб. Лгать нет смысла.

Больше он ничего не сказал. А я провалилась в тяжелое и очень насыщенное подобие сна, издевавшееся надо мной вплоть до рассвета.

Глава 5

Вы любите лес? Я ненавижу. Сильно, прицельно и до дрожи в коленях. Везде деревья. Куда идти — никто не знает. Мох на стволах растет не только на севере, но и на юге, западе и востоке, если таковые имеются. Еды нет, воды нет (откуда я знаю, где там ручей течет?), холодно, неуютно и совершенно непонятно, когда все это кончится. Да еще и корни эти под ногами, о которые постоянно спотыкаешься. Я уже молчу о кустарниках, комарах, злых зайцах, избегающих надолго показываться мне на глаза, и... и все. По-моему, причин более чем достаточно, чтобы не любить лес.

— Вирх, я гриб нашел!

Останавливаюсь и хмуро смотрю на сидящего под деревом рыжего котенка, гордо тыкающего лапкой во что-то бледно-зеленое, с синими пятнами и дырявой покосившейся шляпкой. Валяющийся рядом скелетик убедительно не рекомендует доедать начатое.

— Нет.

Мурз сник.

— Опять поганка, да? — И голос такой жалостливый.

Мысль о том, что меня банально хотят отравить, — конвульсирует в объятиях совести.

— Пошли.

— Я зайца поймал. — Котус выходит, будто из ниоткуда, и сует мне под нос что-то большое, трепыхающееся и очень напуганное.

— Заяц! — Котенок уже карабкается мне на руки по штанине. Отдираю его за шкурку и сажаю на плечо. Добыча интересует нас обоих.

— Приготовить сумеешь? — С надеждой смотрю на Котуса.

— Да. — В глазах оттенок удивления.

Довольно улыбаюсь, сбрасывая мешок на землю.

— Так готовь.

— А ты не...

— А я не. И вообще ты — мой раб, так что давай, найди воду и...

— Но ведь мы уже полчаса бродим вокруг озера, — взвешенно и спокойно.

Удивленно смотрю на Мурза, даже и не зная, что сказать. Но он вроде бы тоже удивлен. Ясно, я тут не одна такая — со сломанным джи-пи-эр-эс в мозгах. Киваю охотнику:

— Веди.

И еще через тридцать метров среди деревьев действительно впервые блеснула вода, и мы вышли к большому чистому озеру.

Радостно вбегаю в холодную воду по колено, наклоняюсь, зачерпывая ее в пригоршню ладоней, и пью до тех пор, пока не начинаю чувствовать, как живот оттопыривает футболку. Как же хорошо, елки. Ухо с силой царапнули, и на плече повис все-таки соскользнувший с куртки котенок. Мурз с ужасом посмотрел на воду и осторожно полез ко мне на спину. Я же, усмехнувшись, беру его за хвост и с силой дергаю вниз. Когти пробороzдили по плечу, послышался вой, и кот таки рухнул в озеро, окатив меня веером брызг. Довольно выпрямляюсь, чувствуя, как от холода сводит правую ногу. Вопли котенка стремительно повышают настроение, а мысль о скором позднем завтраке и вовсе доводит его до отметки глубокий плюс.

— Вирх! — На меня посмотрели два больших злых глаза с мокрой мордочки.

— Ты — прелесть, — улыбнулась я.

«Прелесть» нехорошо оскалилась и что-то пробулькала. В итоге из-под ног резко ушла земля, и я тоже ухнула в воду, смыв кота и затонув у берега. Холод врезал по нервам. Вынырываю, отплеываясь и сильно ругаясь. А мимо меня с довольным видом к берегу проплыл Мурз, кося золотистым глазом...

Пока мы резвились в воде, выясняя, кто кого утопит, Котус развел огонь, разделал тушку и теперь жарил нанизанные на прутья куски мяса над огнем. Так что, мокрая, усталая и замерзшая, я все же почуяла запах шашлыка и вылезла из воды к костру. Где и рухнула, стараясь лечь как можно ближе. Котенок расположился у меня на спине, парой заклиний высушив и мою одежду, и свою шерсть. Я благодарно что-то промычала и потянулась к мясу.

— Погоди, еще не готово, — Мурз зевнул и свернулся в клубок.

Недовольно фыркнув, послушно убираю руку. Котус же сидит напротив и отчего-то пристально на меня смотрит.

— Тебе чего? — хмурясь. И чувствуя, что что-то забыла.

— Хочу есть, — угрюмо сообщил он.

— Ешь.

— Можно?

Странный какой-то. Он у меня теперь и в туалет отпрашиваться будет?

— Конечно.

Мужчина встал, медленно приблизился, наклонился к моему лицу, и... я закрыла глаза, чтобы не спугнуть момент и чуть вытянув губки. А в следующее мгновение шею пронзила острая боль, и этот гад захлюпал моей кровью!

— У-у-у!..

Он оторвался от раны и удивленно посмотрел на лежащую на земле жертву, зажимающую рот кулаком, дабы не заорать.

— Ты чего?

Я открыла глаза и заткнулась. Только сейчас до меня начал доходить весь ужас ситуации.

Я села. Котенок упал на землю и обиженно взвыл.

— Ты... — откашлявшись и зажимая шею рукой, — без крови не можешь?

Он стиснул зубы и мрачно улыбнулся.

— Твоя кровь для меня теперь лучше любого зелья. Готов пить литрами, а голод доводит до помешательства.

Я с ужасом вспомнила, сколько всего у меня литров крови. По-моему, где-то четыре. Так, стоп, а почему литрами? А как же пара капель — и все супер?

— Мурз, — я повернулась к котенку, тыча в Котуса пальцем, — что делать?

Он скептически на меня посмотрел.

— Ну есть два выхода. Первый: ты его держишь на строгой диете. — Мы с Котусом одинаково поморщились. — И второй: ты даешь ему полную свободу.

— И каковы минусы второго варианта?

— Для тебя? Потеря раба. Для него — возможность пить кровь любого человека, заходясь в судорогах от кайфа.

Я посмотрела на Котуса. Тот осмысливал новую информацию.

— Освободи меня, — хрипло, но уверенно, — хочу умереть.

— Поздравляю, ты мертв, — желчно ответил котенок и пошел за новым кусочком мяса.

Недоверие в глазах раба.

— Да?

— Уж поверь, я-то в этом разбираюсь. — Мурз радостно вытаскивал из общей кучки кусок мяса побольше.

Я уверенно кивнула в ответ на вопросительный взгляд Котуса.

— Но ты же ешь мясо. — На меня смотрели чуть ли не обвиняюще.

— Я вчера дракона убил, после чего напился его крови и теперь весь такой особенный. — Так, хорошо думать о себе в женском роде, в конце концов, это может быть навсегда, так что надо привыкать к новому телу. А то не пойми чего получается.

Котус вздохнул и прикрыл глаза.

— Значит, мне, чтобы стать снова... не уродом, — я молчал, мужику и так тяжело — не

буду лезть, — надо найти дракона, убить его и выпить крови?

— Не позже чем через два часа после смерти, — отвлекся от мяса котенок.

— Пошли! — кивнул Котус и решительно встал.

Я скептически выгнул дугой бровь и остался сидеть на месте. На меня недовольно посмотрели.

— А кто тебе сказал, что я тебя освобожу?

— Предпочитаешь подкармливать собственной кровью? У меня отменный аппетит.

Я хмыкнул и вопросительно взглянул на котенка. Мурз ел и отвлекаться явно не собирался. Гм... О, опять решения мне принимать.

— Ладно. — Тяжело вздыхаю, понимая, что делаю глупость. Котус напряженно смотрит на меня, застыв, как изваяние. — Короче, ты свободен. Можешь идти.

Теперь уже оба смотрим на Мурза. Котенок продолжает есть.

— Мурз!!! — хором.

Судорожный кашель, тихая ругань.

— Чего? — прохрипел он, отодвигая лапкой мясо.

— Он свободен?

Котус, казалось, даже не дышал.

— Да, а что, так не ясно?

Я выдохнул и усмехнулся. Отлично, одной проблемой меньше. Шея все еще болит, но раны заживают на удивление быстро.

— Что ж, тогда прощай, — кивнул я, поворачиваясь к Котусу.

Но тут в сердце вошел широкий серебряный клинок. А я... взглянул в его глаза, улыбнулся, чувствуя, как кровь хлещет из легких в горло, заполняя рот.

Действительно. И как я мог забыть... мы ведь враги.

— Извиняться не буду, — шепнул он, резко дернув нож вверх и вправо, ломая ребра и снова распарывая сердце.

Твою ж...

Огненный шар врезался в кота и снес его с меня. Я повернулся, кашляя кровью и пытаюсь выдернуть трясущейся рукой клинок.

— Не шевелись. — Что-то пушистое прошлось по щеке. Нож выпал сам, а в груди медленно начало нарастать горячее жжение. Я застонал и попытался отодвинуться. — Потерпи, осталось немного.

Стиснув зубы, закрываю глаза. Больно.

— Все. Шрам потом пройдет. Эй, ты меня слышишь?

Неуверенно открываю глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд и понимая, что мне больше не больно. Мурз хмыкает.

— Где он? — хрипло, не спеша садиться или вставать.

— Не переживай. После такого он еще не скоро оправится. Хочешь, добыю?

— Не... — Кашель пробивается наружу, заставляя согнуться и кое-как сесть. Грудь все-таки побаливает, не решаясь так просто забыть недавний разрыв сердца и аорты. — Не надо.

— Тогда он тебя добьет, — просветил Мурз, внимательно за мной наблюдая.

Кое-как встаю. Качнулся, чуть не рухнул, но упрямо пошел к кустам, в которых валялся еще не пришедший в сознание вампир.

— Скажи, — не оборачиваясь, — а почему у него были клыки до обращения?

— Заметил? — Голос явно довольный, чувствую себя двоечником, умудрившимся сдать тест на «пять», — В этом мире охотники произошли от вампиров. Но ненавидят их за это почему-то еще больше. Для них стать снова одним из детей ночи — хуже смерти, бесчестия и позора, в одном флаконе. Так что ты, можно сказать, очень качественно ему нагадил. Уж прости, но такое не забывается.

— Мог бы и предупредить перед тем, как я дал ему свободу.

Мурз только фыркнул. Да я и сам понимал, что глупость сморозил. Наивность уже

давно плюнула на меня и смылась к другим деткам. Но это не мешает мне прокалываться снова и снова. Я неожиданно весело усмехнулся и возложил руки на валяющееся в отрубье тело. У моего желания было одно условие: у сказки должен быть счастливый конец. А это значит, что герой как минимум доживет до ее конца и будет там чем-то сильно осчастливлен. И вряд ли этим «чем-то» будет смерть от руки Котуса. Так что...

— Ты идиот? — обреченно, из-за спины.

Я же — уже лечу охотника, против всякой логики и здравого смысла.

— Он мне нравится. Мы явно подружимся.

Тяжелый стон несчастного Мурза был мне ответом.

Охотник почему-то совсем не был счастлив спасению. Но, взглянув на Мурза и взвесив все «за» и «против», решил пока не возникать.

— Знаешь, в каком направлении ближайший город?

На меня хмуро взглянули, но он все-таки утвердительно кивнул. Я его специально недолечил, да еще и ножи забрал, нагло повесив их себе на пояс.

— Отлично, вот и покажешь тогда дорогу. А там разойдемся.

— Я до тебя все равно доберусь. — Голос спокойный, но в глазах — целое море ненависти.

Странно, что я смог не заметить такое раньше. Хотя... хороший охотник на разумную дичь просто обязан уметь качественно притворяться. Сумел же он меня убедить дать ему свободу, так что и убить сможет, если что. Только вот я... верю в хороший конец этой сказки, и все тут.

Улыбка нагло вылезла на лицо, я с интересом смотрел в его черные, переливающиеся, подобно ртути, глаза. Он нахмурился и отвернулся. Правильно, с такими психами, как я, говорить не о чем.

А посему надо идти.

Сборы заняли не больше двух минут. Я взял на руки Мурза, сунув в карман куртки остатки мяса (куртку жаль, но голодать больше не хочется), и пошел следом за хромающим охотником. Кстати, его зовут Хорт. Котусом он называть себя больше настоятельно не рекомендовал.

Что ж, мне в общем-то все равно.

Глава 6

Шли долго. Хорт сказал, что к вечеру, если не будем останавливаться, успеем выйти из леса. А там уже рукой подать до главного тракта и одной из гостиниц, в которой можно заночевать.

Больше он ничего не говорил. Шел впереди, прижимая левую руку к боку и подволакивая ногу. Вспоминаю, что специально недолечил его до конца, опасаясь продолжения мести. Но даже так — еле за ним поспеваю. Длинные ноги постоянно запинаятся о корни, а дыхание довольно быстро перестало быть спокойным и ровным. Захотелось куда-нибудь рухнуть и немного отдохнуть, но сказать это Хорту я не мог. Одно дело, когда ноет симпатичная девчонка, с которой все парни носят как курица с яйцом и совсем другое, когда скулит заклятый враг, выглядящий здоровее тебя. Из глубин уже час как пустого желудка вылезла щуплая гордость и обиженно обосновалась в груди, мешая нить и просить снизить темп. Ну его, если уж он хромой так прыгает, то я и подавно выдержу.

А хотя...

— Мурз. Му-урз.

— У?

— Дай немного силы, а.

— У-у.

То есть нет, что ли?

— Умираю, — доверительный шепот на пушистое ухо.

А эта зараза даже глаза не открыла.

— Как упадешь — подумаю.

Я скрипнул зубами.

— Сейчас ведь брошу здесь, и добираться сам как знаешь.

— Не бросишь.

Чуть не споткнулся, взыв от боли в ушибленной ноге и угрюмо уставившись на котенка.

— Ты подобрел, Вирх. Раньше бы бросил, а теперь нет. И вообще, не мешай мне спать. Я, если ты забыл, недавно тебе жизнь спас. Дважды. Так что будь добр — помолчи и дай отдохнуть.

Хотелось завывать. А спина Хорта уже мелькала далеко впереди, рискуя скрыться из виду. Пришлось прибавить ходу, проклиная все на свете и в первую очередь этот лес!

Где-то на двадцатом километре я все-таки упал. Впрочем, тут же встал и снова рухнул. Котенок выбрался у меня из-за пазухи и отошел подальше, недовольно созерцая мое изможденное лицо.

— Тебе не стыдно?

Я стонал от наслаждения: ноги наконец-то могли расслабиться. Правую вообще, по моему, судорогой свело.

Организм отдал все силы на недавнюю регенерацию, так что и пройденные двадцать уже были чудом.

— Нет.

— Вставай, а то потеряешь Хорта.

Я закрыл глаза и попытался расслабиться. Подумаешь, не очень-то он мне и нужен.

— И всю жизнь будешь ходить по этому лесу.

Мой стон разжалобил бы и мертвого. Хотя... не факт.

— Что случилось?

Мы с Мурзом ошарашено смотрим на стоящего неподалеку Хорта.

— Умираю. Добей, — вежливо попросил я.

— Только попробуй, — мрачно вставил Мурз.

Хорт посмотрел на меня, на Мурза и... сел, прислонившись спиной к дереву. Прикрыв глаза, он откинул голову назад и затих. Я тоже закрыл глаза. Страшно хотелось спать. Несчастный организм пытался любыми способами заставить меня успокоиться, пока моя бешеная деятельность не довела кое-как восстановившееся сердце до инфаркта. А вот интересно, у вампиров бывают инфаркты? Или я снова стану уникальным...

И все-таки я уснул. А точнее, отрубился. Когда пришел в себя — уже был вечер. Хорт так и сидел у дерева, положив руку на согнутую в колене ногу и пристально глядя на меня.

— Нравлюсь? — Усмешка открыла белизну клыков.

Он молча встал.

— Придется идти ночью. Темнеет здесь быстро. Идешь?

— А тебе это важно?

— Однажды мне снова подвернется удобный случай убить тебя. Не хочу терять шанс.

Я кивнул и поднялся, подхватывая мявкнувшего котенка на руки.

— Пошли.

И мы снова бодро похромали сквозь заросли в наступающую темноту. Где-то вдалеке завывали волки. Наверное, волки. Не хочется думать, кто это мог бы быть еще. Но Хорт не сменил темп, так что и я временно расслабился. Над головой, пару раз вскрикнув, пролетело что-то большое и пернатое, а под ногами шмыгали мыши, спеша укрыться на ночь от

выспавшихся за день хищников. Зеваю, оглядываясь по сторонам и начиная потихоньку скучать. Лес... если не знать, куда смотреть, — очень скучное место. Н-да.

— А знаешь, — обосновываясь у меня на руках, протянул Мурз, — со стороны вы и впрямь смотрите, как двое заклятых друзей.

— «Заклятых» — это ты хорошо сказал, по-книжному, — кивнул я, разглядывая спину идущего впереди Хорта. — И поверь, если не мужем, то другом-то он мне будет точно.

Мурз застыл на руках пушистым столбиком. В его глазах явно читался ужас и осознание того факта, что я не шутил.

— Надо будет поговорить с твоей сестрой. Тебе явно давно пора жениться, — пробормотал он.

А вот тут уже заклинило меня. Жениться? Мне?! Н-да-а. Если это и есть счастливый конец сказки, то я точно повешусь.

— Не надо.

Мурз угрюмо на меня покосился.

— Надо! — прозвучало как приговор.

— Я... сам!

— Что — сам? — удивленно.

— Все сам.

Шок в глазах котенка.

— Как... совсем все?

Я очнулся и посмотрел на Мурза.

— А ты о чем?

Облегченный вздох зверька:

— Нет, нет. Все нормально.

Я кивнул и постарался догнать опять ушедшего далеко вперед охотника.

— А жениться тебе все равно придется.

Не рассчитав скорость, чуть не врезался в дерево, с трудом увернувшись и таки вляпавшись в колючий кустарник.

— Мурз! Давай не сейчас.

— Угу.

У-у-у... Ладно. Блин, опять Хорт куда-то делся! А, вон он. Надо догнать, а с остальным разберусь позже.

Глава 7

Низкий заунывный вой прервал довольно грустные мысли о собственном бедственном положении. Лес и не думал становиться светлее или приятнее. Ветер ерошил волосы, болела пятка, да и, в общем и в целом, я очень сильно устал. А тут еще котенок довольно нагло разлегся на моих руках и спит, сопя в две дырки. Задумчиво смотрю на Хорта... вот было бы здорово, если бы он меня вот так нес.

Ну, к примеру, я — умираю: вся в крови, погрызена дикими животными... крепко сжимаю зубы, дабы не проронить ни звука, молча перенося страшную боль. А *он* самоотверженно тащит мое тело, на лице читается крайняя степень отчаяния. А из черных глаз по щекам катятся скупые слезы боли. Да, кстати, — при этом он еще успевает признаться мне в любви... в стихах... и уверяет, что сам умрет, если не дотащит любимую до ближайшей деревни.

Мм... класс! Хотя... если смотреть со стороны: один мужик тащит второго и рыдает...

Нет, не айс. Бли-ин.

И снова вой. Хорт остановился. Котенок приоткрыл правый глаз, я — врезалась в спину охотника.

— Мм... Прости.

— Тихо.

Замираю и чутко вслушиваюсь в приближающийся вой, стараясь сделать умный вид.

— Слышишь?

— Нет. Оглох.

Смотрят вопросительно, чуть сощутив глаза.

Так. Не время язвить. Я — крутой парень.

Выпрямляюсь, чуть выпуская клыки и принохиваясь непонятно к чему. Хмуро киваю.

— Слышу. — По-моему, выгляжу круто.

— Это доры.

На всякий случай соорил еще более умный вид.

— И что будем делать?

Вой приближается. Уже слышу, что звук доносится с нескольких сторон сразу.

— Если бы я был один, то убежал.

...Неужели он заботится обо мне? Краснею и отворачиваюсь, чувствуя, как заходится сердце в груди.

— Ты, — стараясь не заикаться, — за меня не волнуйся. Я могу за себя...

— Нет, — твердо и холодно, — право убить тебя принадлежит только мне, а потому...

Мучительно пытаюсь сглотнуть. Челюсть отвисла, румянец прошел. Котенок хихикает, наблюдая за изменениями на моей физиономии и явно обо всем догадываясь. Скинула его на землю. Возмущенный «мяв» заглушил конец фразы.

— Я сказал, лезь на дерево!

— А? Что?

Смотрю на палец охотника, тычущий в ближайшую сосну. Соображаю, что он имеет в виду, и осознаю, что лезть почему-то не хочется. Более того, я начинаю злиться. Страх, только что пульсировавший в груди, словно плавится в ярость. Чужую, непонятную и поднимающуюся из глубины тяжелым горячим комом, затапливающим мысли и разум. Я чувствую, что перестаю контролировать тело, и меня словно оттесняют куда-то назад, в темноту. А чужой, холодный и более древний разум спокойно обустраивается на привычном месте, мрачно оскалившись в жуткой улыбке.

— Не смотри на меня свысока, охотник. — Глаза сужены, в голосе пробивается рычание, а когти мерцают в лунном свете, подобно клинкам.

Он усмехается и кивает в ответ:

— Хорошо. Но не...

Выпрыгивают. Из кустов, и сразу целая стая. Один из них бежит к коту, разинув слюнявую пасть и полыхая светом бешеных глаз.

Сделать шаг навстречу, вырвать Мурза из-под клыков и вмазать когтями по морде, с наслаждением погружая их в мертвую плоть.

«Доры... — воскресшие трупы волков», — вспыхивает в памяти кусочек знания. Разворачиваюсь и пинаю вторую шавку, чувствуя, как третья врежется в грудь, сбивая с ног и вонзая зубы в шею. Больно. Очень....

Зашвыриваю котенка на ближайшую ветку, впиваюсь зубами в вонючую холку и почти раздираю пасть собственными руками. Сила, мощь и ярость. Сейчас все это во мне — сводит с ума и поднимается огромной волной из глубины, сжигая мысли и душу. И это сводит с ума. Уже сам иду к ним, разрывая когтями, не различающими разницу между плотью и костью. Чувствуя смрад и вонь гнилой крови, стекающей по виску, щеке. И улыбаюсь — холодно и зло, оборачиваясь к следующей жертве и желая... больше.

Стою посреди груды искореженных тел и медленно стряхиваю капли крови с когтей на траву. За спиной раздается яростный визг вперемешку с рычанием.

Оглядываюсь. Одна из тварей прижала охотника к дереву, две другие вцепились в руки, плотно фиксируя. С интересом за ними наблюдаю. Такое смутное чувство, словно я что-то упустил. Врезаю сапогом в живот очередной шавки, хмрюсь. Что?

Клинки! Я же отобрал их у него. Хм. А может, возвращать и не стоит? Он — враг. Зачем мне помогать врагу? Шавки уже не нападают на меня. Стоят полукругом, удивленно принюхиваясь к меняющемуся запаху существа, только что пахнувшего почти человеком.

Растягиваю губы в клыкастой улыбке. Признали? Мрразь...

...твою ж...

Голову будто стискивают раскаленные обручи. Падаю на колени, чувствуя, как сжимаются зубы и из горла вырывается глухой стон. Что?!

Она? Снова она! Я же...

Медленно поднимаюсь, смотрю на Хорта. Щурю глаза и бледно улыбаюсь. И впрямь... одно тело на двоих.

— Охотник! — скорее карканье, чем крик.

Но он повернул голову. А кинжал, брошенный мною, метко впился в горло той твари, что вцепилась в его левую руку. Визг, шипение, и вот уже горсть пепла осыпается вниз, а в окровавленных пальцах плотно зажата стальная рукоять. Серебро на лезвии.

Он полоснул второго зверя, все еще держащего за локоть, и приподнял третьего за шею, сжимая с нечеловеческой силой, и... остальные звери внезапно попятились, тихо повизгивая и поджимая хвосты. После чего бросились врассыпную, с ужасом оглядываясь назад.

Трансформация запаха окончена. Они признали. Признали того, на кого разинули пасть. И теперь спешат вновь скрыться в чаще леса, пока я еще... добрый.

Охотник же с удивлением смотрит им вслед, пока туша третьего дора рассыпается пеплом в его руках.

Глава 8

Сидим под деревом, лечим раны. Котенок занят Хортом. Я лечусь сам.

И каких сил мне стоило убедить зверька заняться охотником — не знает никто.

Стон охотника. Угрюмо смотрю на рыжего. Ведь умеет лечить без боли. Так чего ж?..

— А теперь грудь. Не шевелись, я залечу. — Кот лезет на колени Хорту, целеустремленно глядя на рваные раны с еще сочащейся кровью.

— Может... просто перевязать? — неуверенно.

Удивленно смотрю на охотника. Так больно?

Две лапки прижимаются к груди, вид у Мурза спокойный и сосредоточенный.

— Разряд!

Тело паня начинает посверкивать. Он... дымится? Скрежет зубов, крик. Оттаскиваю мелкую сволочь за шкуру, шипя сквозь стиснутые зубы.

— А что сразу я? Не нравится — лечи сам. Тоже мне, потерпеть немного не может.

Зашвыриваю кота в кусты, после чего прижимаю пальцы ко все еще дымящимся ранам. Сжимает кулаки, пытаюсь не орать, и отрицательно качает головой. В глазах — ничего, кроме боли.

— Я осторожно, — тихо, пытаюсь улыбнуться.

Смотрит, все еще не понимая, шипит сквозь сжатые клыки.

— Доверься мне. — Мягкое зеленоватое сияние моих кистей проникает в сжимающие их пальцы и осторожно спускается ниже, к груди, обезболивая и принося прохладу и покой.

Отпускает, разжав стиснутые зубы и откидываясь назад. Медленно начинает дышать.

Вот так. Хорошо. Все будет хорошо.

Лечение окончено.

Он уснул. Еще бы, после такой-то боли и кровопотери. И как только не орал?

На колени же, пыхтя, залез рыжий комок, смущенно поднял морду и сверкнул золотыми глазами.

— Прости.

Извиняющийся Мурз — редкость. С интересом его разглядываю.

— Он почему-то и впрямь тебе нужен живым, — каялся зверек. — А я чуть не добил. Просто подумал, что у тебя все еще помешательство и ты неадекватен, потому и взял инициативу в собственные лапы. Но... у тебя явно есть планы насчет него. А я вмешался. Прости.

О чем это он? Планы? Ну... выйти замуж. Хотя этого явно говорить не стоит. Меня, в конце концов, только что признали вменяемым, такой шанс нельзя упускать.

— Ну-у... хорошо, — откашливаюсь, — но если ты еще раз... э-э-э... а что ты делаешь?

Мурз, уже наполовину залезший в мой карман, как раз пытался что-то вытащить... Там же мясо.

Вытаскиваю эту заразу за шкурку. В лапах — половина моего ужина, морда страшно довольная, жует.

— Ну ты...

Чавканье в ответ на мое рычание.

— Ты же меня простил? — довольно.

— Зараза.

Утро наступило как-то неожиданно. Я и сама не заметила, как уснула, положив голову на *его* колени. Так хорошо... смотреть перед сном на длинные черные ресницы, слушать его дыхание, чувствуя тепло обнимающих меня рук... Ну точнее, это я взяла его руки, положив их себе на плечи. И что с того? Это ведь моя сказка.

А утром он очнулся, посмотрел на мирно спящего на его коленях парня и... дал по шее. Жестоко.

Котенок веселился в кустах, пока охотник орал на меня, чтобы я больше никогда и ничем к нему не прикасался. Я? Прикасался?! Подумаешь, обнял во сне за талию, уткнувшись носом в живот. С кем не бывает. Хорт, не слушая объяснений, пообещал прирезать в кратчайшие сроки, если еще раз... Спросил — с каких пор мне вообще нравятся мужчины? Я не растерялся и ответил, что это он сам меня не отпускал, прижимая в бреду, и даже лез ночью целоваться. Еле отбил.

Парня заклинило, от меня теперь держался подальше, целеустремленно шагая по лесу.

Еле поспеваю следом, спотыкаясь о каждый корень и ругаясь сквозь стиснутые зубы. Котенок подпрыгивает в капюшоне и, постоянно жалуясь на тряску, старается уснуть.

— Послушай.

Блин! Опять о корень споткнулась. Ну что ему еще надо? И хватит так гнать!

— А?

— Почему... ты меня вчера спас? — не глядя на меня. Продолжая идти вперед и говоря так тихо, что еле расслышала.

Хромаю вприпрыжку следом. Задыхаясь, объясняю:

— Понимаешь... я решил, что никто, кроме меня, тебя убить не должен.

Резко останавливается, поворачиваясь. Налетаю на него, но меня тут же отталкивают назад. Больно: опять корень, блин.

— Так это не потому, что я тебе нравлюсь? — глядя вбок и сжимая зубы и кулаки.

Сажу на земле, потирая поясницу, и удивленно на него смотрю. Запоздало соображаю, что немного переборщила и теперь меня считают извращенцем. Так, надо с этим что-то сделать, а то охотник меня прирежет еще до конца пути.

— Ты? Мне? С какого боку? — презрительно. Вставая, отряхиваясь и корча самую высокомерную рожу, какую только могу. — Ты ж мужик, а не баба. На фиг сдался? И только не говори мне, что сам в меня влюбился и ждешь взаимности, — усмехаясь.

Кинжал срезал прядь волос у виска и вонзился в дерево. Застываю. Зрачки расширены. С трудом вспоминаю, как надо дышать.

— Не шути так. Если полезешь еще раз...

Сощурить глаза. Нагло, вызывающе улыбнуться и выпустить когти.

— И не надейся. Даже девкой ты был бы банально не в моем вкусе.

Странно, но Хорт явно успокаивается и даже усмехается в ответ. После чего идет ко мне и, глядя прямо в глаза, чуть ли не касаясь носом моего носа, выдергивает кинжал из дерева. Снова уходит.

Сглатываю. Нервно втягиваю и вновь выпускаю когти. Я... я ведь нагло выглядел, да?

— Нет. — Эта сволочь что, и мысли читать умеет? — У тебя вся рожа красная, Вирх. И как-как, а круто ты явно не выглядел. — И уже тише: — Еще бы глазки закрыл и губки вытянул.

Открываю глаза. Мне эта зараза реально надоела. Прибью как-нибудь...

Лес достал, а еще я очень устала. Все, надоело быть мужиком. Сажусь на какую-то корягу, со стоном вытягивая ноги.

Вряд ли я сейчас выгляжу очень уж круто. Вяло смотрю, как охотник исчезает за стволами деревьев, и прислушиваюсь к храпу, доносящемуся из капюшона. Интересно, он вернется?

Он вернулся. Пытаюсь улыбнуться, откинувшись на дерево и борясь со сном.

— Что случилось? — Ни грамма заботы в голосе!

— Ну... я тебя столько лечил, что теперь даже нет сил идти.

Класс. Хорошая отмаза.

— Н-да? Что ж, уже темнеет. — Смотрю на небо, щурясь и широко зевая. — Предлагаю провести ночь в пещере неподалеку. Сколько тебе нужно времени, чтобы восстановиться?

И идти потом таким вот темпом? Вся жизнь.

— Много. Очень. А ты спешишь?

— Нет.

— Вот и прекрасно.

— Просто хочу поскорее оказаться в городе. Там условия для ночлега куда лучше, чем здесь...

Киваю, встаю. Правую ногу резко сводит судорогой. Опа...

— Пошли... ай, в пещеру. Ну где она там?

Хорт задумчиво посмотрел на меня и ткнул пальцем вправо. Иду следом, на ходу потирая бедро и сжимая зубы. Главное — не ныть.

Пещера оказалась в шести километрах от коряги.

Меня туда донесли. Но не на руках, как я мечтала, а перекинув через плечо, как куль с мукой. Мне все равно. Чувствую себя трупом, очень голодным к тому же. Кстати о голоде...

Сажусь на камень, опираясь спиной на холодный свод и задумчиво наблюдая за разводящим костер охотником. Котенок где-то лазает, обещал что-нибудь добыть к ужину. Ну-ну. Хотя если воспользуется магией...

— Эй.

Поворачивает голову. Блики огня красиво подсвечивают его лицо. И эти холодные черные глаза...

— Что?

— А?

— Ты уже минуту смотришь на меня с лицом идиота.

Да? Гм... что-то я отвлекся.

— Прости, прости. Просто я тут подумал... А ты есть хочешь?

Черные глаза резко расширились и тут же сузились. Я заметил пульсацию радужек, мгновенно налившихся кровью.

Голод. Он едва его сдерживал, а я снова разбудила. Теперь — жадно смотрит на мою шею, стиснув зубы.

— Нет, — хрипло, отворачиваясь и швыряя в костер еще веток.

— Как... совсем? — растерянно.

Сжимает руку в кулак. Кого-то сейчас прибьют.

— Издеваешься?

— Нет. Просто если хочешь, то я могу...

— Дать глотнуть своей крови.

— Ну да.

Оборачивается, встает и идет ко мне. Ежусь, но тут же одергиваю себя, напуская безразличный вид.

Он же опускается передо мной на одно колено и медленно приближается к лицу, не разрывая контакт глаз.

Так... близко. Смотрит на шею. Прикусывает губу и тянется к плечу когтистыми пальцами. На лице — усмешка. В глазах — сумасшедшая жажда.

— А не пожалеешь? — тихо, пытаюсь прочесть что-то в моих глазах.

Склоняю голову набок, убирая рукой волосы.

— Пей. Нужно, чтобы завтра ты был здоров — понесешь меня.

— Хм, — погружая клыки в кожу.

Сжимаю зубы, шипя и чувствуя сильную боль. Все верно, я ведь не человек, чтобы испытывать удовольствие от укуса вампира.

— Не «хм», а понесешь. — Сглатываю, поднимая лицо и стараясь не скулить, — Я... не успею восстановиться.

По груди стекают горячие капли. Охотник пьет жадно, большими глотками, удерживая за плечи. Перед глазами уже мутится, и я с ужасом осознаю, что останавливаться он не собирается. Что... делать? Сил так мало, и с каждым глотком — все меньше.

Последнее, что замечаю: рыжие искры знакомых глаз и яркий пронзительный свет.

Вой. Противный запах горелого. Мех лап на моих щеках и настойчивые крики:

— Вирх! Ты меня слышишь? Вирх!!!

Кашель. Горло пережато. Мне холодно и очень хреново в целом.

— Вирх!

— Да слышу я, — хрипло, пытаюсь открыть и так широко распахнутые глаза.

— Идиот. — Сила мягкими волнами втекает в грудь. Щурюсь, начиная различать цвета и сидящего на моей груди Мурза. — Ну почему ты такой идиот? Он же не смог бы выпить твоей крови без разрешения, так как именно ты его обратил! Ну почему ты такой придурок?!

— Я... думал, он остановится. Когда напьется.

Котенок тяжело дышит, но потихоньку успокаивается.

— Напьется? Да твоя кровь для него лучше любого наркотика! Даже старые вампиры не могут остановиться, если присосутся к девственнице, а тут целый бывший хозяин! Да еще и идиот, — уже тише.

Улыбаюсь, скользнув пальцами по его меху, и рывком отдаю силу обратно. Вздрагивает, смотрит укоризненно.

— Зачем?

Встаю, держась за стеночку и стараясь не рухнуть снова.

— Н-да. Этого я как-то не учел. Прости. Кстати, где он?

А... нашел. На спине охотника — большой сильный ожог. Впрочем, заживает он прямо на глазах.

Делаю шаг к Хорту, но Мурз спрыгивает с камня и встает между нами.

— Еще шаг, Вирх, — в голосе чистая угроза, — и я его действительно убью. Чтобы защитить тебя.

Останавливаюсь, прикрыв глаза и стараясь не заводитьсь. Так. Ладно. Сев обратно на

пол, достаю из куртки остатки мяса, внимательно разглядывая их при свете небольшого костерка. Котенок — все так же спокоен и собран. Делает вид, что мясо его не интересует.

— Да на фиг он мне сдался? — усмехаюсь, протягивая ему кусочек. — Сам восстановится. Иди лучше сюда, одного я уже накормил, твоя очередь.

Мурз хмурится, что-то прикидывает, но послушно подходит и даже открывает алую пасть, давая запихнуть в нее лакомство.

— Фкуфно, — угрюмо. Впрочем, уже вполне вольготно располагаясь на моих коленях.

Киваю, сую уже себе в рот второй кусок и чувствую приступ сильного голода. Причем не совсем человеческого. Тяжело сглатываю, стараясь не смотреть на расprostертое на полу пещеры тело и хоть как-то отвлечься от мыслей о крови.

Если прямо сейчас ничего не съем — сорвусь. Совсем как при битве с волками.

— Гм. А ты там... ничего не поймал? — осторожно проводя коготком по спинке Мурза.

Удивленно поднятое ухо, довольный прищур глаз.

— Да так. Поймал кое-чего. У входа валяет...

Встав и уронив кота, скольжу к выходу с ненормальной скоростью. Еда.

Н-да-а. Мишку-то за что? И как он только это дотащил?

А впрочем, неважно. Готовить некогда, так что, сев рядом с тушей медведя, ем так, полоснув когтями по шкуре и вытаскивая сочащиеся кровью еще теплые куски мяса. Мрмм! Чудовище в груди довольно затихает, пока я, жмурясь от удовольствия, проглатываю пищу, чавкая и постанывая от счастья.

Минут через пять к выходу подошел Хорт, держась за стенку и хмуро глядя на меня из-под черной длинной челки.

— Хочешь? — Протягиваю внушительный кусок, чувствуя, как по щекам и подбородку стекает кровь.

Охотник сплюнул и снова скрылся в пещере.

Удивленно смотрю ему вслед. Что это с ним? Хотя мне же больше достанется.

Глава 9

А к середине следующего дня мы наконец-то вышли из леса и увидели огромную зеленую долину да крепостные стены города, возвышающегося в центре. Стою, держась рукой за ствол дерева и тяжело дыша. Наконец-то. Дошла. Не скулила, не ныла. Хорошо хоть, это тело довольно выносливо. Хотя... кот как-то намекнул, что я могла бы ходить вдвое быстрее и не испытывать усталость вовсе, если бы не моя психика, слишком убедительно уверяющая ноги, что они — слабые и увечные. Так что сама виновата.

— И?..

Удивленно поворачиваюсь к Хорту, не совсем понимая.

— Что будешь делать теперь?

— Ну... а что?

— Если решишь скрыться — мне придется тебя убить. Я не собираюсь тебя отпускать.

Была б я девушкой (и не вампиршей) — вторая половина фразы явно привела бы меня в коматозно-восторженное состояние. И все равно почему-то приятно... я ему нужна.

— Ну значит, я пойду с тобой.

Смотрит угрюмо. Идея его почему-то не радует.

— Куда?

— Да куда угодно.

— Даже в церковь?

Пытаюсь справиться с отвисшей челюстью. Куда-куда он меня зовет?

Из-за плеча вылезает сонная морда Мурза.

— А что ты там забыл, охотник? Одна капля святой воды — и ты труп. Да и с серебром

я бы на твоём месте теперь поосторожнее был — не дай бог, поранишься, и мрачная тучка пепла до конца дней будет витать над землей.

Хорт смотрит только на меня, игнорируя Мурза. Кот почему-то обиделся и не нашел ничего лучше, как запустить в него молнией. Охотника закоротило — лезет душить некую сволочь. Выпуская когти, пытаюсь объяснить, что не отдам.

Полчаса спустя.

— Так... значит, ты идешь в город, а после — искать дракона. Я прав?

Кивок. Смотрит на кота, потирая ожог от молнии сквозь дыру в рукаве. Мурз показывает ему язык и строит рожи из воротника.

— Гм. Значит, пока — я иду с тобой.

— Зачем? — холодно.

— Ну. У меня временные затруднения с памятью. Ничего не помню, короче.

— Ты о том, что был девочкой?

— А как?.. А, ну да, я же сам тебе рассказал. Гм. Это была шутка. Просто я все забыл и теперь мечтаю вспомнить, так что пока побуду рядом с тобой. Да и вообще... ты интересный.

Кот и Хорт смотрят на меня недоверчиво и немного удивленно.

— Я... не совсем понял. Но пока меня все устраивает. Пошли.

Хмуро смотрю ему вслед, пока Мурз переползает на плечо, цепляясь за волосы.

— Ну? — тяжело дыша и устраиваясь на плече.

— Что?

— Может, мне-то хоть скажешь, зачем он тебе сдался?

Удивленно кошусь на рыжую морду.

— Да понимаешь...

— Понимаю, — угрюмо. — Ты — Марина. И ты влюбилась, мечтая о взаимности и трепеща от его прикосновений. Я прав, Вирх?

Иду за Хортом, предпочитая не отвечать.

— Бли-ин, ну и что ты будешь с ним делать? Значит, так. У тебя есть три недели, не больше. Потом планеты встанут так, что я смогу открыть дверь в наше измерение. Вот там пусть твоя сестра с тобой и разбирается, понял?

Киваю, прикидывая, хватит ли мне времени завоевать охотника и что я сделаю с Мурзом потом.

— Ладно уж. Давай прибавь темпу. А то твоя любовь вон куда учесала. Советую догнать, пока банально не кинули.

Хмыкнув, бегу следом. Ты прав, Мурз. Я — влюбившаяся идиотка. Но... если у этой сказки будет хеппи-энд, то я уж постараюсь сделать все, чтобы это был мой happy end. И скорее повешусь, чем женюсь.

— Кстати, Вирх.

— Мм?

— А деньги-то у тебя есть? За въезд в город платить надо. А то золото, что тебе заплатили в деревне, ты где-то посеял.

Хмуро роюсь в кармане. Н-да-а...

Тихое злобное хихиканье у уха.

— Что ж, тогда советую уже сейчас придумать, как ты будешь умолять во-он того типа в дальнейшем платить за тебя из своего кармана.

Пристально смотрю в прямую, как палка, спину охотника, шагающего по дороге с расправленными плечами и гордо поднятой головой.

— Ну он же меня не бросит. И не прирежет на глазах у стражи...

— Ага. А как вариант, можешь вообще ей сразу сдаться. Ты как-никак вампир.

— Он тоже.

— Хм... верно. — Мурз подозрительно притих.

— Хорт! — Догнав охотника, пытаюсь успевать шагать, а не бежать рядом с ним. — А у меня денег нет.

Мужчина резко затормозил и внимательно посмотрел на мое несчастное улыбающееся лицо (чувствую себя при этом, как не вовремя ожившее ископаемое).

— Да?

Ежусь и смущенно киваю. Котенок с интересом наблюдает за сменой эмоций на лице охотника.

— У меня тоже, — наконец сообщает парень.

Хмуро смотрим друг на друга.

— И что делать?

Охотник оглядывается на город, думает. Котенок дергает меня за ухо.

— Что?

— Ты же маг, Вирх.

Оба поворачиваем головы к Мурзу.

— И?..

— Ну так и поколдуй немножко, тебя и пропустят. У стражников ведь всегда много желаний. — Довольное сопение пушистика, кивок Хорта.

— Но я не совсем помню...

Но Хорт уже снова размашисто шагает вперед, посчитав проблему исчерпанной.

Угрюмо бреду следом. Бли-ин. Это Вирх мог колдовать, а не я. И что делать?

А в капюшоне уже снова устраивается на отдых одна мелкая пушистая язва.

И за что мне все это?

Глава 10

Стою около ворот, хмуро смотрю на стражников и что-то втолковывающего им Хорта. Периодически мужчина указывает на меня, что в целом оптимизма не добавляет.

— Эй, парень! Иди сюда!

Киваю и медленно бреду к высокому бородачу в доспехах. Он и еще пятеро заинтересованно смотрят на меня, ожидая, когда приближусь. Кот продолжает спать в капюшоне, не спеша протягивать хозяину лапу помощи. Что делать?

Встаю перед стражей, шурясь и старательно запихивая руки в карманы. Чтобы не тряслись.

— Правда, что колдовать можешь? — Видимо, их главный. Вышел вперед, щербато улыбаясь и разглядывая, как заморскую диковинку на выезде.

— Могу, — глядя исключительно себе под ноги.

— Хм. Ну сколдуй мне... а любовное зелье есть?

Гомон остальных, в глазах — интерес и внимание.

Хорт отошел, наблюдая за мной со стороны и пока не вмешиваясь.

— Нет, — сказала, как отрезала.

Разочарование общественности. Бородач сплюнул мне под ноги и спросил, что я тогда вообще могу.

Смотрю на Хорта. Мне отвечают равнодушным и чуть презрительным взглядом.

Вот всегда так. Как помощь нужна — ни у одного не допросишься. Ладно... тогда буду импровизировать.

Глаза невысокого паренька сверкнули из-за отросшей челки, а пальцы сжались в щепоть и засветились алым.

Стражники наблюдали, затаив дыхание и прислушиваясь к тихому шипению. Что именно сейчас будет — никто не знал.

Взмах руками. Веер алых искр упал на доспехи мужчин, издавая низкий мелодичный стук при соприкосновении с металлом.

Все застыли. Парень, сжав зубы и насупившись, наблюдал, сам не зная, что именно только что сделал.

Из-за плеча высунулась заспанная рыжая морда и угрюмо всех осмотрела.

— И чего ждем? Пошли в город, я есть хочу.

— Сейчас, — напряженно. Сжимая кулаки и закусывая губу.

Еще минута молчания. Мимо пролетела птичка, радостно щебеча на лету.

— Я не понял, — ехидно, — ты что, решил заночевать у ворот?

— Нет.

— Тогда что?

— Жду, когда подействует заклинание.

Тихий хмык.

— Если ты про заклинание окаменения, то поздравляю. Оно уже подействовало. Пройдет к утру. Это, правда, на мой взгляд, слегка радикальный способ проникнуть в город, но эффективный, тут уж ничего не скажешь.

Сердце пропустило удар. Тупо пялюсь на не меняющих выражения лиц стражей. Хорт подошел и постучал пальцем по лбу бородача. Звук — будто и впрямь стучат по камню.

— Мм... Мурз...

— Да? — лениво зевая.

— А... как снять заклятие?

— Зачем?

— Ну. Я его, в некотором смысле, нечаянно наложил.

— Н-да? Тогда у тебя явный талант. Наложить трехступенчатое заклинание из разряда высшей магии, которая никогда не давалась Вирху, НЕЧАЯННО — это и впрямь круто. А теперь пошли, я есть хочу. И нет, расколдовывать я их не буду и тебе не советую. Мало ли что еще нечаянно вспомнишь.

Поворачиваюсь к Хорту, но тот уже целеустремленно шагает по городу, не оглядываясь на меня.

Вот зараза, блин.

Ладно, фиг с ними, со стражами. Надо догнать любовь всей своей жизни.

Остановились в первом попавшемся трактире. Котенок сказал, что заклинание окаменения еще и память за последние сутки стирает, так что искать нас будут вряд ли. Сердце отпустило, и я смогла наконец начать наслаждаться местной кухней.

Хорт заказал всего и сразу, после чего просто сидел и смотрел, как я ем. Пристально. Холодно. И с ненавистью.

Давлюсь колбасой.

— Э-э-э... Хорт.

— Да?

— Кх-кх. Ты не мог бы отвернуться? Я смущаюсь.

— Чего? — Это кот. Сидит посреди стола, по уши в сметане, и смотрит удивленно и непонимающе.

— Ну... когда меня так ненавидят, кусок как-то не лезет в горло.

Хорт хмыкнул и откинулся на стену, прикрыв глаза и сложив на груди руки.

— Теперь есть можешь? — спокойно и тихо.

Киваю, откусывая небольшой кусок от какой-то птицы. Не вовремя приходит на ум мысль об оплате. И чем я буду расплачиваться за трапезу? Жую, думаю. Мурз просит немного мяса — отдаю крылышко.

Н-да-а... проблемка.

— Господа откушали? — Хозяин — низенький коренастый гном — возник рядом, словно из ниоткуда. Смотрит, ждет, улыбается.

А я только-только успела дожевать последнюю ложку салата. Как раз рылась в

карманах, надеясь на чудом завалившийся золотой. Это ж надо умудриться потерять полтысячи золотых! Хоть вешайся.

— Д-да, — киваю, медленно отодвигая тарелку и стараясь улыбаться не менее широко.

Котенок икал, сидя в плошке из-под сметаны.

— Что ж, хорошо. Счет сейчас оплатите?

— А что, можно потом? — наивно.

Улыбка хозяина подувала.

— Нельзя, — все еще ласково.

— Тогда сейчас, — вякнул котенок.

Хорт даже глаза не открыл. Опять мне выпутываться.

— А... Вам повезло!

— Да?

— Да. Я — маг. И могу расплатиться кое-чем более ценным, чем презренное золото. — Стараюсь, чтобы голос не дрожал на слове «презренное».

Улыбка на лице хозяина таверны и вовсе сошла на нет. На меня смотрят угрюмо и крайне недружелюбно.

— То есть денег нет.

— Ну... волшебство — гораздо ценнее.

— Хм. Что ж. Ежели не врешь, то пошли со мной.

И меня больно схватили за волосы и куда-то с силой поволокли. Едва не рухнул, кое-как пробираясь между лавками с завсегдатаями, под веселый хохот последних. Котенок и Хорт остались сидеть на месте. И почему-то им никаких претензий выставлено не было? Вот так всегда: чуть чего — сразу я. Шишки собираю.

Мы поднялись на второй этаж, и меня чуть ли не пинком закинули в одну из комнат. Кое-как удержалась на ногах, выпрямившись и оглядываясь по сторонам.

Комнатка небольшая, освещена только двумя стоящими на тумбочке у кровати свечками. На полу и стенах — дорогие ковры. А из всей мебели — кровать, тумбочка и небольшой деревянный стул.

Я нахмурилась, не понимая, зачем меня сюда привели. Гном ткнул пальцем в кровать и хмуро рыкнул:

— Вылечишь ее, и выпущу вас всех. А нет... мои ребята быстро дурь из тебя выбьют.

— И из товарищей? — с надеждой.

Удивленный взгляд из-под густых бровей.

— Небось не звери, их не тронем. В конце концов, ел и врал, что маг, ты один.

Вспоминаю кота, вымазанного в сметане. Тяжело вздыхаю.

Так. Ладно, что там у нас?

Подхожу к кровати, склоняясь над покрывалом. На ней, под кучей одеял, лежит довольно хрупкий, болезненного вида ребенок. Девочка: бледная, дышит тяжело, глаза закрыты, а по лицу стекают прозрачные капли пота. Сажусь на край, осторожно касаясь пальцами ее лба.

Плохо. Сильный жар. И Мурза нет рядом.

— Что с ней?

Гном сжимает зубы и отрицательно качает головой:

— Уже пять лекарей приводил. Все пытались вылечить, да даже жар сбить не смогли. А последний — так и вовсе сказал, что завтра, дескать, помрет. — На отца страшно было смотреть.

Прелесть какая. Что ж это за лекари такие?

Закрываю глаза. Пытаюсь сосредоточиться и чувствую, как сила медленно и как-то неохотно стекает в кисть, заставляя неярко сиять кожу чуть красноватым светом. Накапливаясь на кончиках пальцев, она застывает, словно в нерешительности, и медленно, лениво стекает на кожу девочки, впитываясь в нее и начиная поиск паразита.

Вокруг меня — тишина. Гном затаил дыхание, стараясь не мешать. Я же жду, когда

сила даст знать о том, что именно и где нашла.

Мягкий тычок в ладонь, поток инфы, и цветная картинка пораженного детского мозга, разворачивающаяся перед глазами. Сглатываю, чувствуя, что меня подташнивает. Зараза нагло и безнаказанно расселилась в самих клетках, поразив почти три четверти мозга. И даже мне уже понятно, что спасти ребенка теперь — практически нереально.

Открываю глаза и закусываю клыками губу, едва не сорвав маскировку.

— Как заболела девочка? — Голос холодный и отчужденный. В глаза стараюсь не смотреть.

— Я... да первый раз ее сюда привез. Дочка она моя. Хотел хоть на месяц из гор вывезти. Город показать. А она прямо в пути и заболела. Сначала вроде бы ничего страшного, только небольшой жар и был. А потом...

Глаза гнома потухли.

Н-да-а...

— Я спросил: как заболела девочка, а не из-за кого.

Гном нахмурился, но ответил:

— Какие-то ягоды в дороге ела. Потом ей плохо и стало. Но это ягоды безопасные! Зеленика. Что с нее станется-то?

Ну. И что мне это дает? Я даже не знаю, что это за зеленика такая. Гм... зеленика. Похоже на «клубника». Эх! Хреновый из меня врач. Просто оттягиваю неизбежное.

— Через ягоды ей в мозг пробралась какая-то тварь. Размножилась и сейчас его жрет.

Шок. Гном сел на стул, боясь не устоять на ногах.

— То есть как... жрет?

— А вот так. Мыть фрукты перед едой надо. Она ж с гор, иммунитета к местной флоре и фауне никакого...

Что я несу? Хотя впечатлился. Слушает внимательно, глаза испуганные.

— А... как ей этот мумунитет-то достать?

— Поздно. Уже никак.

Хозяин опускает голову, сжимает кулаки и медленно встает. На какую-то долю мгновения мне показалось, что сейчас передо мной рухнут на колени. Но вместо этого у горла появилось холодное лезвие кинжала, неприятно царапнувшее кожу. Замираю, стараясь не делать резких движений и только сейчас понимая, насколько влипла.

— Вылечи ее, маг. Вылечи, или и самого убью. Клянусь.

Больно. Тонкая струйка крови стекает из надреза, будоража обоняние. Смотрю прямо перед собой, крепко стиснув зубы и сжав кулаки. Но клыки упорно лезут из челюсти, а из груди медленно поднимается голодное ворчание зверя. Блин, ведь не удержу. Запах крови плюс ярость, вызванная угрозой, — слишком сильные факторы. Он сейчас в бешенстве оттого, что кто-то посмел угрожать его телу. И мое упрямое сознание просто сметет, если не подвинусь.

Зажмуриваюсь, стараясь не рычать и проклиная этот трактир, Хорта и Мурза в придачу...

Неожиданно мои пальцы сжала маленькая ладошка — горячая, дрожащая и совсем слабая. Вздрагиваю, оглядываюсь. Смотрю в затопленные болью глаза.

Как она умудряется оставаться в сознании? Невозможно.

Глаза вновь закрываются, и рука падает на покрывало. Гном всхлипывает, нож только сильнее входит в шею.

Хочется ругаться и убивать.

Сволочи. Вы все.

Закрываю глаза, опускаю руку на лоб, сосредотачивая всю лечебную силу в пальцах разом. И единым усилием воли выстреливаю этой силой в тело девочки.

Энергия огромна, воздух шипит, соприкасаясь с кожей. Чувствую себя полной идиоткой, отдавая почти все. И ради чего? Ради незнакомого ребенка, которого вряд ли

смогу спасти.

Почти вижу сквозь плотно сомкнутые веки, как все клетки мозга разом подвергаются сильному, обжигающему облучению.

Болезнь просто сметает с пути волной магии, а ребенок кричит, кричит... выгибаясь всем телом и не успевая дышать.

Все.

Нервно сглатываю. Открываю глаза и смотрю на постель. Зараза, как это ни странно, уничтожена. Клетки восстановлены по ДНК, а она все еще дышит. Все еще дышит?! Поразительно.

Трогаю лоб. Температура медленно начала спадать. Еще рано, но дыхание уже ровное, спокойное. Девочка спит.

Звон упавшего на пол кинжала отвлекает. Смотрю на сжимающего кулаки гнома, по щекам которого текут слезы.

— Спасибо, — опускаясь на кровать и беря в свои лопатоподобные ладони маленькую бледную ручку. — Спасибо...

Неуверенно киваю, встаю и по стеночке иду к выходу. Перед глазами все плывет. Из разреза на шее течет кровь, и очень хочется куда-нибудь упасть. И чтоб не трогали.

Спускаюсь по лестнице на первый этаж. Гомон постепенно затихает, все смотрят только на меня. Ну еще бы: бледный, в крови и шатающийся, стою на ступеньках и блуждающим взглядом ищу Хорта и Мурза.

Вон они. Хорт идет ко мне, а котенок сидит у него на плече. Выдыхаю и красиво падаю вниз, мысленно улыбнувшись. Ну хоть Хорт на руках вынесет. Приятно.

И тело пролетает мимо охотника, скатываясь по ступеням вниз.

Блин.

Глава 11

Тепло. Хорошо. Уютно.

Лежу в постели среди подушек и одеял, по уши утонув в перине. Кто-то храпит у уха и воняет селедкой, но это такие мелочи.

— Мрр... хорошо.

Киваю, соглашаясь и морщась от сверхмощного запаха рыбы.

— Ну ты как? Медик.

— Мурз, ты зубы давно чистил? — кашляя.

— Я — кот. Я зубы вообще никогда не чистил, — гордо.

— Оно и видно. А ну брысь.

— Чего?! Да ты, ученик, совсем зажрался!

Фаер красиво разворотил кровать, прервав недолгое подушечное счастье.

Еле успел свалить. Стою у руин кровати и угрюмо смотрю на кота.

— Я — твой учитель! Так что имей совесть и вымаливай прощение, бездельник! — вещает рыжая сволочь, уже перебравшаяся на стул.

— Ну... все.

Мурза я поймал, зажал одной рукой пасть, чтобы чего не начудил, и хмуро пошел к наполненной уже остывшей водой ванне.

Вдохновлено топлю вопящего мучителя. На душе снова полегчало.

В дверь постучали.

— Я занят!

Вошел Хорт.

— Ты всегда без стука заходишь? А если бы я чем неприличным занимался, — удерживая дергающегося кота под водой.

— С Мурзом? — И не тени сарказма в голосе.

Бульканье в ванне прекратилось. Хмурюсь, вынимаю обмякшую тушку.

— На, — сую ее удивленному Хорту. — Ты искусственное дыхание делать умеешь? Я не могу — у меня аллергия на рыбу.

— Дыхание?

— Он не дышит, — терпеливо. — Так что ты должен его спасти.

Котенка бросили в руины кровати. Еле успел поймать.

— Эй! Ты чего?

— Мне нужна кровь.

Стою, торможу Мурза, пытаюсь привести в чувство. Блин, и впрямь не дышит.

— Не дам. Я вчера очень много ее потерял, и силы на нуле.

— Мне очень нужно, — почти рычание.

Угрюмо смотрю на него. Ме-эдленно улыбаюсь.

— Сделаешь ему искусственное дыхание — дам два глотка.

Сую кота ему в руки. Взгляд Хорта... непередаваем.

— Что надо делать? — И сколько ненависти в этих прекрасных глазах. Весь таю.

Объяснил что и как.

Сижу, смотрю. Любуюсь.

Хорт небрежно разложил на столе Мурза, открыл ему пасть и теперь присосался к ней, стараясь вдохнуть как можно больше воздуха. Живот котенка вздулся, глаза открылись и лезут из орбит.

Не рискнул сказать, что кот уже очнулся. Его продолжают ответственно надувать. Котенок косится на меня, дергая лапой и явно пытаюсь что-то сказать. Тоже ему махнула, сохраняя серьезный вид.

Хорт не выдерживает, выпускает кота, кашляя и отплеываясь. Мурз со свистом выпускает воздух, хрипит, держится за шею. Отползает от Хорта.

— Вирх!

— Что? — подходя ближе и беря его на руки.

— Он... он извращенец!

Хорт оглядывается, не понимая. Тоже с любопытством на него смотрю.

— Почему?

— ВЗАСОС ЦЕЛОВАЛ! — У кота явная истерика.

— Это было искусственное дыхание. — Хорт. С низким утробным рычанием.

— Какое дыхание? А где вдох?!

— Так, мальчики, не спорьте. Мурз, он и впрямь тебя спасал. Я его попросил.

Кот угрюмо чихнул, потер лапой нос, начал вспоминать, с чего все началось. Взгляд его нехорошо задержался на ванне.

— Один топит, другой целует... И за что мне все это?

Заворачиваю язву в полотенце и сажаю на стол.

— Квиты. — Протягиваю ему руку, на которую смотрят с непониманием, — Ты сжег кровать, я — окунул в ванну. Квиты.

Осторожно жму протянутую лапку.

— Ну Вирх. Я все сестре расскажу.

Угу.

Затем подхожу к Хорту, убираю волосы с шеи и наклоняю голову набок.

— Два глотка. Помнишь?

Кивает. Подходит и осторожно притягивает меня к себе. Щеки тут же наливаются алым. Блин. Ничего не могу с собой поделать, когда он касается меня.

— Эй, эй, я не понял! — со стола, из полотенца.

— Все в порядке, — холодно. Чуть ли не мурлыча в его руках. — Это плата за твою жизнь, Мурз. — Удивленное молчание.

Клыки болезненно разрывают кожу, а его руки сжимают меня в стальных объятиях. Запах, сила, тепло... И все это разом. Так близко. Обнимаю в ответ, наклоняя голову сильнее

и прикрыв глаза от удовольствия. Хорт...

— Разряд... — угрюмо.

И тело охотника вибрирует в моих руках, дымится и падает вниз. Прижимаю ладонь к горлу, медленно оборачиваясь к закутанному в полотенце коту.

— Он сделал ТРИ глотка! — сурово. Дую на правую лапку.

— Мурз!

Мурз так и не признал себя виноватым. Так что я махнула на него рукой и перетаскала отходящего от разряда вампира в соседний номер. Там хоть постель была. Гном — хозяин трактира — посильно мне помогал.

Повалив парня на кровать, мы устало встали рядом, глядя на несчастного. Гном почему-то не спешил уходить, пока я прикидывала, — хватит ли места на кровати еще и для меня и что конкретно, очнувшись, сделает со мной Хорт.

— Я хотел бы поблагодарить тебя.

Вздрагиваю, оборачиваясь к трактирщику. Хмурюсь. Меня? Еще раз? Боюсь, не переживу.

— Пойдем со мной, я кое-что тебе покажу.

Смотрю на Мурза, уже уютно окопавшегося на подушке возле головы Хорта. Ну... будем надеяться, они без меня не передерутся.

— Ладно.

Вслед за гномом спускаюсь на первый этаж, прохожу на кухню, а из нее — в небольшую потайную комнатку, спрятанную в одной из стен. Открывалась она нажатием на определенные кирпичи стоящей рядом печи. И была довольно небольшой.

Заходить почему-то не хотелось. Но я решила, что запирать меня в стене после спасения дочери, по меньшей мере, глупо. И почему свечка только у хозяина? Я тоже хочу.

Гном поставил свечу на стол и подошел к большому старинному шкафу с кучей ящичков, каждый из которых закрывался на ключ. Достав внушительную связку, он отпер средний левый и начал в нем рыться, чем-то гроыхая.

Не выдержав, взяла свечу и подошла ближе, старясь, чтобы свет попадал внутрь.

— Нашел! Вот, на.

Мне в руки довольно сунули что-то синее, скукожившееся и отдаленно напоминающее гроздь засохшего винограда.

— Это... что? — безразлично рассматривая подарок.

— Ну дык... давно думал, как бы использовать. А то уже тускнеть начал, через месяц и вовсе силу потеряет. А тебе, глядишь, и пригодится. Рад? Ну что молчишь? А, понимаю, от счастья язык отнялся! Ну да бывает. Ты, главное, помни: мы, гномы, хоть и скупы, но жизнь близких для нас дорогого стоит! Так что не смущайся, бери.

— А что это? — глядя на трактирщика.

На меня ошарашено уставились.

— Киндеря.

— Хм. А... зачем?

— А ты точно маг? — с подозрением в голосе.

— Да, но... с провалами в памяти. Временно все забыл, — невинно улыбаясь.

Не хватало еще, чтобы гном осознал, что я — вампир. Убьет. Как есть убьет.

— А-а-а. Ну тогда ладно. Что ж ты сразу не сказал? Ну... — закрывая дверь комнаты и выпихивая меня в кухню, — киндеря — это ягоды, которые, стоит только одну съесть, меняют облик, да так, что мать родная не признает. Правда, заранее никогда не знаешь, в кого превратишься. Но для мага — первейшая вещь. Ибо никто, кроме магов, есть и пользоваться ими не могут. Вот. А так — колданул неудачно и смылся, пока по ушам не навешали. — Огромная ладонь дружески хлопнула меня по спине, чуть не впечатав в стол.

Стою, прихожу в себя, кашляю.

— Экий ты хилый. Ну да ничего. Неделью можете жить тут бесплатно. А там —

поглядим.

— Спасибо, — неуверенно улыбаясь.

Мне подмигнули, пожали хрустнувшую руку, еще разок врезали по спине и, довольно усмехаясь, удалились. Стою на кухне, тихо скулю, сращивая кости пальцев и пытаюсь не орать в голос. Н-да-а... С гномами лучше не сближаться. Хиловат я для них. Особенно после того, как грохнул всю магию и дал одному гаду насосаться своей крови.

Угрюмо считаю ягоды. Десять. Съесть, что ли?

А сколько эффект продлится? Забыл спросить. Ну вот сейчас и проверим.

Ягода почти тут же растворилась на языке, скользнув в желудок приятной теплой волною вкуса. Перед глазами все поплыло, на ощупь сажусь на скамейку, мысленно умоляя, чтобы ягода превратила меня в девушку лет... двадцати. Очень надо.

Котенок и Хорт сидели на постели и задумчиво друг на друга смотрели.

Вот уже час, как наступило утро, а Вирх так и не вернулся.

— Надо его найти. — Мурз. Хмуро.

Хорт встал, подошел к окну, выглянул.

— Ты меня слышишь?

— Мне нет никакого дела до этого мальчишки. Если опять угодил в неприятности — пусть сам и выбирается.

— Ты без его крови долго не протянешь.

Хруст ломаемого пальцами подоконника.

— Сам говорил: мне и другая кровь сойдет.

— Будешь каждую ночь кидаться на людей и сосать их, как вампир-малолетка? Поздравляю. Ты верно идешь по пути превращения в низшего. В итоге тебя прибьют свои же, чтоб не буянил.

Охотник обернулся. В глазах — холодная смерть. Мурз понял, что перегнул: не будет Хорт пить кровь людей. Скорее сам воткнет в себя серебряный кинжал, а пить не будет.

— Ладно, успокойся. Не знаю уж почему, но Вирх дает тебе свою кровь по доброй воле. С этим я ничего сделать не могу. Так же как с его желанием следовать за тобой и помогать в поисках дракона. Но и ты помни: он — мой ученик. Один из клана высших. И если с ним что случится, я тебе не завидую. Честно.

Охотник пожал плечами:

— Ты ведь мог бы убить меня прямо сейчас. Так почему терпишь?

Мурз довольно сощурился, стараясь не задирать нос.

— Ну... да. Но в этом теле я не только выгляжу, но и ощущаю себя котенком. Так что почему-то следую сумасшедшему желанию хозяина не трогать тебя. Но ведь все можно переиграть и...

Но тут речь входящего во вкус запугивания Мурза нагло прервали, пинком распахнув дверь.

Оба отвлеклись, поворачивая головы и глядя на... нее.

Девушка — молодая, высокая, с грудью пятого размера, до неприличия утянутая в мини-юбку. Огромные омуты зеленых глаз, сверкающие из-под черной знакомой челки. На лице — победная улыбка.

— В-вирх?

Хорт сглотнул, переводя взгляд на растерянного пушистика.

— Кто? — переспросил охотник.

Но тут девушка сорвалась с места, подбежала на умопомрачительных шпильках к охотнику, с визгом на него запрыгнула, обхватив ногами за талию, и поцеловала в засос, проскальзывая быстрым язычком между приоткрытых губ и постанывая от наслаждения.

Хорт скосил глаза на застывшего соляным столбиком кота. Глаза выпучены, лапка дергается. Все пытается что-то сказать.

Поцелуй становился все жарче... Охотник понял, что не железный, — особенно когда к

нему вот так прижимаются всем телом и явно готовы на все, — неуверенно обнял брюнетку и... тут Мурз обрел голос.

— ВИРХ!!!

Брюнетку отодрали от тела и осторожно поставили на пол.

— Это не Вирх, — уверенно. Глядя на грудь девушки, практически выпавшую из корсажа.

— Я Марина, — прикрыв глаза длинными ресницами и соблазнительно улыбаясь.

— Она — Марина, — кивнул Хорт, обращаясь к котенку и не понимая, отчего от запаха тела этой девушки так кружит голову, клыки режут губу, выходя на всю длину. А руки никак не хотят ее отпускать.

— Это Вирх. Уж своего хозяина я всегда узнаю. И если ты сейчас же его не отпустишь...

Девушку отпустили. Она угрюмо повернулась к коту:

— Мурз!

— Что?

— Ну какого ты лезешь?! Он — мой!

В удивленного и все еще плохо понимающего ситуацию Хорта ткнули длинным алым коготком.

— Разбежался! Ты — парень! Запомни! Па-арень! И не фиг тут... А что ты съел, что тебя так изуродовало?

Девушка вздрогнула и повернулась к висящему на стене зеркалу. С удовольствием провела рукой по талии. Хорт прикрыл глаза. Голод и страсть сводили с ума, магнитом притягивая к незнакомке, которую Мурз упорно называл Вирхом.

— А по-моему, супер. Никогда еще так хорошо не выглядела.

Котенок застонал, после чего подошел к стенке и начал биться об нее головой. Хорт и девушка удивленно за ним наблюдали.

— Так, ладно. Иди ко мне, — довольно улыбаясь и протягивая к нему руки.

На этот раз охотник успел перехватить их и силой удержать меня на расстоянии.

— Я тебе не нравлюсь? — с та-акой болью в широко распахнутых прекрасных глазах.

— Нравишься. — Хрипло. С трудом отводя глаза от почему-то упорно сводящего с ума тела. Да что это такое! Никогда еще так не хотел женщину. Это ненормально. Надо успокоиться. Успокоиться...

Слезы скользнули по бледным щекам девушки. Головка опущена, смотрит в пол, не сопротивляясь.

Охотник стиснул зубы, отпуская и делая шаг назад. Мурз сделал вид, что его тут вообще нет, даже и не думая помогать парню.

— Я... не знаю, кто ты.

— Марина, — тихо, еле слышно.

— Но ты просто не понимаешь, кто я такой.

Поднятая головка. Блеск ее глаз и легкая полуулыбка на пухлых губах.

— Знаю. Ты — вампир, раньше бывший охотником на вампиров.

Охотник почти почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Стало трудно дышать.

Сжать зубы. Успокоиться!!!

— Ты — Вирх?!

Да что же это за магия такая?

— Нет.

Выдох. Нахмурился и снова:

— Тогда почему Мурз называет тебя хозяином?

— Он тоже обознался. Я изначально — девушка.

Просто превращена в парня, очень похожего на его хозяина. — Мурз громко хмыкнул, но на него никто не обратил внимания. Котенок надулся, — Понимаешь, я как-то встретила фею, и она...

— Ладно.

Марина замолчала, удивленно глядя на охотника. Он же внешне уже вновь был спокоен, собран и смотрел холодно и отчужденно.

— Мне, в сущности, все равно: кто ты и кем была. Просто сейчас ты должна уйти, поняла? Или я сам выставлю тебя за дверь.

— Но...

— Вон отсюда. — И ни грамма тепла в голосе.

Девушка вздрогнула, беспомощно оглянувшись на котенка. Но тот все еще дулся, а потому сидел ко всем спиной на подушке.

— Но я... люблю тебя, Хорт.

Охотник вздрогнул. Холодный панцирь безразличия дал трещину. Он тряхнул головой, прогоняя наваждение. Да что же это сегодня с ним?

— Вирх, — стон с подушки, — ты меня убиваешь.

Поднять голову, твердо взглянуть ей в глаза, чувствуя, как ее руки обвивают шею, теплые губы снова прижимаются к губам, а нежное мягкое тело словно тает в объятиях, его объятиях. Голова кружилась, мысли стали рваными и неважными. Хотелось одновременно и оттолкнуть, и... прижать крепче, намного крепче.

Чтобы больше никогда не отпускать.

— Хорт, — тихо, сквозь вкус поцелуев, прерывисто дыша и сводя с ума ароматом кожи, почти неосязаемым для обычного человека, но остро обоняемым охотником-вампиром.

Что же это?

Впитаться в ее губы. Сжимая в руках так, что сердце зашло в агонии в груди, слыша собственный полурыв-полустон, и целовать, целовать... пока хватает дыхания. Не думая ни о чем, наслаждаясь близостью...

Тихий хлопок. Приоткрыть глаза и увидеть тающего в его объятиях... Вирха.

Как же так?

И только тихий ржач котенка на заднем плане наполненной смертельной тишиной комнаты.

Глава 12

Ну, Мурз, ну ско-ти-ина! Вот есть же скотина такая.

Сижу у колодца во дворе, лечу сломанную в двух местах челюсть, слушая вопли кота, доносящиеся из глубины. Я его таким заклинанием от злости спеленал, что колдовать эта гадость не сможет часа два как минимум. Нет, ну это ж надо было снять заклинание в такой момент!

У Хорта чуть инфаркт не случился. Парень до сих пор в шоке. На меня не смотрит, пьет вино — отходит.

Бли-ин. А я была так близко. Еще бы чуть-чуть. Но эта зараза сняла чары. Убью.

— Вирх! — гулко, из колодца.

— Что? — Ой, блин. Больно-то как.

— Я околел! Вирх, ну я больше, честно, так не буду! Ну пожа-алуйста. — Тихий всхлип и чихание утопающего в бадье.

Сжимаю зубы, хватаясь за отозвавшуюся резкой болью челюсть. Угрюмо тяну бадью обратно на поверхность. Из глубины, вцепившись коготками в веревку, к свету поднимается мокрый и крайне несчастный Мурз. Смотрит жалобно, трясется.

Беру за шкуру, отогреваю заклинанием и прижимаю к груди, заворачивая в куртку.

— Спп-пас-си-бб-бо, — дрожит он.

Хм, пробыл всего пять минут, а уже околел. Слабый какой.

— Еще раз такое выкинешь — продам магу вместе с заклинанием магопеленания. Понял? — Голос пустой и безжизненный. В глаза мне сейчас лучше не смотреть. Кот кивает,

испуганно на меня глядя.

— Ну прости. Я и вправду не знал, что это так важно. Думал... заскок.

Смотрю на кота мертвыми глазами. Улыбаюсь так, что самому жутко.

Котенок икает, дергая правым глазом.

— Я, честно... Больше никогда и ни за что! Честное магическое.

— Ну-ну. Короче, ты понял. Кивает.

Медленно встаю и иду в таверну. Надо бы поесть. И начать общаться с Хортом. А то так от шока и не отойдет.

— Да, кстати. А сколько бы продлилось действие заклинания без твоего вмешательства? — удерживая мокрого Мурза на руках.

— Ну... часов пять. Слабенькое было. А что? Киваю, мысленно подсчитывая, сколько еще часов смогу быть девушкой. Ну фея, ну зараза. Бли-ин, и какой конец тут ожидать?!

Не женюсь — и все тут.

Хорт сидел в комнате на подоконнике и задумчиво смотрел наружу. Подхожу, опуская Мурза на кровать, мнусь, пытаюсь сообразить, что сказать.

— Мм... крови не хочешь? — растерянно.

— Даже не оборачивается.

— Дам отпить...

Обернулся, смотрит тяжело и испытующе.

— Три глотка. — Улыбка почти жалобная.

— Хорошо, — Встает, обнажая клыки, подходит.

— Торопливо подставляю шею, протягивая к нему руки. Замирает. Каменеет.

— Не могу.

— Что так? — Котенок. С кровати, хмуро.

— Как представляю, что парня целовал... — тихо.

Меня оттолкнули. Охотник пошел к двери.

Прикусываю губу. Надо что-то делать. Магичу, зажмуриваясь и изо всех сил желая, чтобы он просто все забыл.

Вспышка, шипение и тихий ржач котенка были мне ответом.

— Вирх, — валяясь на кровати и ухохатываясь, — ты — нечто. Я всего от тебя ожидал, но еще одной Марины! Ой, я ща помру.

Открываю правый глаз, осторожно глядя им на разглядывающую себя в зеркале широкоплечую мощную брюнетку, еще недавно бывшую Хортом. Зубы девушки сжаты, грудь рвет рубашку, а бровь подергивается.

— Э-э-э... — прямо не знаю, что и сказать. Как бы на себе такое повторить?

Ко мне медленно оборачиваются. В глазах... та-а-ко-ое! Вспоминаю сломанную челюсть. Понимаю, что слишком легко отделался. Красиво выпрыгиваю в окно, удирая от невменяемого охотника.

— Я все исправлю-у-у! — на пределе связок.

И прыгающая вслед с обнаженным кинжалом девушка, мрачно улыбающаяся в ответ.

Мама, роди меня обратно.

Оно меня догнало. Попыталось страшно избить, но! Я, не иначе как с перепуга, превратила Хорта обратно в парня! И меня оставили в полуживых. В луже, у колодца. Мужчина моей мечты. Мра-ак.

Всегда считала, что парень, поднявший руку на девушку, — ее как минимум недостоин. С другой стороны, я сейчас и не девушка вовсе. Отыскать бы ту фею, что придумала эту сказочку, и врезать бы по морде лица так... а еще лучше — ее саму сделать мужиком и торжественно вставить в сказку про Златовласку. Пушай взбирается по волосам в башню и женится на девушке сколько влезет. Я тебе покажу хеппи-энд, скотина. Я тебе... ой, больно.

Нет, ну за что мне это?!

Вернулась в комнату, разбудила Мурза. Сонный недовольный пушистик лечит хозяина, объясняя, что я неправ, а еще я — мальчик. С чем советует смириться.

Не хочу.

А заклинание, с помощью которого Хорта в девку превратила, как назло, забыла.

Сижу. Грустно думаю о сущем, чувствуя, как синяки проходят, а трещины в костях срастаются. А может, ну это все... подумаешь, ну стала парнем. Что плохого?..

Я сейчас заплачу.

Дверь скрипнула, в комнату вошел Хорт. Не глядя на меня, сказал:

— Я тебе верю... Марина.

После чего вышел, закрыв дверь за собой.

Сидим с Мурзом. Смотрим на дверь. В мозгах — каша.

— Он все-таки сошел с ума? — Мурз смотрит на меня, оценивая масштаб растянутой от уха до уха улыбки. — Я с вами тоже скоро шизанусь, — уверенно и сквозь сжатые зубки.

Киваю, встаю и иду к двери.

— Куда ты?

— К нему.

— Идиот! То, что он тебе поверил, еще не значит, что кинется целовать.

Торможу. Смотрю на котенка.

— Да?

— Да! Так что успокойся, сядь и дай себя долечить.

Падаю обратно на кровать. Мурз прав. Но, он мне поверил.

Йес!

Только еще через час осмеливаюсь спуститься вниз, держа на руках кота. Хорт сидит за столом, уже заказал поесть и ждет меня. Сажусь, стараясь вообще на него не смотреть.

— Ешь.

Киваю, сажаю Мурза возле миски с птицей, облитой сметаной, и начинаю есть, одновременно придумывая, как начать разговор. Но начинает его он.

— То, что ты раньше был девкой — ничего не меняет. Я все еще тебя ненавижу и убью при первой же возможности. — Как ведром ледяной воды окатило. Чуть не подавилась. Сижу, смотрю в стол и слушаю. — Заклятие явно сильное, либо же ты просто неслабо ударился головой и все это себе напридумывал. В любом случае, теперь лучше тебе вести себя как парень, а не как девка. А еще раз полезешь целоваться — зарежу, не посмотрев на кота. Понял?

Еще один кивок. Я все поняла.

— Вот и хорошо. Я достал карту. — Лист бумаги осторожно раскладывают на столе, отодвигая еду и Мурза в сторону. Смотрю невидящими глазами, стараясь прийти в себя. — Вот здесь, — палец ткнул в одну из изображенных гор, — живет алый дракон. За его голову дают немалую цену. Если убьем — освободим еще и принцессу. Ты слушаешь?

Снова киваю.

— После того как я выпью его крови, ты мне станешь не нужен. Тогда и сразимся. Согласен?

Еще один кивок.

— Вот и хорошо. — Сворачивает карту, встает. Движения скованные и резкие. Не поднимаю глаз. — Я буду ждать на конюшне. Хозяину я уже заплатил, так что доедай и приходи.

И с этими словами он вышел, оставив меня в бездне отчаяния и тотальной депрессии.

Мурз подошел, потыкал лапкой и тихо вздохнул:

— И что теперь? Может, хватит, и согласишься наконец стать Вирхом?

Смотрю на него. Провожу когтями по нежной мягкой шерстке, слыша тихое урчание в

ответ и слабо улыбаясь.

— Он прав. Я уже не девушка. И хватит об этом.

Глаза котенка удивленно расширяются. После чего Мурз кивает и, довольный, трется носом о мою ладонь.

Я решила. Теперь я — парень. Только жениться не стану, и не просите. Точка.

Глава 13

Хорт, как и обещал, ждал на конюшне, уже держа под уздцы двух симпатичных, нагруженных провиантом лошадок.

— Неужели хозяин отдал? — Удивление дается нелегко. Сейчас вообще чувствую себя настолько паршиво, что хочется просто всех послать.

— Нет. Я немного заработал, пока мы были здесь.

Опускаю голову. Заработал. А я вот...

Хотя... я заработала на наше проживание и питание. Так что мне-то как раз стыдиться нечего.

— Молодец, — влезает Мурз. — А вон та корзиночка на луке седла — для меня?

Кивает. Взираюсь на указанную лошадь, сажая перед этим довольного Мурза в корзину.

— Ну. Поехали? — Пушистик смотрит то на меня, то на Хорта.

Оба молчим и хмуримся.

— Поехали, — кивает охотник и первым трогается с места.

Бью пятками лошадь, вонзая шпоры в бока. Животное ржет, вставая на дыбы, сбрасывает меня и Мурза и куда-то скачет сломя голову.

Хорт, бросив на меня убийственный взгляд, срывается с места в галоп, спеша догнать беглянку.

— Вирх, — мрачно-язвительно, с трудом выбираясь из-под корзинки, — только не говори мне, что ты забыл, как ездить верхом.

— А я умел? — удивленно. Потирая рукой отбитый зад.

— Н-да-а... Приехали.

Лошадь вернули. Показали, как ездить верхом, долго наблюдая за моими потугами. Кот сидел на земле и едко комментировал каждую попытку. Хорт — только сжимал зубы, поглядывая на солнце.

— Ну не могу я! Она на дыбы становится, как только я на нее запрыгиваю. — В глазах — почти отчаяние.

— Попробуй не прыгать на нее с крыши. — Хорт.

Котенок ржал, сидя уже почему-то у него в седле.

— А как тогда? С земли — не допрыгну, а едва я до нее дотрагиваюсь — у этой заразы глаза алым наливаются.

Я снова стояла на краю крыши, сощутив глаза и примериваясь к нервно ржущей неподалеку кобыле.

Прыжок. Попала! Крик вставшего на дыбы копытного, дерганье всем телом, и... я снова красиво лечу на землю, впечатавшись плечом в стену и рыча сквозь стиснутые зубы.

— Так, ладно, так мы тут до утра пробудем.

Кое-как встаю, хмуро глядя из-под челки на слезающего со своей кобылы Хорта.

— И что ты предлагаешь? — сквозь зубы. С ненавистью разглядывая упрямое животное.

Точно помню, что во всех фильмах ковбои именно так на них и запрыгивали. А у этой, видите ли, характер.

— Я сяду на нее, а ты — на мою. Она не так напугана и более послушна.

Угрюмо смотрю в глаза лошади Хорта. Щурится, мотает головой, тихо ржет. Но попробовать ведь стоит.

— Ладно. Но если что — я не виноват.

Встаю, подхожу, сажусь. Хм...

Хорт — уже на моей нервной беглянке — спокойно подъезжает к воротам, крикнув, что, если не поторопимся, — дракона убьют другие. Котенок пробежал по земле, подпрыгнул, забрался по штанине охотника и радостно устроился в корзинке. Предатель.

Кое-как выезжаем за ворота.

А я все время буду так подпрыгивать?

Из города мы выбрались относительно спокойно. Шагом. А вот как только стража выпустила нас за ворота — Хорт тут же попытался перейти на рысь. По крайней мере, я это так назвала.

Постоянно подскакивая в седле, отбив пятую точку уже на первых минутах и закусывая до крови губы (чуть их же и не откусив), я поняла, что храбрым и бесстрашным мужиком смотреть вряд ли.

— Ты как? — Хорт, поравнявшись со мной.

Вымученно улыбаюсь, вытирая кровь с подбородка.

— Может... помедленнее? — Стараюсь, чтобы голос звучал не слишком жалобно.

— Тогда до ночи точно не успеем.

— Докуда?

— До леса.

Смотрю на возвышающийся всего в километре от нас лес. Издевается?

— Ладно, я выдержу. Езжай.

— Уверен?

— Я же мужик, в конце концов.

Что это, улыбка? У Хорта?! Не, глюк, стопудово глюк.

— Хорошо, что ты наконец-то это понял. Что ж, тогда догоняй. — И он сорвался в галоп.

С тоской смотрю вслед, кошусь на флегматично подпрыгивающую подо мной лошадь.

Блин! Не недооценивай меня!

Вонзить шпоры глубоко в бока, услышать почти визг оглушенного болью животного. И сорваться с места в дикий неуправляемый бег (вцепившись в гриву, сжав колени и зажмурив глаза).

Мимо удивленного Хорта и Мурза промчались, как вихрь. Я старалась не орать, стиснув зубы и не открывая глаз.

Я выдержу. Я выдержу. Я... мама-а-а, роди меня обратно-о-о!!!

Остановились мы где-то в лесу. Хорт догнал, схватил за болтающуюся по воздуху узду и сумел сбавить темп, успокаивая взбешенное животное и постепенно гася скорость бега до нуля. Потом он пересадил ко мне Мурза. Который тут же начал вливать в меня магию успокоения, умоляя разжать скрюченные пальцы, которыми я вцепилась в гриву, и открыть глазки, а то он волнуется.

Руки разжала. Кое-как села, все еще тяжело дыша и унимая дрожь во всем теле. Хорт сказал, что по лесу поедem медленно, так как тропинка узкая и надо опасаться веток. Киваю, прижимая к себе Мурза. Прошу оставить пока его мне. Хорту все рано — он уже едет дальше, не оглядываясь на нас.

Утыкаюсь носом в шерстку Мурза и тяжело вздыхаю. Как же это все-таки тяжело — быть настоящим мужчиной. (Про ощущения в одном месте вообще молчу. Не хочу травмировать кота матюками и описаниями столь явных отличий между мальчиками и девочками. Надо срочно придумать обезболивающее, а то совсем загну-у-усь.)

— Хочу корзинку.

— Потерпи.

— Мне неудобно.

— Я знаю.

— А что ты делаешь?
— Ну... ты не знаешь какого-нибудь заклинания от мозолей?
— Гы-гы.
— Мурз!
— Ну знаю.
— Какое?
— Страшное. Мне понадобится литр твоей крови, свет полной луны, цветок сароса и...
— Так. Все. Я поняла.
— Понял, — поправляет меня.
— А?
— Ты парень. Прекрати говорить о себе в женском роде, тебе не идет.
— Язва.
Молчание.
— Хочу корзинку.

Мурза пришлось вернуть Хорту. (Я им в него кинула. Охотник, повстречавшийся сразу и с котом, и с веткой, обещал в следующий раз дать в глаз.)

Ну и пусть. Блин, как зад-то болит.

Ехали долго. Полдня.

Светило солнце, пели птицы. Где-то журчали тихие ручьи, вкрадываясь в шелест листвы и прочие звуки жизни. Я немного расслабилась, подставляя лицо пробивающимся сквозь кроны лучам солнца и щуря глаза. В принципе... не так уж и плох этот лес. Сейчас еще что-нибудь бы от мозолей придумать, и можно вообще немного подремать.

Заклинание долго не получалось: то сила не откликалась, задремав в глубине сознания, то я на что-то отвлекалась. Но я не сдавалась, и в итоге боль начала сходить на нет, а мягкое покачивание скорее убаюкивало, чем причиняло неудобство.

Мимо по ветке пробежала белка. Занятая лечением боков лошади, я задумчиво проследила за ней взглядом. Хм... хорошо бы еще и поймать что-нибудь на ужин. Хотя... судя по седельным сумкам, Хорт вроде бы позаботился о запасе провианта. Надо уточнить.

— Охотник!

Поворот головы, прищур глаз, вопрос в глубине. Выпрямляюсь, стараясь смотреться мужественно и развязно.

— Гхм. Я бы мог... подстрелить че-нить на ужин. Ты как?

— Чем?

Не сразу улавливаю смысл вопроса, занятый тем, чтобы красиво болтать правой ногой и одновременно пригнуться под толстой веткой.

— Чем? Ну магией. Я ж колдун! Вот. И... и могу че-нить жажнуть.

— Жахнуть? — приподнимая бровь.

— Ну... жахнуть, отхренарить, замочить, тюкнуть. — Голос становится все менее уверенным.

— Ладно. Жахни.

И он снова отворачивается, теряя ко мне интерес.

— Вирх, ты чего там жахнуть решил? — Мурз, свешиваясь через край корзинки и стараясь увидеть меня.

— Да так, — соображая, как именно и кого сейчас буду «жахать».

Охота — это ведь вроде бы по-мужски? Во-от, сейчас я докажу этой ледышке, что тоже не промах. Так... Гм... Хм...

Хорошо бы медведя. Или тигра. А тут есть тигры? Впрочем, сгодится и кабан.

Значится, так.

Сначала нужно зверя приманить. Потом как-нибудь красиво загасить, чтобы вампир

впечатлился, ну и... О! Придумал! Кабан, значит, такой выбегает, я ему засвечиваю заклинанием в лоб. Итог: мгновенная смерть и разделывание в полете. А что? Эффектно. Помужски. Осталось придумать заклинание. А может, так?

Хрипло дышу. Поднимаю голову и вижу уже исчезающий впереди круп лошади Хорта. Ударив пятками по бокам, догоняю его, прижавшись к гриве и оглядываясь по сторонам.

Странно... я же точно что-то наколдовала. А где добыча?

Догнав, тяну за поводья, чуть не поставив лошадь на дыбы, ругаясь при этом сквозь зубы. Хоть бы какая белочка пробежала, что ли, а то чувствую себя, как полная дура. Колдовала, колдовала, и все зря.

Громкий рев отвлек меня от самобичевания. Подняв голову, удивленно смотрю на огромного медведя, вырвавшегося на тропу перед лошадью Хорта. Грозный хриплый вой из раззявленной вонючей пасти и растопыренные когти бегущего вперед монстра впечатляли.

Охотник натянул поводья, вытащив меч и крикнув мне, чтобы сдала назад.

— Не бойся! Он замагичен. Это наша добыча, сейчас сам сдохнет! — успеваю крикнуть — счастливый и гордый.

Хорт не отвечает, привстав в седле и сжимая одной рукой поводья, а второй — эфес меча.

Медведь подпрыгивает, растопыривает лапы, ревет так, что глохну, и... разлетается на кусочки прямо перед скакнувшей вперед лошадью с охотником.

Окровавленный, заляпанный внутренностями и с мечом в вытянутой руке... Хорт представлял собой незабываемое зрелище. Он еще и в стремях привстал, согнув ноги в коленях.

Надрывно кашляю в кулак, сотрясаясь всем телом и стараясь не смотреть в его сторону.

Из-под ошметков в корзинке выбирается Мурз, мрачно оглядываясь и отплеываясь от мяса. Смотрит на меня.

— Вирх.

— А? — сквозь слезы.

— Ну ты ка-а-зе-ел, — с чувством.

Ухмыляюсь и спрыгиваю с коня. А кто спорит?

Глава 14

Еду вслед за охотником. Над Хортом и Мурзом роятся тучи мух, комаров и прочих насекомых. Еще бы. Такой запах.

Вампир сказал Мурзу, что через час будет водоем, там и отмоются. Я, кстати, предлагал почистить их магией, но меня красиво послали.

Ну и ладно. Пусть мучаются, если так хочется.

Котенок при этом громко (чтобы я слышал) рассказывал Хорту о детстве Вирха и жутком характере хозяина. К примеру, Мурза не раз:

— запускали с порванным парашютом с крыши замка;

— забывали в случайно найденном тайном проходе;

— рассказывали на ночь жуткие истории собственного сочинения с эротическим уклоном (после которых кот до утра сидел на подушке с квадратными глазами и отвисшей челюстью);

— подливали в молоко концентрат валерьянки, после чего запускали в псарню и любовались «этими забавными собачками», удирающими от колдующего направо и налево невменяемого кота. Фантазия которого работала только на тему: «Мне бы киску...»;

— превращали пойманную мышь в трехметрового дракона именно в момент, когда голова несчастной была в пасти Мурза.

Эмоции кота было не передать словами.

Ну и так далее. Я слушала с неприкрытым интересом, восхищаясь неизвестным мне Вирхом. У меня бы банально не хватило фантазии. Хотя... А, ладно. Главное сейчас — вести себя тихо и прилично. А то Хорт что-то нервничает. Еще раз выпендююсь с магией — точно прибьет.

А вскоре мы и вправду выехали к небольшому уютному озерку. Как раз начали сгущаться сумерки, потихоньку накрапывал мелкий противный дождь. Так что было решено остаться здесь до утра.

И пока эти двое плескались, смывая кровь и грязь, я создал небольшой (четыре метра в диаметре) круг, ограниченный сверху непрозрачной сферой. Магию замкнул саму на себя, так что поддерживать его всю ночь будет совсем не трудно. Землю застелил той же странной мягкой субстанцией и только в центре оставил место для костра. Вернувшийся Хорт спросил: что это, опасно ли заглядывая в полукруглый проем.

Объяснил, что будем спать в комфорте. Смотрит с подозрением, мокрый котенок сидит рядом и принюхивается. Ожидаем вердикта профессионала.

— Ну... может, это и продержится ночь, — уже залезая внутрь полусферы и на ходу суша шерсть заклинанием.

Выбираюсь из палатки, решив перед сном расседлать лошадей и достать мясо.

Хорт кивнул Мурзу и пошел за дровами. Но... прежде чем скрыться в лесу, проходя мимо меня, тихо спросил:

— Мне нужна кровь. Этой ночью дашь?

И чего я так краснею?

— Дам, — тихо.

— Не даст, — из палатки. Хмуро. — Тебе неделю можно вообще спокойно без ее крови жить. А чем чаще присасываешься, тем больше зависимость. Так что терпи.

— Но... — хором.

Хорт тряхнул головой, стиснул зубы и размашисто зашагал по направлению к лесу. Лезу в палатку, мечтая удушить кота. Писк, визг, меня обожгли фаером, проделав красивую дыру в палатке. Мурз!

Охотник вернулся только через час. Губы — в крови. Смотрит хмуро.

— Зря. — Кот, вылизывая шерстку и сидя у меня на коленях. — Кровь животных только притупляет жажду, потом станет хуже. Лучше было переждать.

Его послали в грубой форме, разводя костер. Мурз надулся, дергая меня за рукав и спеша нажаловаться:

— Вирх, ну вот на фиг он нам нужен? Ругается, ненавидит, не всегда вменяем... еще и охотник на вампиров. Давай прибьем по-тихому и дальше сами пойдем? Скоро портал откроется, сестренка порадует.

— Мясо будешь? — Нанизываю куски на прутья.

— Буду. Ну вот ты скажи, зачем он тебе сдался?

— Ну... — Охотник, сидя напротив, тоже смотрит на меня. Так. Я — мужик. Откидываюсь назад, на локти, и развожу ноги в стороны. Мурз удивленно на них косится. — А мне просто скучно. Да и убить еще одного дракона...

— Так ты же испугался первого. И вообще это я его убил, если ты забыл.

Удивленно расширенные глаза охотника, на котенка смотрят с недоверием. Мурз тут же задрал нос.

Грр....

— Да, но второго убью я. Ну... из спортивного интереса. А то решил стать мужчиной, а ни одного дракона не убил.

— Там еще и принцесса, — напомнил Мурз. — Бонусом.

— Точно! — Выпрямляюсь, согнув ноги и мечтательно щурясь. — Убью дракона, спасу принцессу, стану круты-ым...

— Женишься, детей заведешь, — вклинилась эта язва.

Меня перекосило.

— А интересно, что это за принцесса? — Хорт. В первый раз вставил реплику.

Удивленно на него смотрим.

— Ну... Небось уродина. Раз никто пока не спас. — Язва.

— За уродин столько не дают.

— Но тогда уже кто-нибудь бы спас, — снова Мурз.

— А что, если она сначала была ничего, а потом ее немного изуродовал дракон? Ну там нос отломился при транспортировке, или глаз вытек. — Кажется... я увлекся — смотрят с ужасом.

Хорт фыркнул и лег у костра, натягивая одеяло и показывая тем самым, что разговор окончен.

Хмыкая, стиснув в объятиях хрипящего кота, не понимающего, с чего вдруг такое внимание.

И все же хочется поговорить. Да и... ревную я. Немножко. А вдруг Хорт влюбится? Может, и впрямь красавица. Тогда я на ее фоне точно проиграю. Хотя бы по половому признаку. (Мысль о том, что я теперь мужик по всем статьям, ввергала в депрессию.)

— Вот представь, — садясь и поворачивая мясо над огнем вместо Хорта, — ты — красивый, сильный — убиваешь дракона, вбегаешь в самую высокую башню, взлетаешь вверх по тысячам ступеней! Врываешься в комнату: весь в крови и слюнях чудовища... и видишь ее. — Хорт упорно делает вид, что спит. — Она встает. Медленно хромот к тебе на культях ног. Ее рвет, из глаз сочится гной, а когтистые руки сжимают костыли. — Мурз отвернулся от огня и медленно повернулся ко мне. Глаза дикие. Спина Хорта тоже напряглась.

Милашки! Такое буйное воображение может быть только у тех, кто никогда не видел телевизора.

— Ее голос сипло вызывает к тебе. Единственный черный зуб из гниющего рта вываливается прямо на глазах, волосы отслаиваются кусками, обнажая мозг...

Хорт сел, обернулся и высунул нож, показав его мне.

— Не заткнешься — зарежу сейчас, — зло, сквозь зубы.

Угрюмо киваю, тяжело вздыхая и снова переворачивая мясо.

Тоже мне, мужчина. Обычной страшилки на ночь не выдержал. Любуюсь квадратными глазами котенка. Не удержалась и тихо закончила:

— А потом он ее поцеловал в сосиску, и всю ночь из спальни доносились хриплые сто...

Мне двинули в челюсть, вышли из палатки и послали в задницу.

Какие тут все нервные. Держусь за будущий синяк и дуюсь. Бли-иин. Ну почему он? Почему бьет? Я же девуш... ладно, парень.

За рукав осторожно дергают. Смотрю на рыжую мордочку Мурза.

— Мясо готово, — доверительно сообщает он и гладит лапкой по руке.

Вздыхаю и снимаю мясо с импровизированного вертела. Ты прав. На.

Хорт вернулся только к утру. Лег, уснул. Сонно взглянула на него сквозь тени ресниц и тоже провалилась в дрему. Котенок уютно сопел у щеки, щекоча мехом кожу. Хорошо-то как... спа-ать.

Будят. Трясут за плечо, просят встать и сообщают, что мы выезжаем. Угрюмо встаю, пытаюсь одновременно проснуться и не огрызаться. Мурз уже скачет снаружи по сверкающей искрами росы траве — мокрый и довольный.

Выхожу, зеваю. Настроение — хреновое. Вижу, что Хорт уже оседлал лошадей и теперь полез в палатку за одеялами. Мрачно улыбаюсь и расколдовываю палатку, пока он внутри. Маленькая месть за раннюю пробудку, так сказать.

Белое покрывало опадает вниз, плотно облепив дернувшееся тело, и взрывается с резким противным хлопком.

Подошел Мурз. Встал рядом с ошарашенной мною, тихо заметил:

— Я бы его убил менее болезненно. Но тебе, конечно, виднее.

Меня трясет. Кажется, я только что нечаянно угробила любовь всей своей жизни.

Тихие стоны и черная дымящаяся рука, показывающаяся из разъезжающихся серых мясистых листов, — немного успокоили. Кидаюсь вперед, спеша достать целиком.

— Гм. Я и забыл, что он теперь вампир. Ну тогда ничего, выкарабкается.

Сжимаю зубы и пытаюсь раскидать магией листы палатки в разные стороны. Тихий визг ветра, руку выдирает из моих пальцев, и... охотника куда-то уносит. Куда-то вверх, впечатывает в ветку, отпускает, и он снова падает вниз. К моим ногам. Грохнувшись об землю, подняв кучу пыли и даже не дернувшись.

Стоим, смотрим. Мурз кашляет в лапку, по-моему, ржет.

— Что тут смешного? — с ужасом глядя на тело.

Кот откашливается, подходит к Хорту и щупает у него пульс. Даже у мертвых он есть? Не знала.

— Знаешь, Вирх, — не оборачиваясь и уже вливая в тело вампира свою энергию, — ты просто слишком сильно волнуешься, когда он рядом, вот и колдуешь как-то неправильно. Если бы успокоился — все прошло бы хорошо.

Киваю, сжимая кулаки и хмурясь.

— С другой стороны, если ты и впрямь считаешь себя малолетней девчонкой...

— Мне — девятнадцать.

— Не триста же. Так что малолетней. Ну так вот, если считаешь себя ею, то волнение вполне понятно. Контролировать эмоции учишься не год и не два, а сто и больше лет. Так что... лучше пока не колдуй.

— Совсем?

— Ну... — Котенок показывает лапкой на дымящегося охотника.

— А... тренировка. Как же я без тренировки? — испуганно. — А если что случится? Я ведь сначала его угроблю, а только потом врагов.

— Ну...

— Отойди.

Мурз отходит, давая мне сесть рядом с Хортом и осторожно перевернуть его на спину.

— А в принципе колдуй.

Радостно смотрю на него.

— Я себя защитить смогу. А его — не жалко.

Улыбку перекашивает, хочется кого-то придушить.

Вот ведь язва.

Так, ладно. Осторожно приподнимаю парня за плечи, прислоняю лицо к своей шее и отвожу волосы.

— Опять кровь на халяву? — недовольно.

— Иначе ему не выкарабкаться.

— Слишком часто. Привыкнет.

Но я его не слушаю. Пусть. Пусть привыкает. Могла бы — привязала к себе так, что без меня бы и дня прожить не смог. Но не могу. Так просто нечестно.

Тонкие коготки медленно выходят из длинных пальцев. Стиснув зубы, делаю первый надрез на своей коже. Так, чтобы капли скользнули вниз, мазнув по его щеке и давая почувствовать запах.

Тело вздрогнуло. Черные глаза распахнулись, наливаясь кровью, а меня сжали в руках так, что еле смогла вдохнуть сквозь сжатые зубы.

Длинные острые клыки мягко вошли в шею, разрывая ткани и неся боль. Горячие губы прижались к коже, а крепко держащее меня в объятиях существо с тихим дольным рычанием начало пить кровь. Сглатывая, шурясь от удовольствия и действуя на одних инстинктах.

Мне страшно. Дергаюсь, но хватка становится сильнее. Когти раздирают куртку, входя под ребра, а из горла пробивается недовольный рык. Сжимаю зубы и смотрю на Мурза.

— А что сразу я? — хмуро. — Я предупреждал. Его сейчас — либо напоить вдоволь, либо добить. Ты что предпочитаешь?

Опускаю голову, стараясь не стонать.

Зажмуриться. Не обращать внимания на режущую боль и отсчитывать секунды.

Одна. Две. Три... Де-эять.

Перед глазами все плывет, страх накатывает волнами, и хочется выть.

Открываю глаза. Мурза нет. Нет?

Твою ж...

Дернуться. Взвыть от его хватки и с криком рвануть в сторону. Когти достали легкие, отчего захлебываюсь кровью. Рычит, прижимает к себе и не собирается отрываться от шеи. А мне больно. Так больно...

Мои когти пронизывают его грудь, пытаюсь оторвать от себя. Сила потоками вливается в мышцы, появляясь словно из ниоткуда. Еще чу-чуть. Еще...

Рывком выдираю его когти из тела. Вскрываю и пинаю ногой так, что отлетает назад, врежется в ствол и падает вниз на четвереньки, скалясь окровавленными клыками и прожигая взглядом мою шею.

— Нельзя! — Это приказ. Сквозь кровь и боль вырывается только хрип.

Но он замирает. Втягивает когти и медленно садится обратно на землю.

— Нельзя, — шепот. И постепенно исчезающие алые всполохи из его глаз.

Киваю и откидываюсь спиной на ствол дерева, судорожно регенерирую и пытаюсь снова начать дышать.

— Ты как?

Поднимаю голову вверх и вижу Мурза.

— Ты... — хрипло кашляю, — бросил меня!

— Дурак, — беззлобно. — Сверху я бы смог попасть прицельно по охотнику, не боясь, что он разорвет тебе шею окончательно. Вот и забрался сюда. Но ты, я вижу, и сам уже справился.

Прыжок вниз. В живот врежется тяжелое и мягкое.

— Я почти горжусь тобой, ученик. Хоть и мнишь себя слабым и бесполезным, а умирать не спешишь.

Криво улыбаюсь и прикрываю глаза.

Н-да-а. Недаром я терпеть не могу рано вставать.

Глава 15

Наконец-то выехали из леса.

Хорт всю дорогу молчал, не устаивая меня даже руганью. Мурз в основном спал в его корзинке, также не спеша общаться дни напролет. На ночь я все еще делала магические палатки, но Хорт упорно ночевал снаружи, разводя свой личный костер, на котором я и жарила мясо. Ибо разводить костер в палатке было лень, а если ее закрывать на ночь — внутри все равно было тепло, как днем.

Но теперь все позади. Перед нами горы, и мы стоим у кромки леса, оглядывая широкую долину у их подножия. Вид, кстати, у нее был немного странный. Будто кто-то когда-то одним махом выжег весь лес заклинанием и не оставил даже воспоминаний о деревьях, подступающих к камням.

Хотя... ну что я понимаю в горах? Стоят и стоят. Мне-то что.

— Нам туда.

Оборачиваюсь к Хорту. Со мной говорят? Не верю.

— Ты понял?

Ммм... Судорожно киваю, глупо улыбаясь.

— И он описался. На.

Удивленного Мурза отдают мне.

— Чего я сделал? — Кот, ошарашено глядя на передаваемую следом мокрую корзинку. Но Хорт уже уехал вперед, оставив нас позади.
— Какой мужчина, — глядя вслед охотнику. Пока Мурз обнюхивал корзинку.
— Это просто дождь шел, вот и накапало! А воняет... мясо! Размокло, протухло, вот и... ты меня вообще слушаешь, Вирх?

— Я передумал, — сжав руку в кулак. Мурз полез откапывать мясо, спеша выкинуть его подальше и зажимая нос лапой. — Я понял, что Конец этой сказки — моя свадьба с принцессой.

Мясо шмякнулось на землю. Мурз заклинанием сушил корзинку. Запах поднялся сногшибающий, мы закашлялись.

— Мурз!

— Прости, прости. Так о чем ты там? Кстати, можешь закрепить мое гнездо на луке седла? Тем более что уже не пахнет. Почти.

Смаргивая слезы и магича что-то от вони, объясняю мысль.

— Не хочу, чтобы счастливым концом стала женитьба на принцессе. Пусть даже красивой. Так что надо прекращать действовать по правилам.

Вонь пропала, корзинка закреплена на луке. Опять же не без помощи магии, которая срастила седло и дерево. Мурз радостно устроился внутри.

— А как тогда? — проявляя внимание к моим самокопаниям.

— А так. Я читала, что заклятие злой ведьмы может снять только поцелуй первой любви. Сказку «Красавица и Чудовище» помните? Так вот, я не «Чудовище», но и он же не «Красавица». Должно прокатить.

— Что?

— Поцелуй.

— С кем? — напряженно.

— С Хортом. Он в меня влюбляется, целует... и — бац! Я — девушка, и конец счастливый.

Стон из корзинки.

— Как ты себе это представляешь? — взывая к разуму и глядя почти с жалостью. Ударяю пятками по бокам лошади, посылая ее вслед за уже спустившимся в долину Хортом. — Он влюбляется в парня, целует его поцелуем первой «голубой» любви... и бабах — ты девушка?

— Почему «голубой»?

— А какой?! — истерически.

— Ну.... У меня есть виноград, и если я вспомню то заклинание, которым себя в женщину превратила...

— Так. Все. С тобой спорить бесполезно, да и мне надоело. Как только планеты встанут как надо — тут же переправлю тебя к сестре, и пусть она сама разбирается. А у меня уже крыша едет.

Довольно хмыкаю и сильнее пришпориваю пятками лошадь, спеша догнать Хорта. Вот и ладно, этого события еще дождаться надо. А пока... у меня еще есть время сделать все так, как я хочу.

Глава 16

Легко сказать... А как заставить охотника меня полюбить?

Всю дорогу до гор ломала голову. Потом просто плюнула. Короче, как всегда, — буду действовать по обстоятельствам.

— Итак. Первым поднимаюсь я. Ты — следом. Будешь предупреждать об опасности за моей спиной.

Киваю, с интересом глядя на такие одинаковые с виду пики каменных громад, у подножия которых мы стоим.

— А куда конкретно мы лезем?

— Ты опять забыл карту?

Чешу затылок, смущенно глядя из-под челки. Тяжелый вздох охотника, и мне все же предоставили возможность еще раз взглянуть на старый кусок бумаги, трепещущий на ветру в его руке.

— На.

Беру карту, разворачиваю... с умным видом смотрю.

На колено перебрался Мурз, которому тоже было интересно. Тишина.

Охотник нахмурился, подошел и тоже склонился над рисунком.

— Ты карту вверх ногами держишь.

Нервно улыбаюсь, переворачивая рисунок.

— Хм... теперь видишь? — Пялимся. — Маленький крестик. — В голосе — мука.

Напряженно разглядываю непонятные линии и сеточки. Такое ощущение, что эту карту составляли слепые и на ощупь. Картинка где нормальная, я вас спрашиваю?!

Палец ткнул куда-то вверх и вбок. Голос хмуро сообщил, что это оно и есть.

Осторожно киваю. Мурз обнюхивает палец, морщится, кусает.

Рычание, палец отдернули... карту порвали (случайно). Отдаю охотнику две половинки, глядя ласково и с пониманием. В его глазах — холод. Молча берет обрывки и отходит.

— Слушай, Вирх, — Мурз снова перебрался в капюшон, активно в него кутаясь, — я, конечно, все понимаю. Но... что ты в нем нашел? Характер — отвратный, постоянно злится.

— Любовь зла, — мрачно следуя за охотником.

— Эт точно...

Ветер жестоко завывал, бросая в лицо ошметки снега. Серпантин узкой извилистой змеей опоясывал камень. Местами обледенелый, он намекал на то, что путник должен будет рискнуть жизнью, чтобы взобраться на него. Лошадей пришлось оставить, Мурза сунуть за пазуху. И я, оскальзываясь чуть ли не на каждом шагу, упрямо следовала за прямой, как доска, спиной охотника.

Все мои мысли при этом, правда, были только о двух вещах:

1) Как бы согреться?

2) Как заставить его в меня влюбиться до того, как мы околеем. Или, что хуже, доберемся-таки до принцессы, в которую Хорт непременно влюбится и тут же потребует ее руку, печень и ночь при свечах. Грр....

В голову же, как назло, ничего путного не лезло.

— Мурз! — телепатируя котенку.

Тот, сидя в тепле и уюте и лишь изредка выглядывая из-за ворота, уже час как решил научить меня общаться мысленно.

Получилось это, кстати, не сразу. И Мурз до сих пор уверял, что стал первым оглохшим на одно ухо от телепатии котом. (Я так старалась до него доораться...)

— А?

— А вот... если его с обрыва случайно сбросить, а я ему жизнь спасу?

— Жизнь ты ему уже не спасешь, — педантично.

— Неважно. Спасу, и все тут. Как считаешь... он будет рад?

— Тому, что скинул? Не очень.

— Я ж магически! Серпантин узкий, а он... ну мало ли, поскользнулся. С кем не бывает.

— Ну-ну.

— Мурз.

— Ладно, ладно. Твори, что хочешь, я же сказал, что он меня не волнует.

— Ага, — довольно.

Еще три минуты придумывала заклинание, буравя взглядом любимую спину. В итоге

охотник почему-то насторожился, чуть ли не распластался по стене и каждые пятнадцать секунд бросал через плечо быстрые, внимательные взгляды, ожидая увидеть что-то опасное и страшное. Но видел только радостно улыбающегося меня.

— Готово. Ой...

Камень под ногами Хорта обвалился, сверху рухнул целый вал снега, да еще и из стены, к которой он прижимался, вперед выпер огромный валун, спихивая и без того падающего охотника куда-то вниз.

Стою, смотрю, ужасаюсь. Мурз высунул мордочку из воротника, оценил размер дыры в тропе, хмуро на меня покосился.

— Ты вроде бы собирался его спасти...

— Ну... все произошло так неожиданно, — с трудом понимая, что только что натворил.

Стон кота.

— Как думаешь, он еще жив? — глухо.

— А что с ним станется. Подождем ту...

— Вирх!

Голос снизу оборвал мысленный монолог с Мурзом. Свешиваясь через край пролома, кричу, что я все еще здесь, напряженно разыскивая знакомую фигуру взглядом. Мурз перебрался на спину, сильно ругался, сказал, что придавила хвост.

Вон он! Вцепившись рукой в какой-то камень, покачивается над пропастью, глядя вверх и мне в глаза. И в них впервые нет холода — только ярость и желание выбраться.

— Дай руку!

Вытягиваю конечность вниз, повиснув на одних ногах. Мурз с воем вылетел из-за ворота и, вцепившись в него когтями, тоже повис над снежной бездной.

— Не дотянусь! Нужна веревка.

— А... у меня нет, — с отчаянием.

Хорт очень эмоционально высказался, сообщив, где я могу побывать и кто я есть. После чего второй рукой пошарил на поясе и кинул вверх моток веревки.

Сосредоточившись, рванул вперед и... тоже свалился вниз, успев поймать на лету веревку одной рукой и штаны Хорта второй.

Стон охотника. Висим на том же камне. Штаны сполза-ают.

— Хорт, ты как? — Стараюсь орать как можно более бодро, переживая, что спасти его не удалось.

— Грах! — было мне ответом. Кстати, одно из самых серьезных ругательств у троллей.

Висим.

— Да. Я веревку поймал!

Охотника снова прорвало. Мурз висит за спиной и пока молчит. Он там вообще жив?

— Жив. — Тихое шипение в голове.

— Отлично, — приободрилась я. — А у меня идея.

— Какая?

— Ну... мм. Хорт, ты сколько еще так повисишь?

Меня послали.

— Хорт, ну послушай! Я дам котенку веревку, закину его вверх свободной рукой, ты его поймаешь и бросишь на серпантин! После чего Мурз привяжет конец веревки к скале и сбросит ее нам.

— Да?! — Мурз. Ошарашенно.

Хорт замолчал, обдумывая мою очередную идею, после чего посмотрел вниз и медленно кивнул.

Нашариваю Мурза за спиной, отдирая взвизгнувшего кота от капюшона и мощно подкидывая вверх.

— Лови!

Кот улетел куда-то вбок (меня качнуло от броска). Последнее, что помню: два

выпученных глаза, с недоверием смотрящих на меня. Потом он исчез.

Висим. Молчим. Хорт все еще переваривает ситуацию. Я — в шоке.

— Я сейчас соскользну, — хмуро. Расслышала только потому, что ветер на секунду стих.

— А?

И он отпустил камень.

Взвизгнув и сжав его ногу так, что услышала явный хруст, я что-то проорала и ухнула вниз. В груди, смешавшись с ужасом, поднялась волна древней непонятной силы, и почти сразу обоих поймала невидимая ладонь из потоков ветра, поднимая вверх и осторожно опуская на серпантин.

Лежим, тяжело дышим. Приходим в себя.

— Ты... ты как? — осторожно сядь и разжимая пальцы на его ноге.

Он шипит и ощупывает сломанную кость.

— Почему сразу не наколдовал?

И ведь снова злится. На него не угодишь.

— Ну... я... я... — Но тут накрыл откат.

Хриплю, кашляю кровью, сгибаясь пополам. Охотник наблюдает, прищурив глаза.

— Поэтому и не колдовал? — тихо.

Осторожно киваю, виновато улыбаясь. Отпустило. А вообще могло быть и хуже, гораздо хуже — почему-то это я знаю точно.

— Кота спасти не будешь?

Испуганно встаю, тут же падаю снова в снег и шиплю сквозь зубы. Слабость. Еще минут пять колдовать не смогу вообще. Странно... а так и должно быть?

— Я слышал, что заклинания полета — самые сложные в магии. Поднять же не только себя, а и еще кого-то, сравнимого по весу, могут и вовсе единицы. Сколько же тебе лет, вампиреныш, если ты уже знаком с таким волшебством?

Смотреть в его глаза не хочется. Сжимаю зубы и отворачиваюсь. Сколько, сколько... Триста! Но это я говорить не буду.

Мимо уха что-то просвистело, врезалось в снег, взметнув его в воздух, и оказалось небольшим рыжим котенком, жадно хватающим воздух и тихо постанывающим.

— Мурзик! — на выдохе.

Меня послали. Кот попытался отползти — не дала: схватила и прижала к себе, одновременно подлечивая. Вроде особых повреждений не было — несколько незначительных ушибов, и все.

— Чтоб я еще раз...

Киваю, утыкаясь в него носом и улыбаясь. Странно, я и не предполагала, что так привяжусь к этой вечно всем недовольной язве.

— Может... и меня подлечишь? — Охотник.

Киваю, не отрываясь от кота и все еще радуясь.

Хотя... постойте. Великий и ужасный охотник на вампиров просит своего злейшего врага вылечить его? Это же... это же прогресс!

— Ла-адно, так уж и быть. — Мягкие лапки Мурза отпихивают мое лицо со светящимися счастьем глазами. — Я его сам подлечу, сиди уж, — ворчливо.

И кот, осторожно спрыгнув в снег, медленно и вальяжно пошел к охотнику. Задумчиво смотрю ему вслед.

Хорт хмурится, с крайним подозрением следя за котом. Но пушистик еще не отошел от вспышки моей внеплановой любви и залечил все быстро и качественно, даже обезболит перед этим, что уж совсем странно. После чего котенок подошел ко мне, запрыгнул на руки и разрешил снова сунуть его за пазуху.

Надо вставать и идти дальше, хотя колени все еще подгибаются...

Взгляд уперся в нечто странное. Это была рука. Рука Хорта, которую он протягивал мне.

Сижу, тупо на нее смотрю, соображая плохо и урывками.
— Что?
— Давай руку, — хмуро, как и всегда, но... не пряча глаза и глядя в упор.
— Эм... я же твой враг. Злейший.
Кивает, пожимает плечами. Сам берет за руку и резко вздергивает вверх.
Стою, слегка покачиваясь и чувствуя почти жар в заледеневшей ладони, которую он не отпустил.
— Знаю. Но наша битва еще впереди, а пока... ты только что спас мне жизнь. Спасибо. Он улыбается?!

Стою, дрожу, пытаюсь что-то сказать. Что-то умное и героическое, вроде: «Да нет проблем, чувак!» — или: «На моем месте ты поступил бы также!» Нет, все не то...
Но он уже отпускает мои пальцы и вновь идет вперед, слегка прихрамывая на ходу.
Стою. Ветер скользит под курткой, завывая и толкая в спину, а в голове — полная каша. И странное ощущение тепла и счастья где-то в груди.
— Еще пару раз его спасешь, и точно влюбится, — вклинивается язвительная мысль Мурза.
Медленно улыбаюсь, киваю и бегу вперед, спеша его догнать.
«Да я... да для него... хоть жизнь отдам!»
— Э-э-э... а вот этого не надо!

Глава 17

Два часа спустя. Продолжаю подъем, постоянно отвлекаясь мыслями на посторонние темы и стараясь контролировать дыхание.
— А что, если его снесет лавиной?
— Уже было, начнет подозревать. — Мурз, лениво. Согретый моим теплом и как раз пытающийся уснуть.
— Ну... тогда на него нападет страшное всеядное растение.
— В такой мороз? И где оно прячется? Под снегом?
— Ну...
— Плотоядный подснежник. А что! Это мысль.
— Так я колдую? — с надеждой.
— Я тебе поколдую. Ты хоть знаешь, сколько сил отнимает заклинание создания жизни? Даже Вирха откат бы убил.
Уныло перепрыгиваю через очередную трещину.
— И что тогда?
— А что ты заиклился на методах убийства и спасения? Может... просто наколдуюсь ему заклинание обогрева для начала? Он явно замерз не меньше тебя.
— Я не умею. Да и боюсь его поджечь, вместо того чтобы согреть.
— Молодец, — одобрительно. — Умнеешь на глазах. Ладно, слушай и запоминай, я тебя научу.
— Ты?!

— Ты не тыкай. Я твой сэнсэй, даже если ты это и забыл. Это я тебя магии с пеленок учил.

Молчу, киваю, параллельно представляя, как радостный и согретый Хорт заключает меня в объятия, благодаря за помощь. В груди потеплело, кошусь на бугор на животе.
— Ну. Что там за волшебство-то?

Спустя полчаса.
— Повторяю в последний раз. Мысленно рисуешь вокруг себя ИДЕАЛЬНУЮ сферу тепла. Хоть один бугорок будет, и она тут же в этом месте лопнет, выпуская энергию.
Мне плохо, меня шатает. Сил угрохала немерено, а ведь еще от прошлых свершений не

отошла.

— Вирх!

— А?

— Он тебя точно потом поцелует.

С трудом соображаю, о чем это он.

— Хорт как согреется, так на радостях тебя и расцелует, — поясняет Мурз. — В щеки, конечно, но у его расы это — такой обычай...

Мои глаза сверкнули, воздух сжался и зло загудел вокруг. Мысленно представляю себе куб и четко впечатываю в него сферу. Так. Теперь дать энергии накопиться внутри и...

— Хм. Ветер стих и потеплело или мне кажется?

Меня трясет. Улыбаюсь, киваю, пытаюсь догнать скрывшегося за поворотом Хорта.

— Куб для создания сферы... А ты не дурак. Молодец, я такого...

— Подожди!

Выпрыгиваю из-за поворота, вижу Хорта и быстро, пока не забыла как, колдую.

И вновь гудение воздуха, тихий шепот и мои трясущиеся руки... и ноги. Откат небольшой — просто слабость. Но сейчас мне и этого более чем достаточно.

Хорт остановился. Оглянулся, хмуря брови, и очень пристально на меня посмотрел. Глупо улыбаюсь и машу рукой, пытаюсь устоять на разъезжающихся ногах.

Он мотнул головой, показывая, что я должна идти следом, и резко нырнул прямо в стену. Удивленно мигаю и устало бреду к тому месту, где он только что стоял.

Пещера? Пещера?!

Вваливаюсь внутрь, падая на пол и тяжело дыша. Меня все еще трясет, да и нормально идти смогу не скоро. Противная слабость стоит у горла вязким комком, ударяя в голову.

— Спасибо.

Поднимаю голову и смотрю в его глаза. Стоит у стены, засунув в карман руки, и смотрит так внимательно, что чувствую себя немного неуютно.

— Но зачем? Ты сильно ослаб, а я не просил.

— Я... — Кашляю, подавившись холодной слюной. Наклоняю голову, судорожно дышу и усаживаюсь поудобней на какой-то обломок. — Я просто подумал, что если обоим будет тепло — больше шансов быстро добраться до вершины и победить дракона.

Он медленно кивает. В глазах — все еще недоверие, но смотрит уже не враждебно, как раньше, что заставляет сердце чаще биться в груди.

— Что ж... — Интересно, а целовать меня будут? Традиция ведь. — Рад, что ты так думаешь... — Мне бы хватило и одного поцелуя. Можно даже не в щечку, а в лоб. Хотя... — Я принимаю твой дар. — Он улыбается.

Сердце в груди замерло, сбившись с суматошного ритма. Искры в черных глазах, упрямые, находящиеся в вечном беспорядке волосы, красивое лицо и гибкое тело хищника...

— Но я должен поблагодарить тебя в ответ. Это традиция моей...

— Я готов!

Парень вздрогнул. Пожал плечами, подходит.

Знаю, что красный как рак, но... закрываю глаза и поднимаю лицо.

Сердце бешено стучит в груди, отдаваясь грохотом крови в висках. Я готов. Я абсолютно готов. Маленький поцелуй...

— На.

Мм? Открыв левый глаз, с удивлением смотрю на небольшую метательную звездочку, лежащую на его ладони и слегка погнутую на одном конце.

— Это что? — В голосе — ни грамма радости.

Мурз высунул голову и тоже с интересом уставился на сюрикен.

— Оружие — лучший подарок для воина. Был бы ты девушкой — чмокнул бы в щеку. Но так как ты парень...

В голове пусто. Понимаю, что мне только что разбили сердце. Опять.

— ...то вот. Оружие. Даты бери, не бойся. Убить тебя это мне все равно не помешает.

Я так рад, так рад. Козел...

— И да, вот еще что, — уже направляясь к выходу, пока я сижу и кручу в руке погнутую звезду, — если бы не твое заклинание, нам бы пришлось сегодня ночевать, тесно прижавшись друг к другу для согрева. Рад, что ты тоже это осознал. — Довольная улыбка. — Ладно, пойду поищу дров для костра, а ты отдыхай.

— Э-э-э.... Вирх? Ви-ирх. Приличные вампиры такое лицо не делают. Давай очухивай...

— Как дезактивировать заклинание?!

Кот попытался вывернуться из моих рук, испугавшись и заорав:

— Да просто пожелай! Это же твое зак... Ай!

Пожелал! Сильно-сильно пожелал. Зажмурился и сжав кулаки.

А на лице — предательский румянец. Рука полезла в карман, и я отправила в рот сразу две ягоды «винограда».

— Ну и зря. — Мурз, угрюмо. — Все равно он знает, что ты парень.

Я фыркнула и поправила резко удлинившиеся и укрывшие плечи волосы.

— Не лезь. Я все сделаю сама.

Глаза у котенка стали с пятирублевую монету.

— Что «все»? — тихо, испуганно.

— Я потом объяс...

Но тут в проеме появился занесенный снегом и сильно злой Хорт. Посмотрел на меня, стиснул зубы и тихо зарычал. В руке он сжимал всего две жалкие веточки. Я опустила длинные черные ресницы, смущенно улыбнулась и тихо пролепетала:

— Кажется, костра не будет? Придется спать... вместе? — заливаясь румянцем под взглядом сверкающих бешенством глаз.

— ДА Я СКОРЕЕ ПОВЕШУСЬ, ЧЕМ БУДУ СПАТЬ С ТОБОЙ!

После чего парень швырнул ветки на пол и снова вышел.

Сижу, широко улыбаясь и подмигивая Мурзу:

— А у него нет выбора.

Кот застонал и схватился лапкой за голову.

— Твоя сестра меня убьет.

Два часа спустя.

Я в шоке, что он столько выдержал. Зато сейчас вернулся в пещеру и стоит, смотрит на меня, кутающуюся в оба пледа сразу.

— Я замерзла, — тихо, хрипло. Обнажая правое плечико.

Кот заржал в углу, сводя на нет весь эффект соблазнения. Угрюмо на него смотрим.

Смех оборвался, нас называли извращенцами. Хорт скрипнул зубами.

— Если не поспишь — завтра не доберешься до замка или отморожишь что-нибудь и ослабнешь так, что дракон тебя без труда съест. — Говорю спокойно и рассудительно, стараясь не спугнуть «жертву».

Хорт опустил голову, и его глаза скрыли длинные пряди упавшей челки. Скрипнув зубами, сделал один неуверенный шаг ко мне.

— Услышу хоть один стон ночью — и могу рассказать, что именно ты, охотник, отморожишь до состояния «отвалилось», — мрачно. Из угла.

Хорт остановился. Сжал кулаки. Видно, что руки уже посинели — замерз так, что еле двигается, но стоит.

Молчу, тоже опустив голову и не зная, что бы еще такого успокаивающего сказать. Особенно на фоне последней фразы Мурза.

— Я не трону твоего хозяина. Ненавижу извращенцев.

Вздрагиваю, сжимая зубы.

— Хм... посмотрим.

Кивает, подходит, садится рядом, укутывая нас обоих пледами и резко прижимает меня

к груди правой рукой.

Вскрикиваю, краснея и понимая, что он чувствует, как быстро бьется мое пытающееся вырваться из груди сердце. Но молчит. Еще и голову повернул так, что снова не вижу его глаз.

— Спи, — тихо, хрипло.

Киваю, чувствуя, что краснею уже чуть ли не вся.

Вдыхаю запах его тела — чуть пряный и морозный, но такой родной и приятный... осторожно кладу голову на его грудь и пытаюсь уснуть, слыша быстрый нервный стук сердца под рубашкой.

Странно, почему он так волнуется? Он же уверен, что я парень. Да?

Зажмуриваюсь, пытаюсь успокоиться и дышать хотя бы через раз. Тело медленно и неохотно согревается под пледами. Его дыхание шевелит волосы на макушке, а вопросы никак не желают пропадать из головы...

— А знаешь, — тихо, почти на грани слышимости, — если бы изначально ты был девчонкой, а не парнем... я бы не смог лечь рядом.

И все. И тишина.

И только сердце стучит так, что начинаю задыхаться, глаза широко расширены и полны слез. Меня трясет, а из горла вырывается тихий глухой всхлип.

Ну... ну почему все так!

А на коленях в кольцо моих рук захрапел маленький согревшийся котенок.

Глава 18

Проснулась одна. Если не считать Мурза. Глаза опухли, внешне — все еще девушка и часа два ею останусь. Состояние: не выспалась, на душе мутно — отстаньте. Охотника в пещере нет.

Мурз широко зевнул, потягиваясь и медленно садясь.

— Я есть хочу. Вчера так и не поели, — обиженно.

Киваю, встаю и иду к сумкам. Мясо, хлеб и сыр немного поднимают настроение. Налила из фляжки в небольшую плошку воды Мурзу и напилась сама. Топить снег — слишком долго и нудно, да и чтобы набрать небольшой котелок воды, нужен чуть ли не сугроб. Так что... не хочу.

Мурз интеллигентно лакает, временно не отвлекая дурацкими вопросами от болезненного процесса внутреннего самокопания.

— Что такая хмурая? — Нет, все-таки влез. Закончив пить и откусывая еще немного мяса. — Тебе вчера чуть ли не в любви признались.

— Он сказал: «если бы». Он не считает меня девушкой, даже несмотря на внешность.

— Ну...

Но тут в пещеру вошел Хорт, сказал, что мы выходим, и быстро собрал вещи, кинув мне мой мешок.

Киваю, встаю и иду следом, засовывая кота за пазуху.

Больше за весь день мне не сказали ни слова. На все же мои попытки заговорить отвечали односложно и при малейшем касании шарахались так... что я вскоре плюнула и просто шла следом.

Что ж. Так мне и надо. Мечтательнице.

К вечеру, преодолев последнее препятствие в виде завала из камней на пути (я чуть не грохнулась, поскользнувшись, но Хорт успел схватить за руку и вытащить), мы наконец-то достигли вершины горы. И там, стоя на краю кратера, увидели небольшой каменный островок посреди булькающей лавы. На нем возвышался огромный черный замок с невысокими пристройками и красующимися тонкими шпилями башен. Где-то внутри, по идее, должен был быть и дракон. Стоя на краю вулкана, пытались понять, как спуститься

вниз. Слишком круто, никакой дороги или тропки. Да и потом, как после спуска добраться до острова с замком? Мостов через лаву не наблюдалось. Совсем.

— Что будем делать? — Мурз, деловито сидя у ног.

Кошусь на парня. Молчит.

— Я могу наколдовать что-нибудь...

— Не надо.

Вот и все. Холодное «Не надо» — и... красивый прыжок в бездну.

Угрюмо стоим, смотрим, наблюдаем. Мурз тяжело вздохнул:

— И чего вы оба такие упрямые?

Понимаю, что если буду объяснять — разревусь. Тело вновь стало мальчишеским, и приставать к охотнику в таком виде с вопросами: «А что он имел в виду прошлой ночью?» — было просто нереально.

Фигура Хорта красиво, где прыжками, а где и просто скользя, спустилась вниз на окружающий лаву каменный берег. Нам махнули рукой.

— Пошли, тебя зовет твой ненаглядный, — язвительно.

Киваю и тоже прыгаю вниз.

Только вот так красиво скользить и прыгать я, оказывается, не умею. Так что лечу не эстетично, натываясь на камни, вопя во весь голос и уповая на создаваемые в бешеном темпе котенком защиты от ударов.

Рухнув к ногам охотника, тихо застонала (кот успел не везде). Сбоку что-то дернулось, но встать пока не могу — болею.

— Ты как? — поднимают за шкирку. На камень шлепается мягкое и мелкое.

— Мурзик! — болтаясь на руке охотника.

— Ххы! — ответили мне.

— Идти сможешь?

Глаза закрылись, начали дергаться лапы.

— Что это с ним?

Тяжело вздыхаю, морщась от боли в боку.

— Регенерирует. Да и меня уже можно отпустить. Кажется, я сломал ребро. Так что хорошо, если сможешь подождать полчаса, пока регенерирую.

Хорт кивнул, и я тут же рухнула вниз, чуть не придавив кота. (Рыжий умудрился шустро отползти, не приходя в сознание.)

Сижу, лечусь, косясь при этом в сторону башни. И ведь где-то в ней сидит страшная и загадочная красавица, готовая забрать у меня охотника.

— Как... как думаешь добраться до острова?

Хорт пожал плечами и подобрал небольшой камень. Обломок скалы со свистом рассек воздух и, чмокнув, погрузился в лаву. И ничего. Только жар становился все нестерпимее.

— У тебя есть идеи?

Это он мне? Гм, подумать надо.

— Можно попробовать перепрыгнуть, подкрепляя прыжок магией.

Котенок снизу выразительно хмыкнул, Хорт — даже не обернулся. Парень (в данный момент) стоял у озера, задумчиво его разглядывая.

— Ладно, признаю: идея не ахти. Тогда можно... — Тяжелая задумчивость, на грани депрессии. — Мурз, а что вообще тут можно наколдовать?

Котенок рассматривал хвост, осторожно пытаясь его выпрямить. На его мордочке читалось выражение боли и муки.

— Мурз.

— Что? — хмуро.

— Как я могу преодолеть это расстояние?

— Никак.

— ?!

— Ты сейчас магически не сильнее ребенка, так что ни о полетах, ни о...

— Смотрите, там что-то чернеет. Похоже на камни, выступающие из лавы и образующие дорогу к острову.

Я подхватила мявкнувшего котенка и подошла к Хорту. Его палец указывал вбок и вниз. Приглядевшись, я и вправду увидела что-то похожее на довольно кривое подобие каменных «шагов», пересекающих лаву. Вид дорожки мне не понравился — энтузиазма Хорта я просто не понимала.

— Но они почти на уровне лавы!

— Немного над.

— Хорт, если один из пузырей поднимающегося газа лопнет неподалеку — хана ноге.

— Не лопнет, — уже шагая к тропинке.

Иду следом, умудрившись сунуть руки в карманы и упорно придумывая другие оправдания.

— Камни очень далеко друг от друга, придется прыгать. А они еще и оплавленные — поскользнешься.

— Тебе идти необязательно, — не оглядываясь. — Можешь остаться здесь и подождать, пока разберусь с драконом и принцессой.

В голове пронеслись картинки постельных сцен с Хортом в главной роли. Котенок на плече икнул и отключился от моего разума. Это пра-авильно.

— Нет, я все равно пойду с тобой.

— Как угодно, — продолжая шагать вперед.

Угрюмо плетусь следом, пытаюсь понять, смогу ли я тоже красиво пропрыгать по камням, или трехсотлетний вампир сегодня сгорит заживо. Хм. А ведь если подумать — Хорт все еще меня ненавидит и даже обещал убить по окончании задания. Отпраздновать такое дело, так сказать. Угрюмо смотрю на его затылок. И ведь мало того что не любит, так еще и намекает при каждом удобном случае, что ненавидит. Взгляд стал суровее, я зачем-то подобрала камень. Котенок напрягся и что-то начал шептать себе под нос.

— Э-э... Хорт?

— Да?

— А ты... когда убьешь дракона, спасешь принцессу и получишь вознаграждение, что сделаешь?

На меня оглянулись. Я спрятала камень за спиной и нахмурилась.

Котенок свесился с плеча, продолжая заколдовывать камень. Что он хоть делает-то?

— Мы заклятые враги, — спокойно.

Такое ощущение, что меня ударили под дых.

— И?..

— И я тебя убью.

— ...за что?

Скрип зубов.

— За то, что ты убил меня, превратил в вампира и приучил к крови!

Мрачнею, опускаю голову. Хорт еще секунду на меня смотрел. Потом резко отвернулся и подошел к краю каменистого берега, глядя на первый и такой далекий камень.

Я вздохнула и посмотрела на зажатый в руках булыжник. Глупо. Если и убивать его, то это надо было делать раньше, гораздо раньше. А не сейчас.

Тряхнув головой, я отбросила камень в сторону и с удивлением увидела, как он с силой отскочил вверх и влево, врезавшись с тихим хрустом в спину Хорта.

И охотник красиво упал вниз.

На плече кто-то ржал. При ближайшем рассмотрении это оказался Мурз. Тупо стою и смотрю на край обрыва. Лава с тихим шипением булькает где-то внизу, облизывая каменную стену берега.

— И так будет с каждым, кто угрожает принцу тьмы! — веселился пушистик, ласково глядя меня лапкой по щеке.

— Мурз... — шипение.

Пальцы... я вижу вцепившиеся в берег пальцы.

Подбегаю, смотрю вниз и вижу повисшего на одной руке Хорта.

— Давай руку! — Свешиваюсь вниз, пытаюсь зацепиться за что-то, что гарантированно поможет втащить его обратно.

— А не пошел бы ты? — сквозь зубы.

— Это был не я, это...

— Я. — Котенок уже сидит у его мизинца и задумчиво рассматривает собственные коготки.

— Гад, — хрипло.

— И я еще не закончил.

— Мурз, не мешай!

Но тут по мне чем-то долбанули, руки и ноги обмякли, и я завалилась набок, удивленно глядя на кота и уже ничего не понимая.

— А теперь, охотник, — ласково, чуть ли не мурлыча, и возвышаясь небольшой рыжей тенью над краем уступа, — я объясню тебе твоё положение, раз уж до самого так и не дошло.

— Я упаду, — хрипло.

— Падай, — кивнул Мурз. — Мне же лучше.

Охотник промолчал. Я отчаянно пыталась шевельнуть хотя бы мизинцем, но упорно ничего не получалось. Ощущение, словно я под наркозом, но при этом все вижу и слышу. Только пошевелиться не могу. Совсем. Правда... не помню, чтобы хоть раз была под наркозом. Тогда откуда это противное ощущение узнавания...

— Тебе была дарована жизнь. А точнее, посмертие, охотник. И что хуже — тебе была дарована свобода. Низшие вампиры всю вечность мечтают хотя бы об одной капле крови обратившего их хозяина. Ты же хлебал ее, как простую воду. И никакой благодарности. Не говоря уже о благоговении и вечной преданности своему высшему.

Молчание.

— Ты, кажется, просто не понимаешь, в какой ситуации находишься. Всего за один косой взгляд в сторону Вирха я уже должен был испепелить тебя на месте. Но хозяин почему-то благоволил тебе. Даже чересчур. Ты же продолжаешь издеваться над моим терпением и заявлять, что ненавидишь его и, более того, убьешь при первом удобном случае... Так вот, охотник. За жизнь этого парня, — в меня ткнули лапкой, — тебе будут мстить все дети ночи, весь клан вампиров, в том числе и знать. И я просто не представляю, как именно ты собираешься выпутаться из этого дерьма.

Тишина.

— Но это все лирика. Просто именно здесь и сейчас мое терпение лопнуло. Я пошел против правил и обездвижил хозяина. Ради него самого. И теперь мне достаточно просто погрузить когти в твои пальцы, чтобы ты больше никогда не смущал его поко...

Мурз внезапно захрипел. Сижую, сжимаю его в руках, крепко прижав к груди, и что-то мычу.

Охотник.

Рвануть вперед, успеть схватить за соскользнувшую руку, чувствуя, что собственное тело все еще слушается из рук вон плохо.

— Вирх! — Мурз. Испуганно. — Но как? Ты же не можешь противиться этой магии, это же фамильная... Для твоей защиты. Вирх!

— Просто помолчи, — хрипло. Щуря глаза и чувствуя, как слабею с каждой секундой и все быстрее сползаю вниз. Бли-ин, ведь вместе рухнем.

— Зачем?

А? Это голос охотника. Неважно. Ну-ка, если напрячь все силы и...

— Зачем ты спасаешь меня? — крик.

Сейчас все брошу и прочту длинную лекцию о любви к ближнему.

Мышцы напряглись до предела, я почти услышала хруст костей... а может, просто

показалось.

Рывком выдернуть его на себя и суметь затащить на камень берега, рухнув рядом и тяжело дыша. А еще чувствуя, как заклинание медленно развеивается и ко мне вновь возвращается свобода движений.

Охотник сел, с трудом вправил выдернутое из сустава плечо и снова посмотрел на меня. Поняла — не отстанет. Видимо, слова котенка задели его больше, чем я думала. Мурз же сидит у меня на боку и грустно смотрит в лицо. Тоже ждет ответа? Что ж.

— Я друзей не бросаю, — тихо.

Черные зрачки расширились и снова сузились. Он сжал зубы, буравя меня взглядом. Я сомкнула веки, ожидая, когда чары кота развеются полностью.

— Спасибо.

Глаза распахнулись. Смотрю с недоверием и чуть ли не ужасом... Меня поблагодарили?

— Я... я больше не хочу тебя убивать.

— Испугался? — Мурз, язвительно.

— Нет. Просто не смогу.

Он еще минуту помолчал, пытаясь подобрать правильные слова, но потом просто махнул рукой и встал, протягивая ее мне.

— Пошли.

— На дракона, — попыталась пошутить я, неуверенно принимая ладонь и чувствуя, как меня резко вздергивают на ноги.

— На дракона. — И ни тени сарказма в голосе.

Тяжелый мученический вздох Мурза мы оба проигнорировали.

Глава 19

Итак! Спасение принцессы! Энтузиазм в моих глазах зашкаливал. То, что меня больше не хотят убить, странно бодрило и придавало телу удивительную легкость. Хотелось помочь всему несчастному миру и мертвому охотнику в том числе. Так что, пока он стоял на краю и примеривался к первому камню (мучаясь мыслью: допрыгну или нет), я подошла, улыбнулась и с силой пнула его в пятую точку.

Красивый вопль:

— Гхы-ыр!

После чего охотник рухнул вниз и с удивлением понял, что лава не жжется. И вообще он на ней стоит. На четвереньках.

— У тебя три секунды!

Хорт вздрогнул, вскочил и рванул вперед, спеша добраться до первого камня в цепочке. Добрался. Долго пытался отдышаться, стоя на одной ноге, потом посмотрел на меня. И во взгляде его было столько... что даже Мурз проникся.

— Какая страсть, — шепнул он мне на ухо, — именно с таким выражением глаз твоя сестра рассказывала о моей судьбе в случае твоей безвременной кончины.

Я только хмыкнула и сама прыгнула вперед, успев перед этим заморозить лаву.

До камня добралась, удерживая Мурза на руках. Хорт же уже упрыгал вперед, красиво летая над огнем от камня к камню.

Я сосредоточилась, но тоже без особого труда сумела добраться до противоположного берега... На котором получила в глаз и под дых. После чего меня за шкуру потащили дальше, попросив, цитирую: «Не отставать».

Мурз кипел, но молчал — Хорта пушистик уже снова ненавидел. Но я телепатически посулила коту ведро сливок, и он немного успокоился.

Итак. Крепостная стена. Распахнутые ворота. Кучи скелетов и доспехи, красиво

раскиданные тут и там. Некоторые были прямо-таки впаяны в камень стен, что немного напрягало.

Хорт достал кинжалы. Я хмыкнул, но на меня сурово посмотрели.

— Что?

— И ты собрался этим бить дракона?

— Да.

— Хм. Обычно драконы размером чуть больше табуретки. И с чешуей.

— Я знаю слабое место, — безапелляционно.

— Тогда нужно копье.

— ?!

Кот тоже прислушался, сидя на плече.

— Засовывать придется глубоко, так что надо, чтоб с гарантией.

— Необязательно. Глаза достаточно просто немного повредить, и... а ты вообще о чем?

Видимо, мое лицо было чересчур выразительным.

— А я про зад.

Угрюмо разглядываем кинжалы.

— А там — слабое место? — с недоверием.

— Ну. Одного дракона при мне уже так убили.

Смотрим на Мурза. У котенка вид немного ошарашенный.

— Я вам кто, извращенец? В спину бил, в спи-ину!

Мы промолчали.

— Ладно, тогда пошли. И...

— Что? — глядя на него.

— Держись позади. Прикроешь тыл.

— Не бойся, — радостно улыбнувшись и стараясь выглядеть хоть немного мужественно. — Твоя задница в надежных руках!

Молчание. На меня смотрят с крайним подозрением. А еще через минуту Хорт передумал и предложил мне идти первым. Угрюмо шагаю, мучаясь от осознания того, что меня принимают за извращенца. Мурз ерзает в капюшоне, выглядывая из-за плеча и немного волнуясь.

Внутри замковый двор отличался сильным запустением. Кости и куски доспехов уже не поражали воображение, а на скульптурно застывший у стены скелет с вонзенным в таз шлемом я вообще засмотрелась. Хорт отошел и принялся рыться в куче оружия, видимо подбирая себе что-нибудь понадежнее своих булавок.

— Хм... Вых, смотри.

Подхожу и мрачно изучаю черный, местами покорябанный меч без рукояти, который осторожно держат на вытянутых руках.

— И?.. — скептически.

— Это же серебряная вязь гномов. Вот здесь.

Черный палец многозначительно ткнул в царапину сбоку. С завитушкой. Но царапину. Потом не менее многозначительно поковырял в центре... После чего лезвие не вынесло и переломилось пополам.

— Сразу видно — знаток. — Мурз. Из-за спины.

Хорт смутился и пошел рыться дальше. Я же, глядя ему вслед, вновь невольно залюбовалась охотником. Высокий, сильный и чуть встрепанный, он соблазнял одним своим видом. Так и хотелось подойти, развернуть, заглядывая в черные, как полночь, глаза и долго целова...

— Кхм, гхм! — из-за спины.

А одного не в меру любопытного кота... — Дальше в голове проносились только сцены необузданного насилия.

Мурз, икнув, затих, переваривая то, что успел подглядеть.

Еще где-то час мы бродили среди руин бывших построек во дворе замка, после чего рискнули войти в самую цитадель (как я ее поэтично окрестила). Вонь, смрад и гнетущая тишина напрягали, но мы храбро застыли на пороге, не очень понимая, куда двигаться дальше.

— Надо найти дракона. — Оглядываюсь по сторонам, не вполне понимая, куда идти.

— Лучше вначале принцессу. А если удастся, дракона мы и вовсе не застанем.

Мурз идею поддержал, предложив подняться на самую высокую башню. Возражений не последовало, и я хмуро поплелся вперед.

Температура окружающего воздуха не давала дышать, заставляя поминутно стирать пот со лба и скинуть практически всю теплую одежду. Впервые я порадовалась, что могу раздеться по пояс.

— Хорт.

— Мм?

— А... мы теперь друзья?

— Нет, — спокойно.

— Враги?

— Нет, — задумчиво.

— ...а ты меня любишь?

— Гхыр.

Так, ладно. Зайдем с другого боку.

— Скажи... что тебе во мне не нравится? — Напряженное сопение за спиной. — Попка у меня ничего, зацени. В девку превращаться могу, да и... да и имя у меня поэтичное: Мари-ина.

Кот застонал. Хорт упорно молчал.

— Я, кстати, думаю, что это судьба. Ты уже меня целовал, мы вместе спали, да и...

Тихое рычание и жутковатый звук лезвия, скребущего по камню. Я сглотнула, но не сдалась.

— И потом... я знаю такое заклинание, что ты в любой момент сможешь влюбиться в меня до потери пульса. Но...

Лезвие скользнуло по коже шеи. Ко мне прижались недопустимо близко, а на ушко тихо попросили не болтать глупости. Мурз почему-то не возражал.

— А я его уже активировала, — грустно, но упрямо. — У тебя осталось всего два часа. По истечении их... ты будешь бредить моим телом.

Рука дрогнула, по коже скользнули первые капли крови. Я клыкасто улыбнулась, чувствуя подъем сил и счастья.

— Как... как его снять?

— Кого?

— Заклинание! — В голосе — почти паника.

— Ну... — с удовольствием растягивая слова, — спасение только одно. И убери кинжал, все равно я смерти не боюсь, а моя кровь тебя явно возбуждает.

Хорт выругался, и кинжал отвели в сторону, после чего он и сам сделал два шага назад. Я была права насчет своей крови: еще немного — и у него пойдет ломка.

— И какое? — с явной угрозой в тоне.

Медленно оборачиваюсь и, широко улыбнувшись, оскаливаю клыки, испытывая и без того ограниченное терпение охотника. Мурз, по ощущениям, срочно сканировал ауру Хорта, спеша найти мое заклинание и дезактивировать его.

— О, все очень просто. Один поцелуй — и все.

— Что «все»?

— Заклинание спадет. Но целовать надо не реже раза в сутки.

Н-да-а, его лицо просто убивает. А сколько ужаса в этих гордых глазах. Я по нему

просто с ума схожу.

— Я не буду целовать парня, — сквозь зубы. Упрямо.

— Как хочешь.

После чего я отвернулся и начал медленно подниматься по ступеням. В душе — ликование. В башке — встревоженный голос Мурза:

— Вирх! Я его просканировал. И здесь одно из двух, — я вздохнула и прислушалась, — или ты достиг такого уровня мастерства, что я просто не вижу твоих чар, или ты дуришь нам головы!

Я пожала плечами и сделала еще один шаг.

— Я убью тебя, — тихо, на ушко, сквозь зубы. Обняв рукой за талию.

— Ну и дурак. Я же просто пошутил.

Молчание.

— Хотел проверить твою реакцию, — со вздохом.

Молча-ание...

— Тебе не надо целовать каждый день. Достаточно одного раза... Но так, чтобы это был поцелуй настоящей любви.

Расширенные зрачки охотника.

— Хорт, не слушай его, он... — Но я плотно запечатала магией рот котенку, обернувшись к парню и с интересом за ним следя.

Тот выругался, резко вынул кинжал и вновь сунул его в ножны. После чего пошел вверх по ступеням, не оглядываясь на меня.

— Два часа, охотник. У тебя есть только два часа.

Он запнулся, но выровнялся и ускорил подъем. Ругаясь сквозь зубы.

— Тьфу, тьфу! Вирх!

— Мм?

— Ты с ума сошел? Какого?!

— Да успокойся ты, — морщась и поднимаясь следом.

— Что значит — успокойся?! Он тебя не любит! Заклинания нет! Ты вообще что творишь? Знаешь, некоторые шутки...

— Я же сказал... — с угрозой в интонации, мгновенно заткнувшей Мурзу рот. — И потом, кого именно он должен поцеловать, я ведь не уточнял, правда?

Шок в золоте угрюмых глаз.

— Но...

— Я прекрасно знаю, что не смогу быть с ним, пока я в этом теле. А потому... пусть лучше все закончится быстро и безболезненно. Он поцелует принцессу, «заклятие» спадет. И все будут довольны и счастливы.

— А как же... а как же ты? Вот так просто сдашься? Сла-ава хранительнице!

— Н-да. Видимо, здесь я просто бессилён, — хмуро.

— Ну не могу сказать, что я так уж сильно этому не рад...

— Мурз.

— Мм?

— Заткнись.

Кот обиженно фыркнул, закутался в капюшон и сделал вид, что спит.

Я же, сжав зубы и поднимаясь вверх по бесконечной винтовой лестнице, снова и снова твердила себе, что так будет правильно.

Глава 20

Ура, мы перед дверью. Оба хмурые, оба на нервах. Из моего капюшона доносится демонстративный храп.

Перед нами — небольшая деревянная дверца, на которой висит старая проржавевшая табличка с давно стертыми символами букв.

— Отойди.

Послушно делаю шаг назад, следя за тем, как Хорт разбегается и с силой врежется плечом в дерево. Дверь вздрогнула, Хорт застонал.

— Тебе помочь? — хмуро.

— Не надо, — мрачно.

Идиллия, блин.

Он снова разбежался и с силой врезался в дверь. Я, переживая за его плечо, кое-что при этом шепнула, и дверь легко сошла с петель. В результате чего охотник пронесся с нею по всей комнате и врезался в кровать, погребя под досками кого-то визжащего.

Впрочем, визг быстро затих. Я бы даже сказала — оборвался. Трагически так, на высокой ноте.

Медленно вхожу, чему-то радостно улыбаясь.

Но тут в голове резко помутилось, сильно закололо в висках, и я рухнула на одно колено, чувствуя озноб и одновременно удушающий жар.

— Вирх. — Кот выпрыгнул из капюшона и сел на полу, заглядывая мне в лицо...

Сверкание этих золотых глаз медленно, но упорно возвращало к реальности.

— Откат, — хрипло, сплевывая кровь.

— Откат? От такого простого заклина...

— Кажется, я убил ее. — Хорт.

С трудом встаю, делая первый неуверенный шаг к постели. Но мне легче, сильно легче — уже могу соображать и видеть.

Остатки двери с грохотом отбросили в сторону, а на кровати, неестественно вывернув шею, лежала удивительно красивая девушка с копной серебристых с проблесками золота волос.

Стоим, смотрим. Хмуримся. Кот запрыгнул на кровать и пощупал пульс.

— Труп, — просветил он комнату, косясь на меня.

Мы переглянулись, Хорт почесал затылок.

Девушка открыла глаза.

Тишина...

Стоим, смотрим. Меня трясет. Охотник зачем-то достал кинжалы.

Девушка же села, рывком вправив голову. Что-то отвратительно хрустнуло, и на нас крайне зло посмотрели.

— Спасибо. — И холод Арктики в ее тоне.

Котенок что-то пискнул, пятясь ко мне и с ужасом глядя на девушку. Страшно было до дрожи, хотя я и сама была теперь — не вполне живая. Но одно дело — знать, что ты теперь трехсотлетний вампир, и совсем другое... видеть, как встает кто-то после перелома шеи.

Девушка же встала. После чего сделала шаг вперед и протянула руку к моему подбородку. Я отступил назад, обо что-то споткнувшись и чуть не рухнув.

— Мурз.

Мелодичный голос девушки поверг всех в шок. Особенно котенка.

— Э-э...

— Ты не узнал своего хозяина?

Все в шоке смотрим на кота.

— Вирх? — Глаза расширены, шерсть дыбом. Общее состояние — шок.

И довольная, наглая улыбка, расплывающаяся на лице девушки после его слов. Начинаю догадываться, что недавно по мне врезал вовсе не откат... видимо, после того, как мы убили девушку, заточенная в моем теле душа вампира смогла перебраться в новоеместилище. И теперь Вирх стоит перед нами.

— Узнал. Молодец. А вот это, — теперь уже смотрят на меня, — видимо, и есть моя невеста.

Белоснежный оскал улыбки, прищур сверкающих глаз. И неглубокий, вежливый

поклон, лишь с тенью издевки.

— Что ж, принцесса, очень приятно с вами познакомиться.

Хорт смотрит на меня, как на воскресшего старца, только что самовыкопавшегося из могилы и вещающего о крутости смерти.

— Э-э... — Блин, что бы такого умного сказать?!

— Прощу прощения за мой внешний вид, но... если бы ваш слуга, — презрительный взгляд в сторону Хорта, — не убил владелицу этого тела, мне бы до сих пор пришлось ютиться в своем, деля его с вами напополам и не высовываясь. Дабы не повредить хрупкую психику моей будущей королевы.

Беспомощно смотрю на Хорта.

Гра-ах.

Мне же улыбался трехсотлетний вампир, щуя чуть раскосые глаза с алыми радужками, пребывающий в теле сногшибательной блондинки.

— Добро пожаловать, хозяин. — Мурз. Добил.

Девушка кивнула и задумчиво уставилась в окно.

Мы все тоже зачем-то в него посмотрели.

А снаружи нарастал странный вой и гул сворачиваемого в тугие спирали мощными крыльями воздуха.

— А вот и он, — тихо и все еще улыбаясь. — Что ж, я так понимаю, что дракона мне все-таки придется убить, — задумчивый взгляд в мою сторону, — Оставайтесь здесь со своим слугой, принцесса. Я скоро вернусь. Мурз! — Котенок мявкнул и довольно шустро вывернулся из моих рук, прыгнув на пол и побежав вслед за выходящей из комнаты принцессой.

— Вирх! — зачем-то крикнула я. Но он (она?) даже не обернулся. Только уже выходя на лестницу, тихо сказал:

— Я скоро.

И скрылся из виду.

Мы же с Хортом остались стоять посреди порушенной комнаты, глядя на дверь и медленно приходя в себя.

Бли-ин, как же меня все достало. И эти мужики, вечно лезущие вперед и уверенные, что они все и всегда знают. И это колдовство, которое постоянно выходит мне боком. И даже драконы! Которых в нормальной сказке не должно быть больше одного, а в этой один такой уже был, точно помню.

В голову лезут жуткие мысли о том, что в будущем мне вообще предстоит попасть в их колонию и отважно перебить все стадо. Доказывая, что я нереально крут и достоин зваться героем для какой-нибудь щуплой и сильно озабоченной внешним видом принцессы.

Угрюмо смотрю на Хорта. Но тот тоже направился к двери, напрочь забыв обо мне. Ну-ну. Спешу. Лети! Только одно на уме: как бы поскорее напиться крови дракона. А то, что на меня уже претендуют всякие там не вполне вменяемые пожилые вампиры-трансвеститы, — ему, как всегда, фиолетово.

И даже Мурз меня бросил.

Я стиснула зубы и покосилась на стоящее у противоположной стены большое старинное зеркало в полный рост. Высокий красивый парень с копной затянутых в хвост черных волос и бешенством в алых глазах угрюмо рассматривал сам себя. Я медленно и нехорошо улыбнулась. Что ж. Это ведь всего лишь сказка, так? А если так, то сбрасывать меня со счетов ой как рано.

Я подошел к окну, взглянул вниз и оглядел изрыгающего пламя дракона, сидящего прямо у стен башни. Рядом стояла «принцесса» и что-то колдовала, окруженная прозрачной полусферой, созданной, видимо, сидящим у ее ног котенком. (Предатель!) Огонь не достигал девушки, и она спокойно могла продолжать колдовать. Вдруг из дверей выскочил Хорт с зажатыми в руках кинжалами и, мгновенно оценив обстановку, бросился к ящеру, двигаясь

рванным зигзагом и уклоняясь от атак хвостом и огненных плевков.

Я ступил на подоконник, сощурил глаза и широко усмехнулся.

Поехали.

И уже в прыжке подумал: а могу ли я еще колдовать? Вирха-то в моем теле больше нет, а маг — он.

Воздух резко рванул вверх, врезав по ушам и вырвав из легких выдох. Глаза радостно сверкнули безумием, тело сгруппировалось так, чтобы коснуться головы ящера с наименьшими потерями.

И всего за два мгновения полета я успел понять, что именно такая жизнь мне по вкусу. А все остальные могут проваливаться на хрен.

Глава 21

Ноги врезались в голову, соскользнули. Я начал падать.

Вцепиться в ухо и удержать срывающееся тело.

Есть.

Дракон удивленно мотнул головой и потянулся когтистой лапой, пытаясь понять, что же его ударило. Не отвлекаясь, вытаскиваю кинжал, делаю всего один шаг и с силой втыкаю кинжал в глаз чудовища. Вспороть. Вправо. Вытащить, подпрыгнуть и погрузить во второй.

Все заняло секунду. После чего по ушам врезал оглушающий рев, огромные пальцы смяли живот и грудь так, что переломали половину ребер, сметая меня с монстра вбок и вниз. Тело сжалось от боли и страха, руки пытались защитить грудь, а глаза успели заметить размытую белую фигурку, бегущую ко мне прямо по шее мечущегося монстра.

Выдох.

Меня подхватывают на руки, отталкиваясь от шеи визжащей твари, врезаются в стену так, чтобы вновь оттолкнуться ногами и суметь приземлиться прямо возле дверей. Куда бережно и заносят скорчившегося меня.

Я попыталась застонать, но из груди вырвался лишь жалкий свист пополам с хрипом. Руки сжали тонкую изящную кисть. Глаза все никак не могли поймать картинку.

— Лежи, — властно, холодно.

Этот голос подчинял на уровне инстинктов. И тем сильнее хотелось сопротивляться.

Сила же его рук уже проникала в тело, соединяла кости и быстро ставила их на место, сращивая ткани и изгоняя боль из погибающего сознания.

Я уже могу видеть его. Или ее? В глазах — ярость, зубы сжаты. Молчит.

— Вирх, — пробую на вкус имя, еще недавно бывшее только моим.

— Лежи здесь, — уже поднимаясь и отворачиваясь от меня. — Позже я займусь твоим воспитанием. Неподчинение моим приказам — недопустимо.

После чего очертания фигурки смазались, и она вновь исчезла в проеме дверей.

Лежу, офигеваю и пытаюсь анализировать.

Чем-чем он там займется? Воспитанием?! Так. Надо встать и срочно выйти. Он явно не понял, с кем связался. Придется объяснить идиоту, что если кого и будут здесь воспитывать, то только его.

Усмехаюсь и, с трудом поднявшись, по стеночке бодро хромаю обратно к выходу. Вирха хотелось увидеть страшно.

Плюс я тут обнаружил, что все еще могу колдовать.

Выхожу. Осматриваюсь. Дракон бежит по каменным плитам внутреннего двора замка, завывая и держась лапой за морду. Хорт красиво «танцует» вокруг, с умным видом нанося неожиданные удары чешуйчатому, доводя и без того разъяренного монстра до белого каления (огонь заливает буквально все). Вирх снова что-то колдует, пока гордый Мурз поддерживает защиту, презрительно глядя на бегающих друг за другом Хорта с драконом.

Меня явно не ждали, так что на скромно застывшую у стены фигурку никто и бровью

не повел. Пытаюсь гордо выпрямиться. Подумав, просто сажусь на ступени. После чего поднимаю перед собой сложенные в виде пистолета пальцы — светящиеся, как и кисти, откровенно алым светом. И красиво выстреливаю в дракона ярко вспыхнувшим в тени заклинанием.

Сижу, щурюсь, жду. Хорт и Вирх так и не посмотрели на меня. Ну и не больно-то надо, зато сейчас....

Фигура дракона внезапно посинела, задрожав. Монстр остановился, и мощный взрыв снес пол-острова, впечатал волну воздуха и камня в лаву и потряс до самого основания гору.

Жители лежащих у подножия каменных громад деревень с болью позднее вспоминали первое в их жизни извержение вулкана, от которого, впрочем, никто так и не пострадал (благодаря своевременной помощи местных магов).

Глава 22

Ветер упруго бьет в лицо. Ошалело смотрю на падающее за горизонт солнце, повиснув на поясе, зажатом в правой руке летящего на огромной высоте Вирха. Хорт висит на второй руке — еще дымится и временно в отрубке.

Поворачиваю голову и кошусь на вампира. Невинное лицо девочки искажено яростью. В глаза смотреть банально страшно. А на спине у нее сидит кот.

— Отпусти! — Крик заглушается ветром, но я поняла, что меня услышали.

И даже вняли.

Падаю куда-то вниз, ору от ужаса и восторга.

Снова сильный рывок за пояс, и вот я уже лечу дальше. Только теперь молча.

Что-то он не в настроении, лучше пока не лезть. Блин, холодно-то как!

Еще через десять минут — в течение которых я твердо убедился, что подхватчу как минимум воспаление легких, — нас все же опустили на небольшой полянке в лесу. После чего вампир отошел назад и задумчиво на меня уставился. Умудряюсь сообразить, что парень, подлизывающийся к девушке и вымаливающий у нее прощение, — нонсенс. Так что упорно молчу, тормоза Хорта.

— Итак. Ты — моя невеста.

Показываю средний палец. Палец игнорируют. А если так:

— Я парень. Если ты не заметил.

— В данный момент это не имеет значения.

— Извращенец, — презрительно.

Бровь Вирха слегка дернулась, но лицо осталось спокойным, лишь сверкнули алым глаза.

— Я уже составил заклинание обмена телами. Полагаю, это тело подойдет тебе больше...

— Я не ношу обноски.

И снова молчание. Мне показалось или я услышал скрежет клыков?

— После обмена, — терпеливо, — я открою портал в мой мир, и мы...

— Мурз сказал, что у меня есть еще полторы недели. Планеты пока не встали в нужные положения... так что обойдешься.

Рычание. И ведь и вправду пробирает до костей. В его расширенные и сейчас пульсирующие зрачки даже смотреть не хочется. Нет, я не трус... просто и вправду страшно. Этому вампиру не перечили уже очень и очень давно. Плюс вряд ли он привык сдерживаться. Но тогда почему сейчас не нападает? Почему терпит? И... почему невеста?

Рядом застонал Хорт, медленно садясь и держась рукой за обгорелый лоб. С огромным облегчением изучаю быстро набухающую шишку. Жив.

— Что произошло? — хрипло. Поворачиваясь ко мне и игнорируя «принцессу».

— Ну если вкратце: дракон самоуничтожился, а вот она всех спасла.

Прислонившуюся к дереву и зло разглядывающую меня девушку пристально осмотрели.

— Это и вправду Вирх?

— Ну...

Неожиданно ко мне подползли и рывком притянули к себе, сжав рукой подбородок и жестко целуя...

После чего тело охотника отшвырнуло назад, впечатав в дерево. А рычащий монстр, в котором уже никто бы не признал хрупкую девочку, встал передо мной, сжав пальцы на горле и освещая лицо алыми углями расширенных глаз.

— П-пусти, — хрипло. Царапая пальцы и чувствуя, как хрустят косточки позвонков.

— Никогда, — почти ласково, — больше никогда так не делай. Поняла?

Пытаюсь кивнуть, но сил нет даже на вдох, а потому просто не шевелюсь, чувствуя боль от разрываемой когтями кожи.

Ее губы впились в рот жестким, властным поцелуем. Глаза продолжали пылать из-под опущенных ресниц, а вторая рука прижала к его груди так, что вдохнуть так и не удалось.

— Пустите его.

Вампир отстранился, черты лица его начали меняться. В глазах помутилось от недостатка воздуха, я поняла, что вот-вот потеряю сознание.

— А то что? — Голос все еще пугал, но я успела заметить кинжал, прижатый к спине вампира — прямо напротив сердца.

— Это серебро, будет больно, — почти с иронией.

Меня медленно освобождают из удушающего захвата. Падаю на землю, хватая ртом воздух и скребя когтями по прохладной земле. Беспмятство все еще засасывает, но я изо всех сил стараюсь остаться в сознании, не отрывая взгляд от этой пары.

Странно, но тело и лицо «принцессы» уже совсем неразличимы, в то время как охотника я вижу вполне отчетливо. Почему?

Дурнота сходит липкими долгими волнами, оставляя меня в покое. Кислород опьяняет, дорвавшись до мозга. Я кое-как прихожу в себя, начиная понимать, почему вижу вампира нечетко.

Тело его меняется.

Он стал выше и шире в плечах. Волосы изменили цвет на черный и отросли до лопаток... А вскоре на месте девушки уже стоял невысокий привлекательный парень со сверкающими алым из-под длинной темной челки глазами. И насмешливой улыбкой на тонких губах.

Я вздрогнула, кое-как села и почти с ужасом уставилась на собственные тонкие и изящные пальчики, внезапно вздувшуюся в области груди куртку и спадающие до самых колен длинные, переливающиеся серебром-золотом волосы.

Так я что, девушка? Снова? Я? А... а как?

— Хорт! — Парень послушно смотрит на меня, не убирая кинжал от спины вампира. — Почему... почему я теперь... Это ты наколдовал?

Вирх усмехнулся, очертания фигуры смазались. И вот уже выбитый из руки охотника клинок вонзился в дерево, а сам он с трудом удерживает направленную ему в грудь когтистую руку.

— Нет, — спокойно и даже вежливо, выпуская из пальцев второй руки точно такие же длинные острые когти и медленно поднимая ее перед собой. На сопротивляющегося парня он смотрел с любопытством. То, что охотник умрет, для Вирха даже не вопрос.

— Но тогда почему, Хорт?

— Что? — не разрывая зрительный контакт с противником.

— Ты ведь поцеловал меня только для отмены заклатья приворота?

— Да.

Теперь уже оба смотрят на меня. Вирх временно отвлекся от своей добычи, вспоминая сцену на лестнице и анализируя картинку в новом свете.

— Хм. Что ж, господа, поздравляю! Магия сработала, поцелуй возлюбленного снял проклятие и вернул вампира в его тело, ну а мне предоставил первое попавшееся. — Гордо оглядываю их лица.

Хорта отпустили. Вампир опустился передо мной на корточки, заглядывая в глаза и все еще хмурясь.

— Уверена?

Я кивнула и попыталась улыбнуться. В конце концов, мне есть чему радоваться. Я снова девушка!

— Что ж... — Вирх встал, посмотрел на свою руку и втянул когти. После чего повернулся ко все еще напряженно за ним наблюдающему охотнику и едва заметно улыбнулся.

— В таком случае убивать я тебя не стану. И даже дарую свободу. Так что можешь идти — временно я позволяю тебе жить.

Охотник поднял правую бровь, сжимая в руке рукоять еще одного кинжала. Сарказм вампира ему не нравился.

Я же, не обращая больше на них внимания, кое-как встала, удивляясь легкости нового тела, и судорожно начала стягивать куртку с рубашкой. Очень хотелось увидеть воочию, что я наконец-то снова «она», а не «он». И даже не «оно».

Шелест одежды привлек внимание парней. Они удивленно уставились на меня. Я же внимательно разглядывала шнуровку полупрозрачной рубашки, пытаюсь понять, как ее развязывают.

— Что ты делаешь? — Хорт, ошарашенно.

— Смотри! — Радостно щупая грудь и одновременно расстегивая пояс. — Я девушка! Круто?

Оба промолчали, продолжая за мной наблюдать. Снимаю пояс, бросив его на землю, и берусь за штаны.

Вампир опомнился первым, бросил на Вирха яростный взгляд и, подойдя, сжал мою руку.

— Не здесь и не сейчас, — попытались до меня достучаться.

Хмурюсь, протягиваю ему вторую руку и тихо сообщаю:

— Меня зовут Марина.

Вирх удивленно уставился на руку, не понимая, что ему с ней делать. Но все же осторожно сжал пальцы, глядя на мое неприлично счастливое лицо.

Странно. Как странно. Наконец-то назвать себя по имени и не чувствовать полной идиоткой. И как же это здорово — просто быть девушкой с женской физиологией, внешностью и всеми недостатками разом. Бой с драконом, иной мир, замашки феи... — словно выдуло из перегруженной информацией головы. Здесь и сейчас все, что было для меня важно: можно наконец назвать себя по имени и почувствовать во взглядах двух таких разных мужчин, что ты девушка, а не парень с замашками гея.

Ура!

В ноги что-то ткнулось. Опустив голову, встречаюсь с золотом глаз Мурза. Мне протянули лапку и тихим смущенным голосом сказали:

— Прости, что не верил.

Усмехаюсь, выдирая ладонь из руки почему-то не желавшего ее отпускать вампира. И, наклонившись, подхватываю на руки рыжее чудо.

— Предатель. — Утыкаюсь носом в пушистую шерсть, чуть ли не мурлыча от удовольствия.

— Я просто растерялся, — шепнули на ухо, не пытаясь отстраниться.

Забытые штаны, лишённые ремня, скользнув, упали на землю, открывая панталоны в горox.

Вампир и охотник дружно отвернулись, вызвав тихий смех счастливой девушки,

застывшей посреди поляны с золотистым котенком на руках.

Глава 23

Идем по лесу. Вирх и Хорт не разговаривают, каждый думает о чем-то своем. Кстати, вампир все-таки заставил меня отдать ему его вещи. Мне же он передал частично порванное платье, красовавшееся до этого на нем. Платье мне не понравилось длиной, узостью юбки и довольно значительным декольте. Так что пришлось юбку укоротить и распороть сбоку, ну а проблему с декольте решила куртка Вирха, которую он натянул на меня.

— Хорт...

Парень даже не оглянулся.

— Так ты выпил кровь дракона?

Молчание. Чувствую себя немного странно. Все явно заняты глобальными проблемами судеб мира, а тут я со своей кровью.

— Выпил. — Котенок, мысленно.

— Здорово. А сколько?

— Это неважно. — Опять же Мурз. — Хватило бы и капли, но он проглотил немало, пока резал дракона и попадал под горячие струи. Тут хочешь не хочешь, а налижешься.

— Мм... А почему я — твоя невеста? — к Вирху.

И тишина. Сжимаю зубы, захотелось кое-кому дать пинка.

— Вы были помолвлены еще до рождения. Но принц должен был найти тебя самостоятельно.

— А как он узнал, что я — это я? — Хмуро поворачиваю голову к Мурзу.

— Ну... у него было достаточно времени на изучение рисунка твоей души, пока вы делили одно тело. Да и то, что вы смогли хоть и временно, но существовать, в каком-то смысле доказывает, что ваши души подходят друг другу, как ключ к замку.

— Понятно.

Мурз замолчал. От нечего делать я стала разглядывать вампира. И не могу сказать, что это занятие мне не понравилось. Он очень отличался от охотника. Хорт был шире в плечах, выглядел сильнее и передвигался как большая сильная кошка — неслышно и осторожно. Каждое движение строго выверено, и вся фигура будто излучала силу и угрозу.

Вампир... невысокий, стройный, я бы даже сказала — худощавый, с чуть заостренными ушами. Он шел спокойно, сунув руки в карманы и глядя прямо перед собой. В его движениях не было мягкой грации охотника, и он не выглядел как подкрадывающийся к добыче хищник. Но что-то в нем настораживало и заставляло почти бессознательно уступать дорогу. Может, алые глаза? Или это выражение скуки на красивом, аристократичном лице. Черная челка скрыла половину лица, а волосы, как и прежде, были завязаны в хвост. И... и я только сейчас поняла, какую силу и притягательность может излучать мое бывшее тело.

Вздвогнув, отвожу глаза, закусив губу. Надо же. Интересно, неужели и я выглядела так же? Как странно и нереально видеть себя со стороны. И в то же время если я выглядела, скорее, растеряннo и большей частью времени испуганно, то этот парень явно ничего и никого не боится.

— Что-то не так? — Вирх. Не оглядываясь и чуть не доведя до инфаркта.

— А? Нет, нет, все нормально.

— Мурз. — Какой у него мягкий, спокойный голос.

— Да, хозяин? — не спеша слезть с моих рук.

— Теперь твоя задача — ее охрана. Справишься?

— Но, хозяин, — испуганно, — ее светлость сказали: охранять вас!

— Справишься? — И ни тени раздражения в тоне, лишь чуть больше холода.

Котенок вздрогнул, сглотнул и медленно кивнул.

— Да, хозяин.

Больше Вирх не сказал ни слова, продолжая идти вперед.

Гм...

А куда, собственно, мы идем? Взглянув еще раз на шагающих впереди меня парней, поняла, что пора что-то делать. А то мы можем сутки так идти, пока они думают о высоком и вечном.

— Вир... Марина, что ты делаешь? — Голос в голове отвлекал, пришлось его блокировать.

Мурз открыл было рот, собираясь предупредить всех и сразу, но я зажала его рукой, не давая устроить саботаж.

Итак, мои дорогие. Сейчас я вас начну мирить.

Свободная рука вытянулась вперед, я дунула на собранные в щепоть пальцы и что-то шепнула, сама не понимая — что. Подул ветер, закричала какая-то птица.

И двое моих спутников превратились в черных диких жеребцов, вставших на дыбы и ошалело мотающих головами.

Мурза я посадила на землю. Челюсть котенка так и осталась в отвисшем состоянии.

— Ну как? — с какой-то непонятной гордостью уточнила я.

— Мар-рина...

— Ммм?

— Ты что сделала?!

— А что?

— Расколдуй немедленно! Он же, они же... Это катастрофа!

Глаза котенка были квадратные и временно невменяемые.

Ко мне подошел жеребец с пылающими огнем бездны ада глазами и продемонстрировал впечатляющий набор клыков. Второй зашел сзади и... зашипел. А лошади умеют шипеть?

— Он же говорить не может, и пальцев нет! Это хуже всего — сам он обратиться обратно не сможет! — истериковал котенок, спрыгнув на землю.

Смущенно улыбаюсь и пытаюсь погладить алоглазого по носу. Руку укусили, хрустнув костями и прожигая таким взглядом...

Мой крик еще долго разносился по лесу, пугая птиц.

— Готово.

Стираю кровь, осторожно двигая залеченной котенком рукой. Кони стоят напротив, наблюдая за процессом.

— Теперь расколдовывай, — хмуро и твердо.

Чешу затылок здоровой конечностью, глядя на парней.

— А как?

Шок в глазах животных.

— Это ты меня спросила? — уточнил Мурз.

— Ну...

— Это же твое заклинание! А значит, снять его можешь только ты! Мне, к примеру, придется выдумывать новое заклинание превращения коня в человека, и не факт, что человек не будет ржать и гадить. — Осторожный взгляд в сторону обозленных коней. — То есть я хотел сказать — ты просто обязана знать, как снимаются твои собственные проклятия.

— Но в прошлый раз именно ты меня этому учил.

— Не этому! Атому, как заставить исчезнуть созданное! Не могу же я заставить исчезнуть хозяина! — У Мурза нарастала истерика. — Ты хоть голос ему вернуть можешь?!

Смотрю на бывшего вампира, неуверенно киваю.

— Слушай, а ведь телепатия...

— Телепатия работает, но...

И тут второй конь ярко вспыхнул и вновь стал охотником.

Мы все, открыв рты, на него уставились.

— Что ты сделала?! — Мурз.

— Э-э... ничего.

— Да?

Теперь все смотрим на вампира. Тот в свою очередь угрюмо смотрит на свое копыто. Вспышек и обратных превращений не предвиделось.

— Н-да-а... — Мурз.

— Он, наверное, попозже перевоплотится. — Я.

— Угу. Ладно, буду учить тебя магии, а то ситуация: сила есть — ума не надо.

Неуверенно киваю и встаю. Ко мне подходит конь, зло ржет и пытается укусить. Еле увернулась.

— Он сейчас, мягко говоря, в бешенстве, — просветил меня котенок. — Так его за последние двести лет еще никто не подставлял.

Конь перевел взгляд на Мурза, фыркнул и отвернулся, после чего подошел к дереву, закрыл глаза и замер.

— Пытается саморасколдоваться. — Мурз.

— Да?

Ко мне подошел охотник. Все трое следим за конем.

Минута. Две. Три....

— Так, ладно.

Подхожу и запрыгиваю на спину вампира, устраиваясь поудобнее. Вирх оборачивается и обжигает меня алым пламенем глаз.

— Хорт, залезай, так мы до города вмиг доберемся, — Хмуро смотрю в ответ.

Алый взгляд переместился на парня. Охотник не менее угрюмо посмотрел в ответ и попытался сесть позади меня.

Эффектный пинок копытом и исчезающая в кустах фигура охотника проняли даже Мурза. Осторожно глажу гриву коня, бормоча что-то успокаивающее.

— Вирх, спокойнее. В городе могут быть маги-лекари, которые помогут снять заклинание... ну или эликсир какой купим. — Котенок икнул.

Из кустов вылез грязный, весь в репейнике, охотник, сжимающий в руках кинжалы, и крайне зло двинулся к Вирху.

— Я даже знаю один такой эликсир! Не факт, что он будет продаваться — штука редкая. Но Марина сейчас все еще недостаточно обучена, и снятие заклинания может дать непредсказуемый эффект.

Конь перевел взгляд на приближающегося охотника. Кинжалы в его, с виду расслабленных, руках напрягали.

— А Хорт... на нем я могу учиться колдовать! — нашлась я.

Хорт остановился, взгляд вампира потеплел.

— Да, точно, нельзя же сразу все испытывать на вас, хозяин! — поддержал меня Мурз. — А Хорт... он крепкий парень!

Через минуту голова коня отвернулась, и охотнику было позволено сесть на спину. Смотрим на вампира, почему-то не спешащего взбираться на хребет.

— Ты чего? Залезай, поехали.

— Спасибо, я как-нибудь сам, — усмехнулся охотник, вкладывая клинки в ножны и отворачиваясь от нашей живописной группы.

Испуг подкатил к горлу, я поняла, что он вполне сейчас может уйти и не вернуться. Его же больше ничего не держит рядом со мной.

— Но... но заклинание приворота! — Охотник застыл, спина его заметно напряглась. — Именно им я тебя и расколдовала из коня обратно в человека, — сочиняя на ходу. Мурзу опять же заткнула рот. — Так что теперь ежедневно в течение пяти дней ты просто обязан меня целовать, а иначе будешь всю жизнь страдать от жутких мук неразделенной любви.

Охотник повернулся, лицо его не предвещало ничего хорошего. Тяжелый взгляд обернувшегося ко мне Вирха я просто не могу передать.

— А чем докажешь, что через неделю ты не наложишь новый приворот?

Ткнула пальцем в нос коня. Зубы клацнули в миллиметре от отдернутой руки.

— Вот он не даст совершить это злодеяние.

Вампир и охотник пристально друг на друга посмотрели, обдумывая сказанное. Котенок грыз мою ладонь, что-то мыча.

— Ладно. — Хорт, неохотно и явно через силу, — Но только пять дней.

Облегченно выдыхаю. Парень же с разбегу запрыгнул на коня позади меня, сильные руки обвили талию, а губы обожгли быстрым поцелуем.

— Это первый, — хрипло, сверкнув искрами черных глаз и зло усмехаясь.

Конь подо мной тихо и проникновенно зарычал. Перевожу на него взгляд, пытаюсь прийти в себя и вспомнить, а умеют ли кони рычать... Этот умел. И смотрел так, что на месте Хорта я бы уже рыла себе глубокую комфортабельную могилу со всеми неудобствами.

Мурз наконец-то вырвался из моих рук и громко всех обругал, разряжая обстановку. После чего попросил-таки трогаться, пока мы друг друга не попереубивали.

Возражений не было, и конь рванул с места в галоп, чуть не скинув непутевых всадников со спины. Я бы упала точно. Но Хорт наклонился вперед, с силой сжав ногами покатые бока, и крепко вцепился руками в гриву, прижимая меня к шее и не давая сверзиться вниз. Мурз что-то там вопил о том, что его раздавили, ветер и ветки свистели мимо, едва не задевая голов. А в душе разгоралось стойкое и безумное ощущение счастья.

Я. В его объятиях. После его поцелуя — мчусь по лесу на черном сильном коне.

Это сказка.

Глава 24

Вирх умерил бег только через час бешеного галопа. Так что ветки больше не угрожают несчастному лбу, но и Хорт теперь не сжимает меня в объятиях. Обидно. Пытаюсь разбудить кота. Царапается, цараза.

— Мурз! — крикнула прямо в ухо, плюнув на телепатическое «Вставай, котенок».

Кот подскочил и резко открыл оба глаза, пытаюсь найти опасность. Прижимаю к груди, радуясь, что можно снова вести себя как девчонка, тиская зверьков сколько угодно. (А не ходить с миной убийцы, страдающего хроническим запором.)

Мурз моей радости почему-то не разделял, отчаянно кусаясь и шипя. Вирх один раз покосился на нас алым глазом, но только фыркнул и снова отвернулся.

— Какой ты теплый.

— Марина! — с угрозой.

— Мм?

— Пусти!

— Хм... а какое у нас брюшко!

— Это не брюшко. МАРИНА!!!

— Какой стеснительный. Ну ладно, пупсик, — офигевший взгляд котенка, — так ты будешь учить меня колдовать или нет?

Ухо коня повернулось в нашу сторону.

— Ну... хорошо. Все равно поспать толком не удастся.

Я расцвела в улыбке, очаровавшей даже белку, прыгающую по ветвям (она в прыжке врезалась в дерево, не сводя с меня огромных глаз).

Мурз глухо кашлянул.

— Не стоит так сильно наводить чары притяжения — будут проблемы.

— А?

— Ты сейчас колдуешь неосознанно и явно хочешь быть привлекательной как никогда. Да и тело тебе досталось просто... супер.

Расцветаю. Сзади обнимают за талию, впиваясь в шею зубами. Бли-ин.

— Ничего не могу с собой поделат. Очарован, — шепот на ухо, сквозь редкие глотки.

— Зато я могу. — Мурз. Хмуро.

Охотник еле увернулся от впечатляющего фаерболa. Мне сожгли часть волос на виске. Зверствую.

— Э-э. Мариночка, — хмуро.

— Чего? — не менее радостно. Обрезая волосы кинжалом Хорта.

Котенок разглядывал еще дымящийся, местами облысевший хвост.

— Ты не могла бы все исправить?

Охотник упорно молчал, выковыривая выбитый клык. Новый отрастет буквально за сутки, точно знаю.

— Нет.

— А как же первый урок по колдовству? — вкрадчиво.

Тяжело вздыхаю и неохотно киваю. Мурз воодушевленно диктует формулу, объясняя, что сам теперь колдовать не может, так как все силы грохнул на то, чтобы не сгореть полностью.

Прикрываю глаза, пытаюсь понять и запомнить очередность заковыристых слов. Неуверенно повторяю.

— Стоп!

Смотрю на котенка. Мне тыкают лапкой в шикарные стальные иглы, растущие из хвоста. Каждая — с палец длиной. На Хорта смотреть просто боюсь. А вот Мурз взглянул... ржет.

— Еще раз! — откашлявшись и глядя все так же требовательно.

Киваю и снова колдую.

В этот раз остановили еще быстрее.

— Я кудрявый, — хмуро.

Все-таки оборачиваюсь и смотрю на златокудрого охотника. В глазах — угроза, сдерживаемая из последних сил.

— Милашка, — улыбаюсь, пытаюсь потрепать по голове.

Парень показывает оставшийся клык и рычит.

Отдергиваю руку, снова смотрю на кота... Тоже милашка. Тискаю вопящее чудо.

Час спустя.

— Последний раз повторяю! — сидя на плече Хорта.

Оба в чешуе, у обоих на голове — длинные извилистые рога и много нарывов, сочащихся синим гноем. Правда... кое-где все-таки пробиваются редкие щетинистые волоски, напоминая о прошлом. Конь уже смотрит постоянно, изогнув длинную шею и явно наслаждаясь происходящим. Дорогу он давно не контролирует, но мне не до Вирха.

— Ладно, ладно, не шуми.

— Сосредоточься! — срываясь на визг. Мурз.

— Угу. Ты только не волнуйся... пушистик.

Боль в его глазах и просьба меня убить. Хорт вдумчиво кивает, выпуская когти и исходя бешенством.

Меня тут явно не любят. Сволочи.

Закрываю глаза, мучительно соображая, как же сделать так, как нужно. Слова, уже прочно засевшие в голове, надоели и попросту бесполезны. Но ведь до этого я колдовала без слов. Вспомнить хотя бы белочку... или то, как я приземлилась на дракона и не переломала ноги. Или как этого дракона грохнула.

Как же я это делала?

В принципе ответ прост до наива. Захотелось, и все тут. Открываю глаза, смотрю на взбешенных друзей и ободряюще улыбаюсь. Хорт насторожился, котенок зло сощурился.

— Давай. — Мурз. Настороженно.

Вирх на автомате уклонился от дерева на пути, сумев не оторвать от нас взгляда.

Киваю и стараюсь представить то, что хочу. С тем капризным и вредным чувством эгоистки, что так мне свойственно.

Я просто так хочу.

И на их головах исчезают рога, бледнеет и отваливается прыщавая чешуя, у Хорта вырастают шелковисто-жесткие пряди черных длинных волос, котенок же обрастает своей золотисто-рыжей шерсткой.

Оба опасливо себя ощупывают, еще не веря, что все наконец-то удалось.

— Ножницы есть? — Мурз, мрачно.

— Зачем? — С улыбкой рассматриваю длинную, достающую до земли шерсть котенка.

Мне ответили крайне нецензурно. И продолжали отвечать, пока Хорт отрезал лишнее, возвращая животному прежний вид.

Осторожно глажу уснувшего на коленях Мурза. Шерсть неровно и клокасто острижена, мордочка — без усов. Но заботит сейчас не это. Я поняла, как надо колдовать!

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь сообразить, что бы еще такого совершить.

В итоге бревно на пути превратилось в цветы, выбежавшая из кустов лиса — в зайца с устрашающим оскалом, а из ветвей одного из деревьев я умудрилась свить что-то вроде гнезда, помогая какой-то птичке. Той, судя по воплям, понравилось. Не сразу поняла, что вплела и ее в гнездо. Пришлось останавливаться и высвобождать несчастную.

После чего вечером птица была торжественно зажарена на костре (ибо добить было явно гуманнее).

Сидя вечером вокруг огня, пока свет двух лун освещал поляну, а прохладный ветер шевелил встрепанные волосы, мы молча жевали горячее мясо и думали каждый о своем. Хорт, скорей всего, радовался, что может есть вообще. Вирх лежал рядом со мной, отсвечивал алым светом радужек и жевал ножку дичи. Мурз... воровал мою порцию. Зараза.

— Расскажи о себе, охотник. — Сижу чинно: спинка выпрямлена, ноги подогнуты, расчесываю волосы пальцами. Вся такая загадочная и наконец-то прекрасная.

Охотник пожал плечами и начал готовиться ко сну.

Сжимаю зубы, пытаюсь не сорваться. Нет, ну надо же быть такой сволочью.

— Да, кстати! — внезапно вспоминаю я, отпихивая голову Вирха, попытавшегося устроить ее у меня на коленях. — Уже полночь... минула, — тяжело вздохнув. — Я о поцелуе.

Охотник замер. Напряженно на него смотрим. Котенок еще и сощурился. Нервно улыбаюсь, упрямо сжимая кулаки.

Хорт встал и скрылся за деревьями, даже не соизволив ответить. Мурз задумчиво потушил зависший над лапкой фаербол.

— Марина, — напряженно.

— А?

— Как будущая жена моего хозяина, ты теперь больше ни с кем не целуешься, — твердо.

Вздыхаю. Хмурюсь и перебираюсь через шею коня, устраиваясь у его бока. Завернувшись в позаимствованный у охотника плащ, наконец-то чувствую тепло и уют, закрывая глаза и свернувшись калачиком с котенком под боком.

Спать. Надо поспать. А не лежать и думать о бродящем по лесу охотнике, который явно злится на меня.

Ночь обняла мир, освещая его двумя лунами, наконец-то встретившимися в небе. Ветер осторожно играл с пламенем костра, то пытаясь его затушить, то разжигая сильнее и изгибая мягкие язычки в кольцо тонких спиралей.

Охотник встретил в лесу семейство кабанов и сумел скрыться на дереве, решив не убивать хотя бы сегодня.

А чуть раскосые, пылающие алым светом глаза всю ночь смотрели на сонное усталое лицо девушки, спящей рядом...

Глава 25

Меня целуют. Бережно прижимая к себе, проводя языком по сомкнутым губам и зарывшись пальцами в шелк мягких волос на затылке.

— Х-хорт. — Полувыдох-полустон в теплые сухие губы.

Так. Постойте... в губы?

Широко распахиваю глаза, окунувшись в бездну чуть расширенных зрачков, и ощущаю, как клыки царапают кожу... Даю ему медленно слизнуть с нее темные капли крови.

— ?!

— Не шевелись. — Шепот, заставивший сердце зайти в нервном припадке. Парень намекающе скосил глаза вбок.

Смотрю туда же: конь и Мурз спят в обнимку неподалеку. Вампир слегка отстраняется от меня и с какой-то мальчишеской улыбкой шепчет:

— Мы же не хотим их разбудить?

Словно на автомате отрицательно мотаю головой, вцепившись в его рубашку и чувствуя, как колотится сердце.

— Вот и умница. — Осторожно вынимает руку из волос, подмигивает и склоняется к ушке, опаяя на выдохе и так ласково произнося: — Второй.

После чего встает, рывком отдирает от себя мои пальцы и, сунув руки в карманы, удаляется в лес, почти сразу скрывшись между деревьев.

Сижу, дышу, восстанавливая нехватку кислорода. Меня трясет, и хочется выть и рычать одновременно.

Второй? Второй поцелуй?!

Ну погоди.

Встаю и бросаюсь следом. Котенок сонно приоткрывает золотистый глаз и смотрит мне вслед.

Он даже не успел обернуться, когда я бросила в него сгусток магии, впечатав спиной в дерево и упираясь ладонью в грудь.

— И?.. — почти шипение сквозь быстро вырастающие во рту клыки. Тридцать два, и все — как иглы. Моя улыбка сейчас бесподобна. — Как оно?

Смотрит на меня, пытаясь сфокусировать взгляд и мотнув головой.

Вспоминаю, что только что наложила на него самые сильные и мощные чары приворота, какие только сумела. Он сейчас без меня даже дышать не может! Гад такой.

— Ты... — Сжимает кулаки, упирается затылком в дерево, а зрачки подрагивают в наливающихся кровью глазах. — Ты-ы...

На спине с силой скрещиваются его руки. Почти чувствую свист выбитого из легких воздуха, пытаюсь вырваться, но сходящее с ума чудовище, которое я только что создала, — отпустить не намерено.

— Ты так этого хочешь? — Голос меняется, ломается, становится жутким и страшным.

Извиваюсь в его руках, ощущая накатывающий волнами страх, переходящий в запоздалый ужас.

Что же это? Почему я так боюсь?!

— Отпусти ее.

Голос Вирха словно обухом врезал, ворвавшись в мысли. От меня отводят взгляд и смотрят на стоящего неподалеку жеребца. Клыки, алые глаза... и все же не человек.

Хорт чуть ослабил объятия, как раз настолько, чтобы я смогла дышать, и подался чуть вперед, не обращая внимания на мои бурные попытки вырваться. Оценивающе смотрит на Вирха.

— Ты не можешь колдовать.

— Зато я могу. — Мурз. Сидя на спине хозяина и глядя совсем неласково. Руки снова с силой сжали, перекрывая кислород. Паникую. Да что же я натворила такое?

— Она моя, — неожиданно спокойно.

Черная челка скрывает выражение его глаз.

— Не могу прицелиться, они слишком близко. — Мурз.

Конь медленно идет к нам, его глаза пугают.

Блин! Я так больше не могу-у!..

Скорее от ужаса, почти на одних инстинктах, развеиваю собственное колдовство, отпуская охотника. И тут же падаю на землю, в то время как Хорт отпрыгивает в сторону. Черная быстрая тень возникает словно из ниоткуда, копыто врезается в то место, где мы только что стояли, а тихое злое ржание обжигает ухо.

— Я в порядке, не трогай его! Это... моя вина, я... магия...

Но меня не слушают. Конь гоняется за охотником, пытаюсь сжать клыки на его шее. Хорт мелькает среди деревьев, уворачиваясь.

— Хана твоему охотнику. — Котенок подошел и задумчиво сел рядом со мной, наблюдая за парой.

Вздрагиваю. Пытаюсь встать, но тут же падаю вниз. В голове все еще пульсирует картинка недавно испытанного ужаса, буквально ставя психоблок на все попытки спасти Хорта.

— Смирись, Марин. Он уже достаточно испытывал терпение хозяина.

Мимо нас пронесся охотник.

— Сделай что-нибудь с этим конем! — орут мне, снова исчезая среди деревьев.

Молча смотрим ему вслед. Мимо, взрываясь потоком воздуха, промелькнула большая черная тень, светящаяся алыми искрами глаз.

— А неплохо бегают. — Кот задумчиво.

Киваю.

Еще через полминуты мимо снова пробежал охотник. В глазах — угроза, дыхание тяжелое и частое.

— Он меня сожрет! — Это, видимо, мне.

Конь красиво пронесся следом, косо бросив на меня взгляд и что-то фыркнув.

— По-моему, хозяин начинает входить во вкус. — Мурз, уже сидя у меня на коленях. — О, возвращается! — радостно. — Видимо, устал и понял, что долго так не пробегает. Щас снова будет нас умолять.

— Марина! — угрожающе. Перепрыгивая через корягу неподалеку и пронзая меня взглядом.

Киваю, показывая ему большой палец. Уже поняла, что никто не умрет и Вирх догадался, что произошло. А значит, никого убивать не будут.

Конь неторопливо проскакал следом, оскалив неплохой набор клыков.

— Сожрет. — Мурз. Уверенно. — Как есть сожрет. — После паузы: — Если поймает, конечно.

Киваю, глядя пушистика и почесывая за мягким ушком. Меня награждают тихим урчанием и прищуром золотых глаз.

Охотник еще раз пятнадцать пробегал мимо. На шестнадцатый — рухнул неподалеку и затих. Следом уже приближался Вирх, который, в отличие от вампира, не устал ни капли. Белоснежные клыки впечатляюще сверкнули. Охотник замер, упорно не оборачиваясь.

— Вирх!

Конь замер. На меня недовольно покосились. Котенок, лежа на моих коленях, урчал как паровоз, пока ему почесывали пузо.

— Если оставишь его... верну твое прежнее тело. Сейчас.

Конь смотрит недоверчиво, поднимает голову и тихо ржет. Но он же говорил

недавно... или это была телепатия?

— Не тронешь его не только сейчас, но и вообще никогда, — уточняю. Клыки угрожающе сверкнули в черной пасти, конь зашипел, не соглашаясь. — Хорошо! Две недели. Всего две недели, а потом делай что хочешь.

Все еще не согласен.

— Просто оставь ему жизнь на это время! — почти с отчаянием.

Думает. Осторожный кивок.

Облегченно выпускаю когти, забыв, что глажу кота.

Визг с коленей напугал всех.

— Ой, прости...

Визг преодолел звуковой барьер, вонзаясь в нервы.

Котенок обмяк. Испуганно лечу его своей силой. Хорт и Вирх угрюмо за мной наблюдают.

Так. А теперь Вирх.

— Кхм... — откладывая в сторону вылеченного кота. — Подойди.

Тихий перестук копыт. В ладонь послушно тыкаются влажным носом, обжигая дыханием кожу.

Закрываю глаза, стараясь как можно более четко и ясно представить снятие чар. «Хочу, и точка!» Кажется, именно так работала моя магия?

Ну же!..

— Получилось.

Осторожно открываю глаза и смотрю на вполне человекоподобного Вирха.

Смущенно улыбаюсь.

— Можешь... не благодарить, — боковым зрением наблюдая за поднимающимся с земли Хортом.

Вампир кивнул, встал и повернулся к охотнику. После чего пнул встающего парня так, что тот отлетел и врезался в ствол дерева. Вздрагиваю.

Вирх идет к нему, выпустив когти и сузив глаза. Пытаюсь вскочить, но на руки запрыгивает Мурз, а в голове громко звучит его голос:

— Не надо! Хозяин не нарушит слова! Но охотник оскорбил его, и оскорбил смертельно. Так что это просто расплата за содеянное. Не лезь.

Сжимаю зубы и пытаюсь успокоиться. Мальчишки. Все решают с помощью кулаков.

Встаю и иду к костру, стараясь не думать о звуках борьбы за спиной и слушая успокаивающий шепот Мурза.

А охотник... на то он и охотник, чтобы уметь хорошо защищаться от вампиров.

Я уже наелась, вскипятила воду из ручейка и даже умылась, когда эти двое вернулись.

Оба хмурые, оба с синяками на физиономиях и разрезами на одежде и коже.

Вздыхаю, тычу пальцем в остатки мяса и спрашиваю, кто нас сегодня повезет. Перспектива идти до города пешком упорно не радует.

Молчат. Н-да.

Глава 26

Деревня, как и положено в сказке, была тиха и безлюдна. Скрипели на ветру распахнутые ставни, ветер гнал по единственной улице пригоршни пыли и сломанные ветки. Где-то далеко красиво выли волки.

Короче, все как и положено, можно начинать бояться.

Смотрю на парней, но те идут спокойно и стараются держаться на расстоянии друг от друга.

— Как считаешь, что здесь случилось?

Мурз не отвечает, окопавшись в моем капюшоне и сладко посапывая.

— Ладно, сама разберусь.

Поворачиваю к первому попавшемуся дому, распахиваю дверь и... пусто. А ведь точно помню, что, по сценарию, стол просто обязан ломиться снедью загадочного происхождения — для откорма незваных гостей, коих просто обязаны съесть ночью.

— Что там? — Вирх.

Хорт молча втолкнул меня внутрь и сам осмотрел пыльное, заросшее паутиной помещение.

— Никого нет, — задумчиво.

— Гениально. — Сажу в пыли, потирая коленку и чихая от пыли.

Вирх пристально смотрит. На губах мелькает полуулыбка, и он опускается на одно колено, осторожно сжимая изящными пальцами мой подбородок и даря ощущение уколов от втянутых когтей. После чего наклоняется. И проводит губами по моему носу, верхней губе, нижней... завершая поцелуем и внимательно наблюдая за реакцией.

Сжимаю кулаки, впиваясь когтями в ладони, и упрямо смотрю в ответ.

Вампир зло щурится, углубляя поцелуй, делая его более болезненным и жарким. Вторая рука — обвивает талию, прижимая к груди и давая почувствовать прохладу кожи вампира... Судорожно вдыхаю запах мокрой земли и мяты, вцепившись в его рубашку в ответ.

— Понимаю, что ты на пределе, но, может, сначала осмотрим деревню? Или ты присосался надолго? — язвительно и холодно. Из-за спины Вирха.

Вампир отстранился, даря почти болезненное ощущение обиды, и оглянулся на стоящего рядом и сузившего глаза Хорта.

— Не зарывайся, вампиреныш, — тихо, с угрозой. — Две недели пролетят быстро.

Охотник усмехнулся, почти с вызовом глядя на парня.

Я же пытаюсь восстановить дыхание и унять бешено мечущееся в груди сердце, сумбурно соображая, какого... я так радостно отвечала на поцелуй Вирха? Я же его не люблю. Да? Блин.

Меня резко отпускают, и я плюхаюсь на пятую точку. Угрюмо смотрю на Вирха.

— Пошли.

Это он мне?

Спина вампира уже скрылась в дверном проеме. Хорт бросил на меня непонятный взгляд и вышел следом.

Сажу и чувствую себя так, словно мною только что грубо попользовались, после чего бросили, а сами свалили. Вскидываю, выхожу из дома и гляжу вслед удаляющимся парням. А меня, значит, забыли.

Ну все. Довели. И... две толстые лысые крысы продолжили идти по деревенской улице, пристально вглядываясь вперед.

Смеюсь, достаю из капюшона сонного Мурза и указываю ему на крыс:

— Смотри.

Кот зевает, выпуская когти и неуверенно облизываясь.

Отпускаю, с удовольствием слышу тихий мяв. И тушка пушистика рванула к грызунам, издавая боевой клич. Эх, хорошо, что я его утром не покормила, съев все сама.

Крысы остановились, обернулись. Та, что с алыми глазками, что-то грозно пискнула, замерла и с ужасом уставилась на собственные лапы. Вторая, суется, разыскивала кинжалы. Нащупала хвост. Ошарашено на него смотрит.

В глазах мелькает понимание. Переглядываются, открывают рты. А Мурз уже близко: красиво взвизгивает в воздух, распахивая пасть...

Визг, писк и вид двух удирающих по деревне крыс просто сгибает меня пополам в приступе неудержимого хохота. Смагиваю слезы счастья, широко и радостно улыбаясь.

Я вас, ребята, еще сама воспитаю. Да так, что мало не покажется.

И девушка продолжила изучение деревни, оглядывая одинокие постройки и ежась от ветра. Изредка мимо проносились зверьки, визжа и почему-то удирая от Мурза не поодиночке, а вместе. Кот радостно завывал, скользя на поворотах.

А на небе светило яркое солнце, согревая усталую путницу и даря покой и умиротворение ее душе.

Глава 27

Сиж у колодца, запрокинув голову и радуясь теплу и свету. На руках сидят крыски, опасливо глядя на застывшего неподалеку Мурза. И жмутся ко мне... почти жалобно. Так бы и затискала.

— Марина, — хмуро.

— А?

— А где Вирх и охотник? Я их совсем не чувю, — зло поглаживая на грызунов и делая вид, что вылизывает шерсть.

Усмехаюсь. Так и знала, что запах добычи собьет чувства кота и хозяина он не признает. Ну... точнее, надеялась. Сильно.

— И чего ты так в этих крыс вцепилась? Я, между прочим, голодный.

Один из зверьков что-то пискнул и полез ко мне за пазуху. Второй — тот, что с алыми глазками, — вцепился ему в хвост, не пуская. Бурная потасовка на коленях отвлекала.

— Ну... собственно, это и есть твой хозяин и Хорт.

Пауза. Кот осознает услышанное, медленно седея.

Крыски замирают и зло поворачиваются к нему. Кого-то сегодня будут долго и мучительно убивать.

— А... может, не будем пока их расколдовывать? — тихо и как-то неуверенно. Сам не понимая, что несет.

Красноглазая крыска громко и пронзительно пискнула. Пушистик сжался, вызывая мой смех. Нет, ну какая прелесть. Теперь уже три пары глаз смотрят на меня. И все чего-то ждут.

— Ладно. — Закрываю глаза и мысленно снимаю заклинание...

Не получилось. Еще раз. И еще раз. И еще раз.

На двадцатой попытке я сдалась.

— Не выходит, — виновато.

Черноглазая крыска прижала к груди хвост, выпучив глаза. Она все еще не хотела верить.

— Да? — Котенок так и не сумел скрыть радость.

Оба зверька повернулись к нему.

— Я не виноват! Я ей не мешал, честно.

— Да не мешал он мне. — Вздохнув, откидываюсь спиной на прохладный камень, спуская грызунов с рук. — Просто мне удастся колдовать, только если я всем сердцем чего-то хочу. И при этом абсолютно уверена, что это произойдет непременно. А тут... ну хочется мне, чтобы вы еще так побегали. А то один целует и объясняется в ненависти до гробовой доски. Потом второй лезет, рассказывая, что я — его личная собственность, а потому временно еще и безгласная и безмозглая... Надоело. Так что, дорогие мои, ждите, когда у меня появится настроение.

Крысы прыгнули с колен и сели рядом со мной. Обе хмуро о чем-то перепискивались. Я скосила глаза, котенок старался не облизываться.

Потом красноглазая сбегала куда-то, приволокла небольшой камушек и начала что-то чертить на песке.

— Хозяин знает, как разрушить чары! — Котенок. Возбужденно. — Поразительно, не думал, что Вирх сможет понять, как снимать чужие чары. До сегодняшнего дня это считалось вообще невозможным.

Зверек упорно корпел над каракулями, не обращая ни на кого внимания. Второй —

сидел рядом и с интересом наблюдал.

Закончив, крыс повернулся к коту и поманил его лапкой. Тот подошел, задумчиво шурясь.

— Что он хочет сказать? — заинтересованно смотрю на каракули.

— Просит меня прочитать написанное.

— Так читай!

— Читаю, — хмуро.

После чего кот понес какую-то ахинею, чуть ли не вода носом по земле и старательно вглядываясь в мелкие загогулины.

Сидим, молчим, слушаем...

Но тут позади меня раздалось низкое, пробирающее до мозга костей шипение. И, медленно обернувшись, я увидела огромную, метр в диаметре и кучу метров в длину, змею. Смотрела она не мигая, высунув длинный, раздвоенный на конце язык, и тихо угрожающе шипела. Сердце дрогнуло и рухнуло куда-то в желудок. Захотелось срочно провалиться под землю, меня затрясло. Что-то царапающее полезло по ногам на живот и забралось за пазуху. Ощупав это «что-то», опознала крыс. Котенок продолжал вдохновенно мяукать тарабарщину уже раз в пятый, по-моему, но с грызунами ничего так и не произошло. Змею он не замечал.

Я осторожно встала, не отрывая взгляд от змеи, и неуверенно сделала шаг назад. Второй. Третий. Тварь приподнялась над землей, шипение усилилось, голова начала раскачиваться на массивной шее.

Сожрет. Как есть сожрет.

На автомате вытаскиваю крыс из-под рубашки и показываю змее. Смотрит. Замерла и смотрит, перестав качаться. Крыски трепыхаются, глаза наполнены ужасом, меня пытаются укусить и вывернуться из рук. Не отпускаю. В голове огнем пылает фраза о том, что змеи предпочитают грызунов.

Огромная пасть медленно открывается и осторожно приближается ко мне. Видны длинные острые зубы и язык, находящийся в непрерывном движении.

Зрелище завораживает, пугает. Хочется бежать. И о том, что могу колдовать, я в тот момент не помнила вообще.

— Вку-усные мышки, — шепот.

Змея шипит и бросается вперед. Пасть мелькает перед глазами. Кидаю крысенышей и бегу со всех ног прочь...

Но... бросила я ребят не в пасть, а в колодец. И попала. Кажется. А вот за мной теперь ползет с бешеной скоростью, хоть и безногая, тварь, еще и злая к тому же. И догнать меня — для нее явно не проблема. Так что несусь со всех ног к домам, стараясь не паниковать.

Влетаю в ближайшее окно, выбив плечом стекло и рухнув на пол. Чувствую, как осколки, градом падающие вниз, режут кожу и впиваются в мышцы. Шиплю, пытаюсь встать, оскальзываясь на крови, и слышу, как Нагайна врывается следом, снеся на фиг раму, и вцепляется в ногу.

Больно — не то слово. Это... жутко. Когда слышишь хруст костей, видишь огромную пасть, рвущую клыками в мясо... А затем — резкий сильный рывок, швыряющий о стену, об пол, снова о стену и — сквозь обломки рамы — обратно на улицу.

Крик ободрал гортань. Все, что могу, — это хрипеть и биться в конвульсиях. А змея окутывает меня кольцами, сжимая так, что хрустят ребра. Задыхаюсь, чувствуя, что еще немного — и искры перед глазами начнут лопаться, прямо как сосуды...

А потом внезапно — резкий свет, рывок чуть ли не за волосы, рык на ухо, смазанные тени. И шипение твари, оставшейся где-то позади.

Меня занесли в дом, запрыгнув все через ту же раму. С трудом различаю черты лица Вирха. Он сжимает мои волосы одной рукой, плечо — второй, обнажая окровавленную шею. Даже там порезалась, идиотка.

Клыки входят, легко разрывая артерию. Дергаюсь, но держат крепко, не давая вырваться. Меня трясет... от обиды. Я тут... а он!

Но в тело уже врывается чужая сила, разом убирающая боль. Чувствую, как с щелчком встают на место ребра, сшиваются мышцы, срстаются нервы. И на перепутанное, все еще быющее в сетях паники сознание накатывают волны покоя и сна.

Парень отстранился, ожег алым светом глаз и тихо хрипло шепнул:

— Спи.

После чего, осторожно проведя когтями по щеке, уложил на грязный пол и вышел. Через окно. Наружу, где добивал разъяренную змею охотник.

Глава 28

Очнулась я уже довольно поздно. На кровати и с Мурзом на животе.

— Ты как? — заботливо заглядывая в глаза.

— Нормально, — чуть хрипло со сна.

За окном — ночь, дождь барабанит по стеклу. В комнате — темно, прохладно и пахнет землей.

— Где мы?

— В соседнем доме. Ребята уже что-то едят на кухне, а меня оставили присматривать за тобой. Ты кушать... хочешь? — Смотрит с такой надеждой, что понимаю — сам не рискнул есть с этими двумя, опасаясь мести за недавнюю охоту на крыс.

— Все-таки расколдовал? — с улыбкой.

— А то! Правда, они из колодца вылезли далеко не сразу, мне пришлось им еще и ведро с цепью скинуть. Но ведь выбрались! И тебя спасли.

Улыбаюсь, киваю и встаю. После чего беру Мурза на руки и храбро иду на кухню.

Гм... что меня там ждет? Прибьют — не прибьют... А впрочем, если бы хотели прибить, лечить бы стали вряд ли.

Хорт и Вирх сидят за столом и о чем-то тихо говорят. При моем триумфальном появлении (на голове — колтун, вся в грязи и крови, синяк под глазом) замолкают и смотрят, словно преподы, изучающие явившегося на переэкзаменовку и ранее смачно обматерившего их студента. Студент смущен и уже жалеет о порыве, ибо тогда хотел бросить универ (а потому материл от души и долго, угрожая табуреткой и заставив дослушать до конца), а сейчас вроде передумал и мучительно соображает, как бы извиниться и не потерять лицо.

— Привет, — очаровательно краснея и садясь за стол.

Напряженно смотрим с Мурзом на картошку с грибами. Интересно, кто из них готовил?

— Ешь, — кивнул Вирх.

Ем. Мурз не отстает, охамев настолько, что залез на стол.

— Мы хотим с тобой поговорить. — Охотник. Хмуро.

Давлюсь картошкой. МЫ?! Какой кошмар.

— Слушаю, — хрипло. Сквозь кашель.

— Кто учил тебя колдовать? — Вирх.

— Никто, — с набитым ртом.

— Хм?

— Само пошло, — кое-как прожевав и отбирая у кота колбасу. Кот выпустил когти и угрожающе задрал хвост. Обкусанную колбасу вернула.

— А когда именно ты начала колдовать?

— А как тебя встретила, — мило улыбаясь и вытирая рукавом нос. Вампир поморщился. Мне же просто хотелось по безобразничать.

— Тогда это точно магия запрета, — смотрит на охотника.

Тот кивает. У обоих в глазах печаль и суровость. Чувствую себя ведьмой, нечаянно представившейся инквизиторам. А что такое-то?

— И... что это за «магия запрета»?

Ответ охотника прозвучал настолько мрачно, что возникло желание срочно сбежать из этой комнаты и по-тихому повеситься самой.

— Это магия, которой наделяют человека на определенное время. Максимум — месяц. И каждый раз при ее использовании человек отдает годы жизни тому, кто наложил на него заклятие. Чем мощнее используемые заклинания, тем больше лет отдается колдуну. Как только резерв лет заканчивается — жертва неминуемо погибает в страшных муках, по сути сгорая заживо.

— ...

— Котенок продолжает невозмутимо есть. Сижу, открыв рот и пытаясь что-то сказать, правда сама не вполне понимая что. Дык... эта... так я что... не всемогущая героиня сказки, что ли?

Вспоминаю фею. Желание прибить бабушку зашкаливает за все разумные пределы.

— Я не знаю, сколько тебе еще осталось. — Вирх. Спокойно и холодно, будто вовсе и не переживает за свою единственную (я надеюсь) суженую, — Но я могу помочь.

— Как? — цепляясь за его слова, как утопающий за льдинку.

— Если сделаю тебя вампиршей, то подарю бессмертие.

Улыбка облегчения расцветает на губах, уже готова подставлять шею.

— Но, — все так же спокойно и не менее холодно, — за это ты должна будешь вечность служить мне, как раба. Ибо мое слово станет для тебя смыслом жизни.

Улыбка вянет в муках. Понимаю, что умру я с куда большим удовольствием.

— Нет.

Кивок.

— Я предполагал такой ответ. — Улыбнулся? Чуть заметно, лишь краешком рта. Но ведь улыбнулся? — Что ж, тогда у тебя только один шанс.

— Какой? — смотрю на доедающего колбасу котенка.

— Надо найти того мага, что наложил на тебя заклинание, и заставить его отменить чары. Плюс — вернуть все отнятые годы.

Киваю, весело сузив глаза. Найти эту фею? Да дайте мне только встретиться с ней — она у меня не то что мужиком, она у меня блохой всю жизнь прыгать будет! За такую сказочку.

— Кхм. — Вирх.

Кое-как прихожу в себя, киваю, показывая, что готова слушать до конца.

— Но делать это ты будешь сама. Так как ни я, ни он помогать тебе не станем.

И оба смотрят так, словно только что выбросили на улицу пищащего котенка — с интересом и легкой жалостью.

Вздрагиваю, усилием воли беру себя в руки и еще раз киваю. После чего встаю, протягиваю свою руку охотнику и с чувством жму его. Трясу руку удивленному принцу тьмы, или кто он там? Котенку даю подзатыльник, мстя за колбасу. Всем машу ручкой и, прихватив из плоски еще пару картошин, иду к двери.

Уже на пороге оборачиваюсь, посылаю воздушный поцелуй и широко улыбаюсь, старательно заталкивая ком обиды и слез обратно в грудь.

— Не скучайте, мальчики. И... Хорт, котенок снял и заклинание приворота тоже. Так что не переживай.

После чего выхожу наружу, хлопнув дверью и все еще широко улыбаясь.

В груди — боль, в душе огромная дыра с рваными краями. А в голове крутится одна и та же фраза: «Все мужики — козлы».

Нет, я, конечно, понимала, что надо было дослушать, мне наверняка выставили бы какие-то условия, попросили бы быть хорошей девочкой, чем-нибудь бы подсобили. Но... в душе вдруг проснулся маленький, забитый и униженный жизнью котенок. И при фразе: «Справляйся сама» — понял, что его снова бросают, зашипел и буквально заставил себя встать, плюнуть на все и выйти.

Ведь... давно поняла: если ты в заднице — ждать помощи неоткуда. Друзья исчезают,

враги стараются додавить, а люди превращаются в простых прохожих. Больно, трудно, но факт. Из любого дерьма надо выбираться самой. И ни за что и никогда не просить ни у кого помощи. Иначе платить заставят дорого — и все равно кинут в конце.

Сволочи.

Иду по лесу. Стараюсь не реветь и дышать через раз. Так больно и плохо на душе, что хочется завывать и сдохнуть. Ну почему так? Почему сказка? С чего я вообще взяла, что мое желание исполнят? Эта... фея меня банально надула и теперь смеется над идиоткой где-то в тепле и уюте. А я иду в чужом теле по темному, мокрому после дождя лесу, чувствуя, как за шиворот падают с листьев холодные капли, а где-то далеко воют волки.

Хочется ругаться.

Много чего хочется, а сил нет...

— Марина! — рык.

Меня хватают за руку, разворачивают, прижимают к груди вырывающуюся тушку с зареванным лицом и что-то рычат на ухо.

На плечо перебирается теплое и пушистое, тычась холодным носом в щеку. А за спиной стоит *он* и смотрит, засунув руки в карманы и сжав зубы.

— Вирх?! — продолжая вырываться.

— Тихо!

Замираю. Вся такая послушная и несчастная.

— Я не собираюсь давать своей будущей жене мотаться по лесу в поисках оборотней и прочей нежити. Могла бы и понять, что я просто пытаюсь тебя укоротить, поставить на место. Воспитать, в конце концов!

Он хоть сам понимает, что несет?

Но я киваю и только глубже зарываюсь в грязную куртку, прижимаясь к нему носом и вздрагивая от слез. Неужели, впервые в жизни, меня не бросили в ответ на мое: «Ну и пошли все на фиг!», а догнали, пообещали дать по шее и разобраться с моими же проблемами.

Улыбаюсь и молчу, слушая нотации Вирха, чувствуя дыхание котенка и ощущая, что Хорт... совсем рядом. Стоит и смотрит.

На меня.

Глава 29

Сидим в том же доме. Пью морс, вся довольная и сытая — тискаю кота.

Вирх и Хорт обсуждают, что будем делать, куда пойдем и как поймаем фею. Я уже нарисовала ее «фотопортрет» (по воспоминаниям) — с помощью чар и не без помощи Мурза.

На портрет посмотрели, меня похвалили и отправили спать. Не пошла. Мне тоже интересно.

— Послезавтра будет магический бал в соседнем измерении. — Вирх. Задумчиво. — Можно отправиться туда, наверняка нужная фея на нем будет.

— Я слышал, на таких балах всех, кроме фей, распознает система заклинаний и... сильно меняет облик.

— В кактус, — кивает Вирх.

Фыркаю, демонстрируя пренебрежение к опасностям. Меня игнорируют. Тяжелая задумчивость ребят.

— А что, если накинуть ауру феи на одного из вас, сменить облик и подпитывать оба заклинания отсюда?

Все смотрим на кота. Я как-то и забыла, что он умный и вообще учитель Вирха. Отпускаю вконец затисканного сэнсэя, тот — тут же отползает, приглаживая местами вставшую дыбом шерсть.

— Слишком сложно. Смена внешности и магия ауры... они плохо взаимодействуют.

— А мне внешность менять не нужно! — радостно встречаю.

— Не совсем. — Мурз. — Если скооперировать поля активности так, чтобы разбросать вектора вовне... то можно будет изменить контуры заклинаний так, что они сольются в одно, не конфликтуя друг с другом.

Меня что, никто не слышит?

— Я смогу набросать формулы. Но слияние... — Вирх.

— Я помогу. — Мурз.

— Эй! Я — девушка! Пол менять не надо! И это моя фея, вашу маха!

— Иди спать, — Хорт, устало.

Вирх кивнул, и все трое снова углубились в какие-то формулы и теоремы.

Обиженно встаю и выхожу из комнаты. Но дверью хлопнуть не решилась. Ради меня же стараются... Хотя и жаль, что не имею права голоса. Ну да ладно. День завтра будет сложный, лучше и впрямь поспать.

И неважно, что кровать пыльная и ветхая, что одежду давно пора стирать, а в комнате стоит запах затхлости. Куда важнее, что дождь барабанит по стеклу, две луны сияют на небосводе. А трое друзей обсуждают на кухне план моего спасения.

Как хорошо... что не бросили. А завтра я все равно что-нибудь придумаю, не дав им рисковать без меня.

С этой разумной мыслью я и уснула.

Высокая грудастая девушка задумчиво стоит перед зеркалом и пристально изучает свой бюст.

— Мелковат. — Хорт, щурясь.

— Нормально, — Девушка, хмуря тонкие брови.

— А вы кто? — Я, сонная, стою в дверях с Мурзом под мышкой и с интересом разглядываю новенькую.

— Это Вирх. — Мурз, зевая.

Хмыкаю. Оба вампира прожигают меня презрительными взглядами. Мне тут же становится стыдно. Они тут жизнь спасают, мою, между прочим, а я ржу.

— Вам помочь? Я все-таки девушка и...

— Не надо. — Хорт, продолжая изучать бюст Вирха.

Ничего не могу с собой поделать, колдуется как-то само собой.

И вот уже миниатюрная девушка с миловидным личиком, с огромным бюстом и задом ошарашено смотрит на себя сверкающими глазищами и что-то гневно пищит тоненьким голоском.

— Хм... И впрямь теперь больше на бабу похоже, — усмехнулся охотник, спрыгивая с подоконника и подходя ко мне.

Вместе критически разглядываем брюнетку.

— Так и оставим! — Котенок, уже вырвавшийся из моих рук и сидящий рядом с зеркалом. — А теперь все выйдите, а я наложу заклинание и открою портал.

Киваем, выходим. Задумчиво смотрю на Хорта, вставшего спиной к двери и всем своим видом демонстрирующего: войти мне туда удастся вряд ли. И чего он так волнуется? Хотя... не буду задумываться — не хочу снова нафантазировать себе невесть что.

В комнате, судя по воздуху, который начало резко засасываться под дверь, открывается портал. Отворачиваюсь от охотника, пытаюсь сконцентрироваться и разглядеть то, что находится внутри. Заклинание долго не дается, но я упрямее. На какой-то миг — довольно четко вижу фигуру Вирха, переступающего грань перехода. После чего задерживаю дыхание и резко, на выдохе, меняюсь с ним телами.

Легкое головокружение, стремительное падение. И полурык-полустон в моей голове лучше всяких слов поясняют, что вампир в бешенстве.

А в следующую секунду я уже стою на балконе замка, плывущего среди звезд и

облаков. И слушаю таинственный шепот волшебной музыки, изучая алые глаза взбешенной блондинки напротив.

Вирх? Ты... а ты-то тут как оказался? Еще и в моем теле... принцессы.

— Ты! — рычание.

Когти разрезали воздух и вошли в колонну у моего виска, с жутким скрежетом скользнув по камню.

Слабо улыбаюсь, чувствуя, что в данный момент — разумнее промолчать. Вампир в бешенстве изучает мое лицо, сам не зная, что хочет на нем найти.

— Не мешай, — смотрит в глаза, сжимая руку в кулак.

— Как скажешь, — стараюсь говорить спокойно и тихо.

Бросив на меня последний предупредительный взгляд, Вирх развернулся на шпильках и скрылся за взметнувшейся гардиной.

Облегченно выдыхаю, поправляя платье и осторожно шагнув следом. Он ведь даже не знает, как выглядит та фея. И совсем забыл, что моя маскировка — безупречна.

Свою фею я увидела сразу. Высокая, с седыми, убранными в роскошную прическу волосами и памятным маникюром, она как раз произносит речь перед подругами, стоя на возвышении с бокалом вина.

Осторожно пробираюсь к ней, лавируя между дамами, девочками, старушками и летающими созданиями с легкими стрекозиными крылышками, трепещущими за спиной. Красивые, кстати. Я в детстве в одной книжке видела таких же.

Помост. Подхожу вплотную, краем уха слушая о долгих годах застоя, о проблемах и перебоях с магией... Фея рассказывает один последний анекдот о неудачно омолодившейся ведьме. Несчастная стала младенцем и прочно застряла в пеленочном возрасте. Теперь может только агукать, все при этом понимая. И... ее подобрали снежные люди, сжалившись над ползущим куда-то ребенком, и решили воспитать, как родную. Теперь Габриэл живет в пещере, ест полусырое мясо, сосет лохматую грудь и получает в ухо от старших братьев. Все посмеялись, найдя это забавным. Я тоже улыбнулась, представив на месте Габриэл — мою фею. Причем не у снежных людей, а в моем мире и в семье бомжей. Если выживет — жить будет долго.

Поднимаюсь на первую ступеньку возвышения, глядя вниз, вижу свое зеркальное отражение под ногами. Глаза горят алым, из-под верхней губы видны кончики игольчатых клыков. Гм. Плохо. Нельзя поднимать лицо, пока не приближусь к ней вплотную, но мне еще три ступени надо преодолеть. Три пустые ступени, кстати. Не заметить меня она просто не сможет.

На плечо опускается когтистая ручка. Вздрагиваю и скашиваю глаза чуть вбок. Вирх. Облегченно выдыхаю.

— Я тебе что сказал делать? — Голос раздается прямо в голове.

Едва заметно пожимаю плечами, киваю в сторону оратора.

— Это она.

— Я понял.

— Помощь?..

— Не вздумай. Просто оставайся здесь.

Плечо отпустили, царапнув когтем по шее и отвесив ментальный подзатыльник. В голове зашумело, стало немного больно и обидно. Я же помочь хочу.

Но фигура блондинки уже смазалась, полыхнули алые глаза. И когда фея, подняв бокал, с широкой улыбкой открыла рот, дабы предложить тост, вампир, развернув ее тело, впился клыками в сморщенную шею, сжав руку на худой талии старухи.

Гадость какая.

Все застыли. Поднимаю лицо и почему-то облизываюсь. Женщина дергается, но не может вырваться. В глазах окружающих шок медленно начинает сменяться пониманием.

— Вампир! — Не знаю, кто крикнул первым. Но теперь нужно выбираться, и срочно.

Мысленно зову котенка, прошу открыть портал назад, в домик. Котенок так же мысленно меня посылает и объясняет, что может провести только одного! Прошу вытащить Вирха. Мурз сообщил, что того же требует Вирх — вытащить меня.

Сжимаю зубы, думаю. Феи — разбегаются, в суматохе вынимая палочки и что-то выкрикивая в воздух.

Н-да. А сейчас нас поджарят десятками заклинаний, дорогая. И если ты ничего не придумаешь... Подбегаю к Вирху, удерживающему на руках фею, и отвешиваю ей пощечину.

Вирх хмурится и шипит:

— Что ты делаешь?

— Она нас выведет! — уклоняясь от шаровой молнии и чувствуя, что нервничаю все сильнее.

— Она мертва.

Замираю, переваривая услышанное. Лицо женщины действительно... не слишком живое. Судорожно вспоминаю аналогичный случай с Хортом.

— Тогда заставь ее очнуться!

— С ума сошла?! — ставя щит и не давая чему-то прозрачному и блестящему добраться до моих ног.

— Нет. Она... дашь ей себя укусить, и она станет твоим слугой.

— Зомби-фея-вампир-слуга мне не нужен! — чуть ли не по слогам и явно тоже обдумывая планы отступления.

В голову ничего другого не лезет.

— Поверь мне, — глядя в его глаза и пытаюсь быть максимально убедительной.

Вампир вздохнул, поставил еще три щита и повернул лицо к фее. Пристально смотрит на нее, сузив алые глаза и сжав зубы. Потом что-то зашептал.

Ежусь, глядя на то, как в нас уже несется все что ни попадя. Воздух расцвел вспышками, красками и магией. Некоторые заклинания откровенно пугали, другие — выманивали, третьи — скреблись в барьеры, пытаюсь укусить невидимый край купола и визжа от нетерпения. Хочется прижаться к Вирху и потребовать, чтобы все стало хорошо. Глубоко дышу, сцепив руки и закрыв глаза.

Это нереально, так не бывает. Все хорошо.

— Готово.

Поворачиваюсь и смотрю на стоящую рядом с блондинкой фею. Рот и шея — в крови. На ладони Вирха заметен свежий укус.

— Я нарекаю тебя Лиран. Служи мне верно, — глядя на нее в упор.

Фея медленно кивнула.

— Открой портал в мир, из которого я только что явилась. На троих, — влезаю я, чувствуя, как все сильнее сужаются стены щитов.

На меня смотрят пустыми, без признаков мысли, глазами.

— Быстро! — У меня почти истерика.

Вирх кивает, подтверждая приказ. Фея поднимает руку с кольцом и что-то произносит. В воздухе — с шипением разрывается грань портала. Вокруг заорали, посыпались угрозы и проклятия. Вирх, не разбираясь, схватил меня и первой забросил внутрь, смыкая грани портала за своей спиной.

Фея проскочить, кажется, не успела.

— Я убью ее! — Хорт.

— Я сам. — Вирх. Мрачно.

— А давайте превратим ее в крыску?

Задумчивое молчание.

Сижу, молчу, ежусь.

— Лучше в растение. — Охотник зловеще улыбнулся. — Хоть говорить не будет.

— Я с ней еще и помолвлен, — сидя на кровати и опустив голову на руки.

Фыркаю. Меня игнорируют.

— Поздравляю с редким геморроем на всю вечность, — ядовито.

— Подарить? — глядя в упор.

— Геморрой?

— Ее.

— Одно и то же. — Мурз.

Открываю рот, возмущенно набирая в грудь воздух. Но меня снова игнорируют.

— И ведь что ни скажешь — все делает наперекос. Везде лезет, все рушит... — откидываясь назад и заводя руки за спину.

— Ну пока она не появилась, я вообще живым был.

— Тебе еще повезло. — Улыбка на тонких губах. — А теперь представь, что она могла бы сидеть в твоей голове месяцами, управляя телом и колдуя как придется.

Хорт взъерошил волосы и сел рядом, вздохнув и хлопнув вампира по плечу:

— Сочувствую, брат.

У меня дернулось веко. Я забыла, что хотела сказать. Брат?! С каких пор?

— А давайте ее превратим в лошадку?! — продолжал вдохновлять всех Мурз, сидя на подоконнике и прилизывая языком стоящую дыбом шерсть. Пока нас не было — эти двое держали заклинания и связь, направляя и принимая нас на выходе. Мягко говоря, это было тяжело. А если честно — Мурз совершил почти невозможное.

Головы парней повернулись, на меня оценивающе посмотрели. Делаю неприличный жест — ну когда средний палец и рука до локтя, — хорошо известный всем.

— Думаешь, поможет? — Охотник.

— Будет не болтать, а ржать. — Вирх. Задумчиво.

— И никуда больше не будет влезать. — Кот.

— Да я!..

— А еще лучше — в кактус, — улыбнулся охотник, — Будет колоться и молчать...

Но тут в комнате грохнуло, резко сгустился мрак. А когда туман рассеялся и все откашлялись, на полу лежала та самая фея и тихо стонала.

— Ну вот, — в полной тишине обрадовалась я, — а вы говорили...

Хорт только вздохнул, вставая и глядя на поднимающуюся женщину.

Я сижу на кровати, глядя на застывшую в центре комнаты фею. Вирх стоит у окна, Хорт — у двери, на всякий случай перекрыв все возможные пути бегства.

— Мурз, — тихо начала я, не отрывая от нее взгляд, — поменяй нас с Вирхом обратно телами.

Мурз кивнул, что-то прошипел, и вот уже я стою у окна, а Вирх сидит на подушке, самостоятельно меняя женское тело обратно в свой мужской вариант. И если я хоть что-то понимаю в вампирах, теперь фея подчиняется моим приказам, так как попробовала крови этого тела.

— Скажи, что за чары ты наложила на меня? — смотрю на женщину в упор, ожидая почти любой реакции.

— Запрета, — спокойно.

Хмурюсь, кивая и стараясь не смотреть на ребят. Запрета, ага...

— А почему поместила в тело вампира?

— Мне нужен был безграничный источник бессмертия. Очень жаль, что ты поменяла его тело на это.

— Почему? — уже догадываясь, что мне ответят.

— Оно смертно.

Отворачиваюсь, смотрю в окно и пытаюсь сообразить, что бы еще такого умного спросить. Главное — не нервничать.

— Как снять чары? — Хорт. От двери.

— Никак.

Гм.

— А если убить тебя еще раз? — Вирх. Со спокойным интересом и красными отблесками в глазах.

— Не поможет. — На лице женщины появляется самодовольная улыбка. — Я разделила это заклинание между всеми ведьмами шабаша. Думала, девчонка все еще в теле вампира. Но, увы... еще одно колдовство ее просто убьет. Ведь при этом жизнь из хрупкого тельца вытянут сразу сорок две ведьмы.

— А я думала, что ты — фея, — глухо. Я в курсе, что несу бред. Но сказка только что закончилась, а реальность, как всегда, накрыла помоями с головой.

— Значит, если она не будет колдовать, то будет жить? — Хорт.

— Нет. Колдовство ускоряет процесс отдачи жизненных сил. Но и без него феи понемногу выкачивают жизнь. И жить ей осталось... месяц. А впрочем, — смотрит на вампира и откровенно ухмыляется, — если сделаешь ее своей вампиршей — будет жить вечно. Как и все мы.

— Ты уже жить не будешь точно, — встрял Мурз.

Улыбка на лице старухи подувала. Она вспомнила, что с некоторых пор сама является чем-то вроде трупа. Зато бессмертие заполучила, зараза.

— Иди сюда, — Вирх поманил меня, отходя от окна.

Вопросительно поднимаю бровь, все еще приходя в себя.

— Укушу, — сообщил он, улыбаясь.

— Гм. Да мне и так неплохо, — делая шаг назад и мысленно уже представляя, как после укуса становлюсь его рабой, женой и бесплатным омолаживающим средством для полусотни фей в придачу.

Громкий хохот мертвой ведьмы неплохо врезает по нервам.

— Заткни ее! — Вирх бросил взгляд на охотника.

Тот кивнул и подошел к тетке, крепко зажав пасть рукой. Хохот оборвался. Вирх все еще приближается ко мне: осторожно и медленно. Следя за тем, как я отступаю назад.

— А... я слышала, что без согласия жертвы в вампира обратить нельзя, — нервно.

— Да. Но если жертву сначала укусить, а после — убить...

— О-о-о...

Беспомощно смотрю на Мурза. Вылизывается, зараза.

Вампир подходит вплотную, руки скользнули по талии, прижав меня к себе, дыхание щекочет шею.

— В-вирх. — испуганно. Глядя на него широко открытыми от страха глазами.

— Не бойся, — медленно склоняясь ниже и проводя по коже кончиком носа. По телу прошла волна дрожи, мне почему-то не хватало воздуха. — Это будет... приятно.

Я сжала его плечи, зажмурившись. И резко, на выдохе, поменялась телами с Мурзом.

Сижу, во рту — хвост. Смотрю, как выпучившую глаза девушку кусает вампир и слизывает капли ее крови.

— Сладко, — улыбается вампир.

— Мяу, — прошептала девушка, ошарашено глядя на меня.

Вампир отстраняется, смотрит в психически невменяемое лицо и... страстно впивается в губы, скользнув языком в приоткрытый рот и осторожно прижимая ее к себе.

Меня трясет, хрюкая на подоконнике, представляя эмоции вырывающегося Мурза.

Но тут Вирх что-то почувствовал, нахмурился и отстранился.

— Марина?

— Какая, на хрен, Марина? Это я! Му-урз!!!

Вампир вздрагивает, отпускает девушку и поворачивается ко мне. Улыбаюсь, машу лапкой, пытаюсь вытянуть губки бантиком. Хорт кашляет в кулак, сидя на кровати и глядя в пол.

— Укуси меня! — капризно мяукаю я, выгибая спинку.

Рычание Вирха проходит по нервам и внутренностям. Вампир явно в бешенстве. Кот ошарашено разглядывает свое новое тело, приподняв юбку и изучая колени.

— Хвоста нет, — убито, Мурз.

Вирх выругался, подошел и сграбастал меня на руки. Смотрит зло, но я зачем-то встаю на задние лапки и осторожно трюсь носом о его щеку.

Вампир угрюмо меня изучает. Удивленно чувствую, как длинные тонкие пальцы осторожно скользнули по спинке, даря невообразимое удовольствие. Из груди вырвалось что-то низкое и вибрирующее. Хм... я теперь еще и мурчать умею?

— Кхм, кхм. Не хочу никого отвлекать. — Жмурюсь от осторожного почесывания за ушком. — Но вам не кажется, что Марина, совершив колдовство и переместив меня в свое тело... должна быть уже некоторым образом мертва? — влез Мурз, отвлекшись от изучения своих рук.

Вздрагиваю и пытаюсь сосредоточиться. Все смотрим на ведьму.

— Поцелуй первой любви разрушил колдовство, — мрачно процедила она, сплюнув на пол.

Переводим взгляд на красного как рак Мурза.

— Кхм, — угрюмо. — Понимаю, что сейчас сморожу глупость. Но... Вирх. Так я что, твоя первая любовь, получается? Тронут.

Вирх в упор смотрит на девушку, хмуря брови и удерживая меня на руках.

— Но ты ведь понимаешь, — упрямо глядя в алые глаза, — что я не смогу быть с тобой! Я ведь сам мужик в каком-то смысле. Да еще и животное... Если ты понимаешь, о чем я.

Вампир хмуро повернулся к ведьме.

— Объясни еще раз, — напряженно.

— Ты думал, что целуешь Марину, — это сняло чары, — пожала та плечами.

Облегченный выдох обоих.

— А то я как представляю, что бы он со мной сделал в этом теле, — пожаловался кот Хорту.

Я явственно услышала скрежет зубов. Но только зевнула, вспоминая, как мало спала. Так что, свернувшись клубочком, я устало сомкнула веки, чувствуя, как пушистый хвост укрыл лапки.

Вампир отвлекся от девушки и посмотрел на котенка. Минуту или две — просто разглядывал, продолжая стоять. А потом подошел к кровати, осторожно перекладывая зверька на подушку.

— Но он целовал ее и раньше. — Хорт, тихо.

— Значит, тогда он еще не был влюблен, — пожала плечами фея.

Очнулась я ближе к полудню. Сонно зевнула, мяукнула и встала, выгибая спинку и выпуская коготки из подушечек лап. Вампир лежал рядом. Волосы — в творческом беспорядке, рубашка расстегнута, а длинные черные ресницы чуть подрагивают, касаясь белой кожи лица.

Красивый, спокойный и надежный. И ведь и вправду любит. Даже во сне не отпустил, и теперь я сижу на груди в кольце его сильных рук.

Осторожно переступив через руку, подхожу к лицу и разглядываю.

Идеальная кожа, тонкий длинный нос и высокие скулы. Нет, я помню, что люблю Хорта, просто... Вирх очень красив, и отрицать это было бы глупо. Плюс так заботится обо мне непутевой. Мне вдруг стало очень стыдно за свое недавнее поведение. Ради меня стараются, терпят и вытаскивают из неприятностей, а я... только их добавляю.

Вздыхаю и в порыве благодарности осторожно провожу розовым язычком по кончику его носа. После чего удивленно смотрю в открывшиеся черные, как ночь, глаза. Замираю и делаю шаг назад, спотыкаясь и падая на спину. Впрочем, тут же вскочив.

— Ты не спал?!

— Спал.

— Но... но ты... это просто...

Он положил руку мне на спину, осторожно пододвинул упирающегося котенка к себе и мягко, нежно поцеловал в мокрый розовый нос.

И, судя по рухнувшему в живот и судорожно заколотившемуся сердечку, это был самый романтичный поцелуй за всю мою жизнь.

На кухню я гордо въехала на его руках. Дождалась! Меня таскают на шее, плече или в объятиях и не намекают на признаки лишнего веса. Какое счастье.

Посадив меня на стол, Вирх придвинул плошку с молоком и положил рядом куриное крылышко. Мурз (в виде девушки) валялся здесь же, на лавке, с распухшим животом и устремленным в потолок грустным взглядом.

— Люди — несовершенные создания, — с болью сообщил он, пока я отщипывала кусочки дичи, осторожно лакая холодное молоко, — Пока наешься — сдохнешь.

— Где фея? — Вирх.

Хорт ткнул пальцем в угол. Вампириша как раз смотрела на шею Мурза и облизывала тонким языком нервные губы.

— Есть хочет, — нахмурился Хорт.

— Обойдется. — Мурз.

— Молоко вкусное, — лишь бы тоже что-нибудь сказать.

На меня не обратили внимания.

— Надо как-то поменять вас телами обратно. — Охотник задумчиво смотрел на Вирха.

— А зачем? — Я.

— А ты хочешь остаться в этом теле? — удивленно.

— Ну... — вспоминая, как может быть приятно, когда тебе чешут за ушком, гладят спинку и таскают на руках, — да.

Мурз сел и хмуро на меня уставился.

— Марина! Так нельзя! А замуж?

Довод убил.

— Остаюсь котенком, — мрачно.

Фея хмыкнула в углу.

— Что тут смешного? — Мурз, ошарашенный перспективой и дальше бегать в образе человека.

— А она больше не может колдовать, — хихикнула фея. — Так что и поменяться вы не смо...

Здоровенная сковородка взмыла в воздух и с длинным тоскливым гулом врезалась в противное лицо. Все почему-то посмотрели на меня.

— Врет она все, — смущенно. — Все я умею.

— Интересно, а я умею? — заволновался Мурз. И в кашляющую фею врезалась вторая сковородка. Послышался грохот упавшего тела.

— Ура! — радостно.

Хорт хмыкнул.

— Так, ладно, с волшебством разберемся позже. — Вирх. — А сейчас надо решить, что делать с этой, а затем отправляться в город.

Севшая женщина замерла, настороженно глядя на нас и не ожидая ничего хорошего.

— Предлагаю ее сжечь — надежно, да и не воскреснет больше, — задумчиво, кот.

Фея вздрогнула, что-то шепнула, и ее фигура вспыхнула, окутываясь туманом... А через секунду перед нами сидела миниатюрная белая кошка повышенной пушистости и с длинным шикарным хвостом. Тихое «мяу» заставило Мурза вздрогнуть, а меня — свеситься со стола.

Мурз сел (села?), глядя на кошку расширенными глазами.

— Марин, а можно, я заклинание повиновения на себя перекину? — Напряженно.

Смотрю на девушку, неуверенно киваю.

Широкая улыбка садиста пугает всех.

— Иди сюда, — протягивают к пятящейся кошке руки. — Не обижу... наверное.

У кошки дергается глаз и ухо. Вспышка, туман. И вот уже перед нами — небольшая белая птичка, с клювиком и тонкими лапками.

Мурз обиженно нахмурилась и легла обратно на лавку. Не знаю, кто как, а я вздохнула с облегчением.

— Так как... мне можно остаться с вами? — жалобно. Но продолжая при этом коситься на Мурза.

— Верни меня обратно в мое тело, и можешь оставаться, — махнула я лапкой в полной тишине.

Птичка довольно что-то прочирикала, взлетев под потолок, а еще через секунду — в глазах помутилось, меня сильно мотнуло, и я очнулась на лавке, а перед глазами застыл покрытый паутиной потолок.

Со стола тихо мякнули. Белая птичка села на балку и вопросительно на меня посмотрела.

Задумчиво кошусь на наяривающего молоко кота, прислушиваясь к бульканью в собственном желудке.

— Мурз.

— А? — не отвлекаясь от плошки.

— А что ты ел?

— Ну... — Мокрая мордочка приподнялась, глаза ностальгически поднялись к потолку. — Кажется, селедку с молочком и сметанкой.

В животе булькнуло совсем уж зловеще.

— Да?

— Ну... может, еще салатику добавил. И плюшек. И картошечки... И...

Я встала и осторожно пошла к выходу. Кота придушу позже.

— Тебе помочь? — с потолка.

— Не надо, — угрюмо. Мечтая лишь о том, чтобы успеть вовремя...

Глава 30

Иду по лесу. Шестой час подряд. На руках спит Мурз, на плече сидит Лиран, мужчины идут впереди, закинув за спину мешки с взятой из избушки провизией.

Небо заволкло тучами, ветер гнет верхушки деревьев, бросая на землю пригоршни оставшейся с ночи влаги. Заставляя ежиться и плотнее кутаться в куртку.

— Хорт, а до города еще далеко?

— Три дня быстрым шагом, — не оборачиваясь.

Спотыкаюсь о корень, чуть не растянувшись в грязи, тихо ругаюсь. Котенок что-то муркнул и укусил за палец, не просыпаясь.

— А... когда привал?

— Ночью.

Оглядываюсь по сторонам. Темно.

— А сейчас что?

— Следующей...

Торможу, хмурясь и сжимая в руках кота. Мурз укусил сильнее, судорожно просыпаясь.

— Но я устала.

Ребята остановились и обернулись, внимательно на меня глядя. Мне почему-то стало стыдно.

— Не понимаю, — Вирх, хмуро, — я же укусил это тело, так почему ты еще не обратилась?

Пожимаю плечами и сажусь на ближайшее бревно, вытянув гудящие ноги. Вирх подходит, берет за руку и упрямо ставит на ноги, после чего шагает дальше, так и не выпустив когтистые пальцы. Вздыхаю, устало переставляя конечности.

А на небе уже светит луна.

— Мурз, — тихим шепотом, на ухо.

— А? — сонно.

— А зачем нам в город?

— Ну... если хочешь — оставайся в лесу.

— Не хочу.

— Хрм...

— И почему так спешим?

— Отстань, — недовольно. — Я спать хочу.

А я не хочу?

— Мурз!

Недовольное сопение и два желтых глаза, разглядывающих меня в упор.

— Они так спешат, чтобы успеть ко дню всех планет, тогда можно будет открыть проход в мир Вирха. — Довольная птичка устало села мне на макушку, тут же окапываясь в шевелюре. — Тут совы летают, я пока с тобой побуду?

Вдали и впрямь что-то ухнуло. Задумчиво так, грустно.

Внимательно смотрю на кота:

— Это правда?

— Правда, — хмуро. — Вирх хочет домой, довольна?

— Ну... а при чем тут я?

— Тебя возьмут за компанию, выдадут замуж за принца ночи, и будешь жить вечно и счастливо. Чем плохо? — напряженно.

— Я Хорта люблю.

— Дался тебе этот Хорт! Просто он первый в этом мире, кто тебя спас, и первый же, кто послал. Вот ты и вцепилась в него, как мышь в сыр. Не любишь ты его, понимаешь? Не лю-бишь.

— Люблю, — угрюмо.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Да!

Парни вновь начали на нас поглядывать, не понимая, в чем проблема. Я прикусила язык, чувствуя, что краснею.

— Так. Ладно. Тогда докажи.

Едва не споткнулась.

— Как?

— Ну-у... есть у меня одно заклинание. Как раз для таких случаев... Если рискнешь, конечно.

— Какое?

— Все просто. Я тебя заколдую, и первое же слово, которое ты потом скажешь, будет указывать на любовь всей твоей жизни. Даже если ты еще с ней и не встретишься.

— А если я скажу... ну там сковородка, или вампир, или...

— Попробуешь? — хитро.

— Давай! — азартно.

Кот перелез ко мне в капюшон, заинтересованно покосился на отползающую по макушке от него птичку и начал что-то шептать, размахивая лапками и сверкая глазами.

Напряженно жду, стараясь не сильно нервничать и стискивая кулаки.

— Готово! Говори.

Открываю рот, смотрю на Хорта и... молчу. Силюсь произнести его имя и упорно

молчу. Недовольно перевожу взгляд на Вирха. Показываю язык, его имя я даже пытаюсь произнести не хочу.

— Ты чего застряла? — недовольно. — Скажи хоть что-нибудь.

— ... — Не получается! Я онемела? Бли-ин.

— Гм... тяжело. Ладно, если что — я тут. Сплю, так сказать.

Шарю рукой в капюшоне, вытаскиваю Мурза за шкурку, подвешивая перед носом и требовательно глядя в глаза. Кот не менее хмуро смотрит на меня.

— Колдовство сработало, не волнуйся — скоро заговоришь. А теперь положи меня на место и дай поспать. А то я нервничаю.

Пришлось засунуть кота обратно в капюшон и дальше идти молча.

Н-да-а.

Рассвет. Ноги гудят, практически вишу на охотнике, чуть не падая от усталости. Потом меня, кажется, взяли на руки. И я уснула, уткнувшись в чью-то шею и сонно улыбаясь оттого, что больше не надо двигаться.

Очнуться удалось только к вечеру. Все тело затекло. Меня все еще несли, крепко удерживая на руках.

Открыв глаза и подняв сонное лицо, я зевнула, потерла веки, улыбнулась и тихо сказала:

— Вирх, не уста?..

После чего уже с выпученными глазами и все еще открытым ртом застыла на его руках.

В капюшоне ржал счастливый котенок, а на нас косился идущий неподалеку Хорт.

... *(Вырезано цензурой.)*

Мама, роди меня обратно...

У меня депрессия. Смотрю на Хорта и депрессию. Любовь всей моей жизни как раз слушает из уст котенка рассказ о том, как сильно его не любят. Косится на меня и хмурится. Я не поняла — это хорошо? Или плохо...

Особенно тяжело видеть задумчиво-оценивающий взгляд Вирха. Он так смотрит с тех пор, как услышал первую и самую правдивую версию рассказа.

— А я ей говорю: «Да не любишь ты его!» — убедительно, на повышенных тонах.

— Хм.

— А она мне: «Каждую ночь во сне его целую... всюду», — со значением.

Оба мужчины смотрят на меня. Причем я иду позади, а они продолжают идти вперед. Показываю средний палец — ничего умнее как-то не придумывается.

— И тут я понял! — Трагическая пауза. Морщусь. — Надо же ее спасти! Ну и наваял магию правды и искренности. Кто, говорю, твой идеал?! — Оба смотрят на Вирха. Я тоже на него оценивающе взглянула, — Молчит! А я ей снова: открой рот, дева, и поведай мне имя его! И тут она как заорет: «Не могу-у-у!» И вижу... любовь горит в теле, руки трясутся, слюна капает! — Все почему-то снова смотрят на меня. Мечтаю заполучить Мурза хоть на минутку. — Глаза сами собой вращаются в разные стороны, а ее трясет и колошматит от чувств.

Громко, во весь голос ржу. Мой хохот сиротливо разносится среди деревьев. Затыкаюсь, сжимая зубы.

— Ну короче, остальное вы знаете. — Зевая. — Так что, хозяин, женитесь хоть сию же секунду.

Парни ничего не ответили, продолжая идти дальше. Я же угрюмо подумала, что снова влипла по уши. А еще — что Хорт больше ни за что меня к себе не подпустит.

Привал. Обожаю это слово. В последнее время падаю там, где его услышу. Блаженно закрыв глаза, вытягиваю гудящие ноги. Чем не повод для счастья?

— Марина! — от реки, журчащей неподалеку.

— Ммм?

Сил поднять голову — никаких, так и валяюсь на корнях какого-то дерева.

— Нужны дрова. Вирх пойдет на охоту, а я буду готовить. Давай быстрее.

— Гм...

Поднимаю вверх указательный палец и колдую нам вязанку дров. Что-то глухо стукнуло, и все стихло.

— Ну как? — Лежу все в той же позе, довольно щурясь.

Тишина.

— Хорт?

Молчание.

— Ты дрова получил?

Неужели вставать придется?

— Хорт!

— Не кричи, — спокойно. — Сейчас я его достану.

Голос Вирха узнала сразу. Кое-как сажусь, оглядываясь по сторонам, и вижу неплохую гору дров, сваленных у воды. Из-под них виднеется сапог охотника, за который вампир в данный момент и тянет, стараясь действовать аккуратно.

Вскакиваю и бегу ему на помощь.

Хорт разводит огонь, держа зажженную бересту под внушительным нагромождением дров.

— Помочь? — неуверенно.

— Я сам, — осторожно раздувая пламя под немного сырыми ветками. Береста, которую он туда сунул, вот-вот должна была потухнуть.

— Ну... как хочешь.

Хорт кивнул и дунул еще раз.

Взвившийся ввысь столб пятиметрового пламени меня потряс. Черное лицо выпрямившегося охотника с еще тлеющими бровями — добило.

— Ма-а-рина, — тихо. С реальной угрозой.

А на моих коленях кашлял в лапку страшно довольный Мурз, тоже умеющий неплохо колдовать. Зар-раза.

Вернулся Вирх, сел рядом со мной и кинул охотнику какую-то птицу. После чего обнял меня за плечо и притянул к груди. Пытаюсь отодвинуться, чувствуя, как свело от напряжения мышцы спины.

— Успокойся, — тихо. Глядя при этом на костер.

Неохотно киваю и откидываюсь на его грудь, наблюдая за тем, как Мурз лезет к Хорту с советами по правильной разделке дичи (с точки зрения магии). В итоге птица со страшным звуком лысеет и выплевывает потроха через горло, извиваясь в руках охотника. Полное ощущение, что труп — жив. Завороженно наблюдаю, прислушиваясь к ругани ребят.

А губы вампира уже скользят по шее, плечу... что отвлекает и нервирует.

— Вирх.

— Мм? — не отрываясь от моей кожи.

— Ты... пусти.

— Зачем? — отрываясь от плеча и поднимая голову.

— Я... не люблю тебя, — растерянно. — Не знаю, что там котенок намагичил со своим заклятием, но...

— Но? — хмуро.

— Но я люблю его. — Хорт как раз с рычанием бил тушкой по земле, пытаюсь ее успокоить и посылая в задницу весь процесс магической подготовки разом. И нас заодно.

— Марина, прекрати играть в ребенка. Я — чистокровный вампир, из королевского рода. И я выбрал тебя в свои жены, потому что полюбил, — спокойно. Касаясь носом моей

щеки.

Мне стало совсем плохо. Меня уже трясло, и очень хотелось оказаться как можно дальше от этого завоораживающе-стального голоса, рук, сжимающих так крепко, и дыхания, обжигающего шею.

— Ты... не совсем понимаешь.

— Хорошо. — Руки убрали, и я тут же отпрыгнула, словно от ядовитой, приготовившейся к атаке гадюки. — Делай что хочешь.

И на этом разговор был окончен. Больше вампир не проронил за весь вечер ни единого слова.

Хорт же приготовил замечательное мясо, которое мы и съели при свете двух лун и звезд.

— Марина, ты с ума сошла. Принц мертвых предлагает тебе руку и сердце, а ты нос воротишь. — Мурз лежит на моих руках, изредка икая и глядя на облака. Переел.

— Но я так не могу. Мало ли что я тогда брякнула? Я не люблю его.

Котенок только отмахнулся.

Смотрю на собирающего палатку Хорта и сжимаю зубы. Ну вот за что мне это? Парень моей мечты буквально в двух шагах. И ведь тоже смотрит на меня голодными глазами... Наверное, крови хочет, зараза. Давненько я его не кормила.

— Послушай, а есть еще какой-нибудь выход?

— В смысле?

— Ну ведь могло заклинание ошибиться? — растерянно.

— Нет.

Я приуныла.

— Мурзик, лапонька, куколка...

Мурз перестал вылизывать лапу и удивленно на меня взглянул.

— А давай сделаем так, что я пере влюблюсь? Есть же магия, ну там...

— Ты себя сама слышишь?

Гм. Действительно. Хорт крикнул, чтобы мы шли спать. Мурз довольно спрыгнул на землю, больше не заморачиваясь моими страданиями. Я же осталась сидеть на коряге, оценивая смутные перспективы скорого брака и понимая, что все будет только так и не иначе. В конце концов, ну какие у меня альтернативы? Всю жизнь бегать бомжем по деревьям и весям, охотясь на монстров, отбиваясь от мужиков и презирая юбки? Или же выйти замуж, взойти на престол и вечно бить баклуши и ни фига не делать...

Второе соблазняло. Но... я и правда не любила Вирха. Хорта — да. Он был... родным. Своим, что ли. А Вирх... слишком плохо я его еще знала.

— Ты идешь? — Мурз. Из палатки. — Тут Вирх ягод принес. Вкусные!

Сверху мрачно чирикнули. Фея давно наблюдала за нашей компанией, но пока не решалась еще разок напомнить о себе.

Хмурю лоб, сжимая зубы. Но ведь должен же быть еще какой-то выход. Хоть какой-нибудь. Ну не хочу я замуж за Вирха. И Хорт на мне не женится тоже. Что же делать?

Колдовать...

И я колдовала. Всю ночь. Не обращая внимания на храп Мурза и пристальный взгляд оставшегося дежурить Вирха.

Принц молчал. А я ворожила наугад, не зная, получится ли хоть что-нибудь. А если да — то что?

Так и уснула сидя, подтянув к груди колени и так толком и не поняв, что наделала.

Глава 31

Проснулась оттого, что тормозили за плечо. Обнимаю корягу, уткнувшись носом в мох и морщась от головной боли. Свет путается в ресницах, заставляя щуриться и

вглядываться в склонившуюся надо мной мордочку Мурза.

— Марину не *видело*?

— А?

— Девушка тут была, — хмуро. — Не пробегала?

— Ну-у... мне бы умыться.

— Речка там, — лапой ткнули куда-то вбок.

Встаю и иду к воде, недоумевая, на кого теперь похожа.

Да-а-а... это, конечно... да-а. Я теперь, кажется, леший. Ибо вся в траве, поганках, ветках, ягодах и еще чем-то.

— Так *видело* или нет? — из-за спины. Хмуро.

— *Видело*, — растерянно.

— Где?

— Там, — тыча куда-то наугад.

Все тут же ушли. Я же села у воды и задумалась. А обратно как?

Через час народ вернулся, потребовав уточнений. Меня попросили проводить лично. Пришлось оторваться от созерцания мохнатого ужаса и куда-то идти, все еще пребывая в прострации.

— Быстрее. Если вовремя не догоним, она обязательно во что-нибудь влипнет, — переживал Мурз, подпрыгивая на руках Хорта.

— Ага, — флегматично. На Мурза даже не смотрю.

За задницу дернули. Резко разворачиваюсь, заносю кулак для удара. Вирх вовремя отпрыгнул вместе с оторванной брусничкой. Хорт хмыкнул и пошел дальше. Тяжело шагаю следом, не очень понимая: зачем я им вообще *нужно*.

— А что за дева-то? — решила я вылезти из прострации.

— Моя невеста.

— Да? Ну-у... поздравляю. Любит небось? — оглядываясь.

— Безумно. — Мурз.

— Да?

— Да.

Помолчали.

— Недавно в любви призналась. — Хорт, хмурясь.

— И... как?

— Что «как»?

— Как призналась?

— Магически. — Мурз. — Слушай, ты не отвлекайся. Где Марина? Нам ее до утра искать несподручно. В город срочно надо.

Вздыхаю, чешу затылок и иду дальше. Надо так надо. Я тут... хоть до следующего года ходить могу.

Сидим в чаще. Все смотрят на меня. Вирх достал кинжалы и мягко спрашивает: а точно ли я хочу им помочь? Киваю, пытаюсь срочно что-то сообразить и торопливо рассказывая о пару сотен метров назад пройденной кучке...

— Ммм, в общем, не хотел никого расстраивать... но деву съели волки.

Тишина. У Мурза отвисла челюсть.

А потом мне врезали в ухо, добавив коленом в живот и приставив нож к горлу. Стою, прижавшись спиной к дереву, и шиплю от боли.

— Еще одна такая шутка, и останешься без головы. — Голос замораживает, глаза Вирха полыхают алым. Понимаю: действительно зарежет.

Кашляю, шепчу, что *пошутило*. Кинжал медленно убирают.

Хорт сидит неподалеку и смотрит спокойно и оценивающе. Я и забыла, что с этими

ребятами шутить не стоит — прибьют.

— Зачем она тебе? — садясь и придерживая рукой ноющий живот. — Найдешь другую невесту. Ну убежала, да и хрен с ней.

Вампир на меня посмотрел. Захотелось оказаться как можно дальше отсюда и больше никогда не встречаться с обладателем таких глаз.

— Вставай, — спокойно.

И я встала. Потому что все еще хотела жить.

Ищем меня. Третий час. Смеркается.

Мурз запустил пару поисковых заклятий, но они, естественно, тут же прицепились ко мне. Все решили, что я своей магией все порчу, и пообещали дать по шее.

Кошусь на Хорта. Бледный, спокойный, молчит. Все время молчит. Вирх тоже неразговорчив и клинки в ножны так и не убрал — оглядывается по сторонам, прислушиваясь и хмурясь.

Я же стараюсь привлекать как можно меньше внимания, отвлекая их от того очевидного факта, что здесь мы уже проходили. Да еще и не раз.

— Марина!

Я вздрогнула и остановилась. Крик Вирха заставил птиц рвануть с ветвей, плюнув на устройство на ночлег.

Естественно, ему никто не ответил. А вот у меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

— Мы найдем ее. — Мурз, сидя на руках охотника, успокаивающе кивает Вирху.

Ветер пронесся в ветвях, заглушая еще далекие раскаты грома. Звери попрятались в норах, предчувствуя дождь. Но эти трое — упорно идут вслед за мной, веря, что я знаю, где их Марина. Поразительно.

Когда взошла луна, парни остановились, и Мурз прицепил на меня заклинание правды, приказав отвечать на вопросы хозяина. Смотрю на Вирха и неуверенно киваю, пока Хорт стоит за спиной, контролируя, чтоб не сбежала.

— Итак. — Котенок забрался на старый трухлявый пенёк и нахмурился. — Ты *видело* Марину?

— Да.

Довольный блеск золотистых глаз. Парни молчат.

— Она далеко?

— Нет.

— Когда мы сможем ее догнать?

Что бы такого ответить, чтоб не прибили? Правду говорить не хотелось страшно: свяжут, воткнут в рот кляп и отомстят. Или и того хуже: превратят в лошадь и верхом поедут...

— Не скоро.

— Почему? — удивленно.

— Да хитрит девка. — Я, туманно.

— Она так хочет сбежать от меня? — вмешался Вирх. И уже по тону понимаю, что в глаза ему смотреть мне будет ох как тяжело.

Киваю. Вампир замолкает. Неужели... ему так больно? Да нет, глупо. Мы с ним знакомы-то всего ничего, а принцессу он себе и получше найдет.

— И что нам нужно сделать, чтобы мы смогли ее догнать? — Мурз. Смотрит пристально и осторожно подбирает слова.

Смутно начинаю подозревать, что кот если еще и не догадался, то уже на полпути к разгадке точно.

— Гхм... ну... ты должен или отказаться от свадьбы, или...

— Или? — вкрадчиво.

— Или... доказать ей свою любовь. Ну раз и навсегда, значицца.

— Н-да? И как это сделать? — Кот спрыгивает с пенька и идет ко мне.

А мне — плохо, неудобно, да еще и в голове крутятся идеи одна хуже другой:

1) Отказаться от трона, королевства, власти и жить со мной в ма-аленькой деревушке, сажая горох и бобы. (*Я первая не выдержу!*)

2) Пройти обряд крещения, исповедоваться попу после.

3) Загрузить смерть в яйцо и засунуть его в зайца. (*Это из другой сказки, здесь юмора не поймут.*)

4) Снести золотое яичко...

5) Достать с неба звезду, да побольше.

Все не то! Что же сказать? Смотрю на серьезные мины ребят. Блин, и сдалась я им?

— Я отвечу. Но сначала честно ответьте вы мне на вопрос. Зачем она вам так сильно нужна?

— Какая тебе разница? — удивился Мурз.

— Ну... еще никогда не *видело*, чтоб за бабами так бегали. Ну сбегла и сбегла. Радуйтесь. Так ведь нет...

— Ты меня достал. — Вирх, вставая. — Или ты сейчас нам скажешь, как вернуть Марину, или заживо сдеру шкуру.

Киваю, морщась, и поспешно объясняю:

— На ней заклятие... эмм... невидимости. Так что увидеть ее нельзя. Но если выполните то, что я скажу, — девушка вернется.

— Что надо сделать? — Хорт уже стоит рядом с Вирхом. Кота оставили на земле.

— Добраться до города, явиться в святилище и выполнить первое же повеление служителя. А до тех пор...

— Марин, хорош придуриваться, — тихо, перебивая вдохновенный диалог. — Все служители частенько матерятся при виде вампиров — не толкай народ к разврату.

Застываю, кошусь на Мурза. Пытаюсь осторожно отползти вбок. Кот идет следом, обнюхивая мои ноги и тихо мурлыча.

— Хозяин, ты не поверишь, но это — она.

Стараюсь не смотреть на их лица.

— А я-то все переживал, — радостно, — каково хрена мои поисковики на лешего натываются? А ну... — После чего был произнесен какой-то бред. Листья, грибы и прочее — осыпались на землю. А я, грязная и облепленная зеленью, осталась сидеть перед потрясенной публикой. Котенок потыкал меня лапкой, довольно кивнул и отошел.

Вирх сжал кулаки. Жажмуриваюсь, стараюсь убедить себя, что я — храбрая.

Принц прошел мимо меня к дереву и врезал по стволу кулаком так, что древесина вмялась внутрь. Выругавшись, подошел ко мне, протягивая разбитые в кровь пальцы и глядя вновь холодно и отчужденно.

Почему-то стало очень стыдно. Все еще сидя на земле, робко хватаюсь за его ладонь, чувствуя, как меня вздергивают вверх, волоча за собой на манер буксира. И снова направляясь куда-то далеко и ориентируясь неизвестно как...

Хорт пошел следом. На его лице невозможно было ничего прочесть. Но я все же спросила, помогая Мурзу запрыгнуть на плечо:

— Ну а почему ты остался? Кровь дракона ты выпил, убить меня не удастся. И... ай! — Рука Вирха сжала пальцы, причиняя боль. Но тот даже не обернулся. — Так... почему ты остался? — морщась и пытаюсь вырваться. Проще руку отгрызть.

— Не знаю, — пожав плечами и задумчиво глядя на спину вампира.

Я замерла. Но меня снова дернули вперед, и пришлось шагать, оглядываясь через плечо.

— Как это? — А в груди стало так тепло и страшно... — А... может, это потому, что... ну что я тебе нравл... — отчаянно краснея.

Но договорить мне не дали. Вирх остановился, подхватил взвизгнувшую меня на руки

и так и понес дальше.

Я немного побуянила, но довольно быстро успокоилась и даже смогла задремать. Все равно каждый раз, как я пыталась заговорить с Хортом, Вирх запечатывал губы поцелуем, не давая говорить. Это злило, но не было неприятно. Совсем. И чтобы снова не запутаться в своих чувствах, я и уснула, прислонившись лбом к его плечу.

И снова разбудило солнце.

Парни шагали всю ночь, и теперь на деревьях перекрикивались сонные птицы, а понизу бегали шустрые зверьки, подергивая пушистыми хвостами.

Желудок уныло забурчал, откликаясь на изобилие дичи, пока, к сожалению, недоступной. Пальцы отогрелись внутри рукавов куртки.

— Марин, я есть хочу.

Чихаю и смотрю на сонную мордочку Мурза, проспавшего всю дорогу у меня на животе.

— Ты не устал? — подняла я голову, глядя в черные бездонные глаза.

Вирх отрицательно качнул головой.

— Вампиры гораздо выносливее людей, — зевнул Мурз, начиная вылизываться и косясь на мелькающих меж ветвей птичек, — так что не волнуйся за них.

Киваю, пытаюсь слезть с рук Вирха, и снова слышу предательское бурчание в животе.

— Пойду что-нибудь поймаю. — Хорт исчез среди стволов, вытаскивая на ходу кинжалы.

Вирх продолжил идти, не обратив на это никакого внимания.

— Эй, а мы его не подождем? — заволновалась я, так и не сумев слезть.

— Впереди будет водопад. Там и устроимся.

— Водопад?

— Слышишь звук воды?

Прислушиваюсь и неуверенно киваю.

А вскоре мы и вправду вышли на более равнинную местность, окаймлявшую мелкую речушку, падающую с уступа и разбивающуюся о камни тысячами водяных брызг. Мирно, красиво. Уютно. Меня спустили с рук.

— Я пойду за дровами, а ты сиди здесь.

Задумчиво наблюдаю за исчезающей среди деревьев фигурой.

— Мурз.

— А? — наполовину уже закопавшись в кинутый на траву мешок с провизией.

— А почему он... ну все еще со мной бегает? Он же очень гордый, я вижу. А я так откровенно отпихиваюсь...

Пушистик вылез, критически осмотрел замусоленный сухарик, мрачно откусил и пояснил с набитым ртом:

— Фамфивы вюфят... — Прожевав: — Извини. Вампиры любят лишь раз за всю вечность. Очень важно, чтобы душа любимого существа подошла идеально. Мы и не надеялись найти Вирху невесту так скоро. Но ты подошла, и теперь принц скорее застрелится, чем отпустит тебя или отдаст кому-то еще.

— Хорту, например? — мрачно.

— Неважно, — отмахиваясь сухариком от осы. — Главное, что другой стороной медали является то, что твоя душа тоже чувствует единение и уже любит его... как часть себя.

— О, жуть какая, — мрачно.

— Прости... я немного криво выразился, но суть ты уловила.

— И когда там свадьба?

— Чем раньше, тем лучше. Так что, думаю, послезавтра — самое то.

Воображение тут же нарисовало темную спальню, двухместный гроб и Вирха рядом — в семейниках и с бутылкой крови в руке.

— Еще раз сбежишь — лично в мышь превращу! — грозно. Пронаблюдав яркую смену выражений на моем лице.

Сажусь рядом с Мурзом и задумчиво киваю. Куда уж мне, убогой, бежать от счастливого конца сказки. Наверное, хорошо, что хоть не на девушке женюсь — и то хлеб.

Кстати, а где фея? Давно я ее что-то не видела. Как бы не случилось чего.

С этими нерадостными мыслями я и прилегла на траву, закрывая глаза и широко зевая. Спать не хотелось, думать — тоже. Авось все решится само.

И именно после этой мысли земля подо мной расступилась и я, ахнув, рухнула куда-то вниз.

Последнее, что помню, — горестный вопль возмущенного Мурза.

А по лесу летала странная белая птичка, пила кровь у всех подряд, орала, что она добрая фея-вампири и ищет пропавшую крестницу.

Звери мудро шарахались, стараясь не связываться с убогой.

Глава 32

Пытаюсь выбраться из-под каменного завала. Руки оцарапаны, колено болит, состояние — шок.

Подняв голову вверх, сумела рассмотреть тонкий лучик света, с трудом пробивающийся сквозь крошечную тьму. Вокруг — темно и пусто, камни раскачиваются под ногами, плюс душно и где-то в глубине этого каменного мешка слышен тихий писк.

Стараясь не паниковать, пытаюсь наколдовать свет. Точно! Свет. Сейчас я здесь все освещу.

Шар вспыхнул так невыносимо ярко, что подкрадывающиеся толпы чумазных личностей ошарашено застыли, щурясь и нервно глядя на застывшую в центре невысокую фигурку.

Пульсар носился под потолком, буквально отскакивая от стен, девушка смотрела на людей, удивленно приоткрыв рот.

— Вы кто? — Голос разнесся по пещере, отразился от сталактитов и вызвал к жизни протяжный низкий гул.

Существа заволновались, что-то заорали и разом бросились к ведьме, стараясь поймать и связать как можно быстрее.

Блин, колено. Споткнулась почти на ровном месте. Но меня тут же схватили за плечи, чуть ли не вбивая в камень пола, руки заломили назад, успевая обматывать ноги толстой прочной веревкой. А самый высокий и сильный — взвалил на плечо и потащил к выходу, темнеющему невдалеке.

Пульсар остался сиротливо плавать под потолком, так и не решив — стоит ли мстить за хозяйку или все же не вмешиваться, пока не зовут.

Это оказалось племя людоедов. Откуда такой вывод? Уже через десять минут плена меня, не раздевая, сунули в огромный котел, стоящий в центре небольшой пещеры. Туда довели по длинным извилистым переходам со множеством ответвлений, которые запомнить я так и не смогла. Раньше здесь, наверное, были шахты гномов, но те либо ушли, либо вымерли, а на всем готовом поселилось низкорослое племя людоедов.

Сидя в котле, хмуро соображаю: до какого именно момента стоит притворяться жертвой. Если бы хоть тело было моим... но это — нежное и нетренированное — даже поход по лесу выдерживает с трудом. Не говоря уже о полноценной драке с кучей крепких мужчин. В меня кидают овощами и корешками. Кстати, довольно грязными. Народ довольно гудит, роняя слюну.

Тот амбал, что меня нес, стоя на камне, что-то вещает, изображая руками процесс

битвы с пойманной жертвой. Заинтересованно наблюдаю, высунув голову и стараясь не касаться быстро нагревающихся краев чана. Из пантомимы поняла, что грозная и страшная я — чуть не отгрызла ухо, страшно плевалась, изрыгала пламя и бегала по стенам. Последнее он изобразил особенно смешно: пытаюсь запрыгнуть на пару камней у выхода и... крепко навернувшись. Смеюсь, хлопая в ладоши. Народ притих, на меня сурово посмотрели. Смущенно снова скрываюсь в котле, запоздало вспоминая об ужасе своего положения. Это нервное.

Хоть бы... ребята не опоздали. А то вода уже нагревается.

Булькает. Оно булькает!

Все. Мне надоело. Только что вспомнила еще одно заклинание, которому учил меня Мурз, а заодно что вообще умею колдовать.

Выхожу из пещеры: мокрая, дрожащая, слегка дымлюсь. Народ в пещере лежит вповалку, охая и приходя в себя. Искры все еще бегают по вздыбленным волосам, а под потолком вовсю гуляют шаровые молнии. Никого не убила, но есть меня уже не хочет ни одна зараза. Решительно захожу за поворот и вижу бегущих ко мне ребят и кота. Резко дергаюсь обратно, сердце бешено стучит в груди, глаза сияют.

Они меня нашли!

Жители подземелий угрюмо наблюдают, как я решительно забираюсь обратно в котел. Пламя пришлось притушить, да и водичка не то чтобы прохладная. Но я потерплю! Каннибалы уверенно мигрируют к выходу, не разбираясь, что я там еще задумала. Угрюмо за ними наблюдаю, понимая, что вариться в гордом одиночестве — это не эффектно. Пришлось применить силовые методы воздействия, загнав пульсарами людоедов обратно к котлу. Дрожат, что-то кричат, падают на колени. Гм... как бы им ярости придать? Очень хочется, чтобы меня Хорт именно спас.

В проеме мелькают лица ребят. Так, некогда. Громко кричу: «Помогите!» — протягивая руки и с бульком погружаясь в неаппетитное месиво. Зажав при этом нос.

Кажется... они прониклись.

Уже сидя в котле, слышу вопли разбегающихся людоедов и глухие удары тел о котел. Пытаюсь считать до ста, но чья-то рука ныряет в варево, хватая за шкурку и выдергивает наверх, долбанув головой о край. Хорт?

— Марина, — Прозрачные капли повисли на кончиках длинных ресниц. Хорт убирает влажную прядь с моего лба, кладет на пол и проводит пальцами по щеке. — Ты меня слышишь? Очнись.

Ну уж нет. Пусть мне сначала искусственное дыхание сделают. Да и я еще ни разу в жизни не чувствовала себя лучше.

— Марин, не откроешь глаза — оставим здесь, — сварливо, Мурз.

Зараза, портит всю романтику.

— Бери ее на руки и выноси на поверхность. Там она скорее придет в себя.

Чуть было не кивнула, но вовремя вспомнила, что временно — без сознания. Пришлось скрепя сердце молчать.

Вампир осторожно поднял меня с колючего пола и вынес из пещеры. Незаметно приоткрываю правый глаз, пытаюсь понять, где я и куда полетим.

Принц вампиров распахнул огромные черные крылья, оттолкнулся ногами, и тяжелый воздух плитой врезался в грудь. Меня резко пронесло по коридору, вынесло в первую пещеру и швырнуло вверх, вынося на поверхность через ту самую щель, в которую я еще не так давно провалилась.

Дальше перед широко распахнутыми глазами поплыли черные круги, и я отключилась от перегрузок.

Безвольное тело девушки осторожно кладут у костра. Вампир склоняется над ней, вглядываясь в тонкие черты лица, и осторожно поправляет локон. Потом — снова скрывается под землей, распахнув крылья и скрываясь из виду. Девушка же... остается лежать на траве у самой кромки озера, и лишь ветер мягко шевелит пряди ее золотистых волос.

— Марина, — шепчут на ушко, — очнись.

Дышу глубоко и ровно. Я в принципе и сама бы не против, но во всех сказках, которые мне в детстве читала мама на ночь, пока она еще была рядом со мной... принц, спасая принцессу, обязательно ее целовал. И даже иногда плакал, умоляя суженую очнуться. Я тогда, мелкий карапуз, сидя на кровати и радостно открыв рот, еще думала, что вот это и есть проявление самой чистой любви. Так что пока Вирх не уронит слезу, чмокнув в щеку, глаза открывать не стану — и точка.

— Дай я. Я знаю, как ее разбудить, — уверенно.

Узнаю голос Хорта.

С удивлением чувствую, как перехожу из одних рук в другие. В голове вертится дурацкая фраза «пошла по рукам». Бред. Но... теперь меня держит Хорт. Из последних сил стараюсь дышать ровно, внутренне ликуя от счастья. Хм, а вот интересно, как именно он собрался меня разбу...

Тело подняли и понесли. Покачиваюсь на руках охотника, мечтая о поцелуе.

Остановился. Ждет чего-то. Стараюсь представить его губы, касающиеся моих...

— Открой глаза. — И ни грамма тепла в голосе. — Я ведь знаю, что с тобой все в порядке.

Блефует. А внутри наверняка страшно переживает.

— Хм... ну хорошо.

Чуть не улыбнулась. Но тело вдруг резко качнуло вверх и вбок. Ощущение рук исчезло, и... я снова рухнула вниз. В воду. ЛЕДЯНУЮ.

Пришлось очнуться, вынырнуть, кашляя и отплевываясь, и высказать стоящему на берегу и скрестившему на груди руки Хорту все, что я думаю о таком методе побудки. Котенок улыбался, сидя неподалеку, Вирх сидел на камне и устало на меня смотрел.

Замолкая и обиженно протягиваю вампиру руку. А что тут скажешь? Спасли, волновались. Ладно уж.

Охотник, сжав крепко мою мокрую ладонь, рывком вытащил меня из воды.

Глава 33

Вечером у костра, глядя на искры, летящие на землю, и откусывая внушительный кусок жареной птицы, думаю о вечном. Звезды красиво раскинулись на небосклоне, глаза слипаются от желания лечь и уснуть. А послезавтра я выхожу замуж за вампира. Грустно. Ребята вон тоже молчат, думая каждый о своем и глядя на желто-алые языки огня.

Надо как-то решить всю эту ситуацию со свадьбой и прочим. Хорт явно ко мне равнодушен, хоть и делает вид, что ему все равно. Однако ходит следом, помогает, вчера сам полез спасать из подземелий, и даже с Мурзом они уже не враги. Кот вон даже мясо у него тырит, уверенный, что у охотника вкуснее.

И все же. Вирх мне честно и прямо сказал, чего от меня хочет. И он принц. А это — сказка. И вряд ли счастливым концом будет мой личный гарем из двух вампиров, а потому Хорт должен или уйти, или... или наконец-то признать, что не хочет этого.

— Вирх.

— Да? — Черные глаза сфокусировались и взглянули в мои. Холод, темнота и мрак —

то, что я вижу в них. Но стоит ему чуть дольше посмотреть на меня... и взгляд теплеет. Сменяя черный алыми искорками в глубине.

— Тебе важно мое согласие на брак?

Кивок. Он наблюдает за мной, сидя у дерева и положив кисть на сгиб колена, ожидая, что еще я выкину сегодня.

— Что ж. Я выйду за тебя и буду принадлежать только тебе в обмен всего на две вещи.

— Какие?

Охотник тоже смотрит. Собственно, ради него весь разговор и затеян. И если он и теперь не станет за меня бороться... я просто не смогу доказывать ему свою любовь вечно.

— Во-первых, пусть Хорт вслух произнесет, что отказывается от меня раз и навсегда. А во-вторых... — не давая им обоим и рта раскрыть, — ты обратишь меня. Я не хочу быть единственным человеком в твоём царстве.

Вирх сощурился и кивнул. Молча ждем, что скажет охотник. А тот тоже молчит, зараза.

— Хорт, — стараясь не смотреть на охотника и пристально изучая пальцы ног. Колени я подтянула к подбородку, крепко их обняв.

Вампир тряхнул головой, словно пытаясь отбросить ненужные мысли, посмотрел на меня.

Замираю, продолжая ровно дышать и осторожно поглаживая шерстку уснувшего рядом Мурза.

— Я отказываюсь от тебя, — спокойно и ровно. Прямо в глаза.

Сердце, не выдержав реалий мира, разбилось на тысячу осколков, причиняя сильную боль. Стискиваю зубы, стараясь сохранять выражение спокойствия на лице. Я ведь знала. Знала...

— Прошу прощения, мне нужно отойти. — Осторожно встаю, стараясь улыбнуться, и иду к лесу, не забывая держать спину ровной и глядя перед собой широко распахнутыми, но ничего не видящими глазами. Чуть не вписалась в дерево, но вовремя увернулась. Потом пошла быстрее. Побежала. Еще крепче стиснув зубы и пытаясь не всхлипывать.

Я ведь знала. Я ведь знала. Я ведь знала!

Как заклинание. Слезы льются из глаз, стекают по щекам и падают на грудь. Внутри так больно, как еще никогда прежде. Пытаюсь смеяться, хотя бы улыбнуться. Но ничего не выходит. Меня трясет. Сердце окровавленным ошметком бултыхается в груди, и хочется перерезать себе вены чем-нибудь острым, больше никогда не возвращаться к этому костру.

За плечи схватили чьи-то руки. Дернулась, но прижали к груди, сковывая почти болью и заставляя уткнуться носом в грудь. Вирх.

Зарылся носом в мою макушку и стоит и держит, не давая вырваться.

А я реву. Потому что не могу остановиться. Потому что очень больно и плохо. Потому что *он* сказал, что я не нужна ему. Реву тихо, вздрагивая в объятиях и стараясь забыть обо всем.

К костру я вернулась только через два часа. Выплакалась, так сказать. Нос распух и не дышит, глаза — мокрые щелочки, угрюмо обзирающие мир. Хорт отвернулся и не смотрит в мою сторону, помешивая угли и подкладывая что-то вроде картошки. Сажусь на землю рядом со все еще храпящим Мурзом и беру его на руки, уложив на колени.

Хорошо, когда есть кот. Уже не чувствуешь себя такой одинокой и несчастной, как всего пару часов назад. А еще он греет, словно изнутри.

Утром мы разошлись в разные стороны. Я и Вирх — должны были идти в одну, Хорт — обратно в лес. Сказал, что хочет пройти к отдаленным деревням и навестить старого друга. Охотника никто не удерживал. Я — и вовсе сонно прижималась к Вирху, зевая и хмуро наблюдая за тем, как спина любви всей моей жизни исчезает среди деревьев, даже не

помахав напоследок (не спина — любовь).

Мурз тогда еще сказал: «Ну наконец-то».

Позже, оседлав коней, мы с Вирхом и Мурзом двинулись дальше, рассчитывая к вечеру достигнуть портала в другой мир. Я, сидя в седле и поминутно уворачиваясь от веток, при этом постоянно косилась на вампира, прикидывая, как именно будет выглядеть наша семейная жизнь, и в который раз отмечая, что он очень красив и даже где-то загадочен.

А еще он меня любит. И это самое главное. Да?

— Мурз.

— Хрмм?.. Чуть выше.

Покорно чешу пузо левее и выше, удерживая кота на весу второй рукой.

— Скажи, ты рад? Все вышло по-твоему.

— А ты нет?

— Нет, — тихо.

— Не переживай. Хозяин — удивительный вампир, и он действительно любит тебя. А во дворце с тобой и вовсе будут обращаться, как с сахарной. Так что и оглянуться не успеешь, как станешь самовлюбленной мамзелью с запросами королевы.

Киваю, довольно слабо представляя такое будущее. Но Мурз упрямо продолжает:

— А Хорт. Ну вот что он мог тебе дать? Ни крова, ни работы, ни защиты. Так бы и ходили по деревням, подбираясь случайными заработками и...

— Я маг.

— И довольно хреновый, — ничуть не смутившись и довольно потягиваясь. — Случайно угробила бы пару-другую заказчиков, и на всю оставшуюся жизнь — смутные перспективы карьеры попрошайки, путешествующих по окраинам королевства. Тебе оно надо?

— Нет, — уныло.

— Тогда молчи и не задавай больше глупых вопросов.

Киваю, понимая, что он прав. Только вот внутри смириться с этим не хочется совсем. А придется.

Пару раз мы останавливались на привал, причем исключительно ради меня (хоть я и пыталась спихнуть всю вину на Мурза). Но Вирх вдруг стал каким-то даже чересчур предупредительным, молча выполнял все мои капризы и терпел вредность и прочие «достоинства» характера. Я старалась задержать нашу компанию, как могла, надеясь опоздать и суметь остаться здесь подольше. Но уже к вечеру мы выехали на поляну, над которой в воздухе мерцало серебристое зеркало портала, словно оплывающего по краям.

— А я думала, сначала проедем город.

— Порталы — вещь непостоянная. Всего задень они могут мигрировать на многие километры, — просветил Мурз, вылезая из капюшона и перебираясь на плечо.

— Понятно.

Вампир пристально взглянул на меня, но ничего не сказал, снимая поклажу и седла с коней. Они нам больше были не нужны.

— Я тебя не понимаю, — трагический шепот на ухо. — Тебе полмира предлагают и мужа — красавца, силача, умницу и так далее. — Хмуро смотрю на «умницу», пытаюсь проникнуться сказанным. И ведь он действительно красив. Даже слишком. — А ты нос воротишь и идешь, как на плаху. Сделай лицо попроще — я пугаюсь.

Он прав. Нельзя так издеваться над будущим мужем. Еще любовниц разведет — замучаюсь выводить.

Мне протянули руку. Я, как зачарованная, посмотрела на его тонкие длинные пальцы, не рискуя прикоснуться к ним своими.

— Даже руку не дашь?

Спокоен, холоден, как и всегда.

Но почему мне кажется, что боль здесь чувствую не только я?

— Марина! — шипение. В ухо впились острыми зубками.

Едва сдержалась, чтоб не заорать, протянула руку, чувствуя, как осторожно сжимаются его пальцы вокруг моей ладони. А потом вампир, ведя меня за собой, шагнул в прохладу портала, переходя из этого в параллельный мир.

Стою и хмуро оглядываюсь по сторонам. Темно, пыльно, грустно. Сквозь высокие стрельчатые окна проникают редкие лучи лунного света.

А это точно дворец?

— Пароль, — сверху. Гулко.

С ужасом понимаю, что не чувствую руки Вирха. Начинаю оглядываться по сторонам, ничего толком не видя. Ну хоть котенок все еще сидит на плече.

— Верность и смерть! — гордо рывкнули у уха.

— Пароль неверен. Пароль.

Кошусь на кота.

— Как это? — шокировано.

— Вирх! — Мой крик отражается от невидимых стен и мигом заполняет зал с уходящими далеко ввысь колоннами.

— Пароль неверен. Пароль.

— Мурз, а... где Вирх?

— Не знаю, — шепотом. — Возможно, кто-то не хочет пускать тебя во дворец.

— Тебя тоже? — напряженно.

— Я... в другой форме. И кажется, меня не признали.

— У вас осталось пятнадцать ударов сердца на опознание. Пароль.

— А то что? — делая шаг назад.

— Нас разорвут на молекулы и распылят магией, — задумчиво.

Угрюмо смотрю вверх, откуда доносилась просьба предъявить пароль. Поднимаю ладони. Мощный потрескивающий заряд магии вырвался из рук и ушел в потолок. Вспыхнуло, жажнуло, я упала, сжимая в объятиях зажмурившегося Мурза.

— Марина!

Вирх? Пытаюсь встать, но пол ходит ходуном, вокруг с грохотом что-то падает, кажется — камни.

Я разрушаю дворец. Это плохо?

Меня дернуло за руку, куда-то отбросило, после чего подхватило на руки и со свистом вынесло наверх. Глаза открыть я так и не рискнула. Мурз шипел, вцепившись когтями в куртку и процарапав кожу живота. Видимо, вокруг творилось что-то совсем страшное. И я совсем не хочу узнать — что.

Тишина. Шорохи. Меня ласково просят открыть глаза.

— Ты как? — По щеке проводят кончиками пальцев, отводят локон со лба.

— Где я? — пытаюсь сесть.

— В безопасности. Ты только что разрушила искусственный интеллект дворца, и временно замок невменяем. Но тут тихо и спокойно, так что можешь не бояться.

— А... что вообще произошло? Тебя не оказалось рядом, Мурза не признали. Он сказал, что меня не хотят впускать.

Вирх нахмурился и встал.

— Мурз сам тебе все объяснит. А я — пойду узнаю, что там наверху. Подождешь?

Почему он хмурится? Я что-то не то сказала?

— Да.

— Молодец, — мягко и ласково.

После чего вампир кивнул коту и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь... ммм... камеры, наверное. Каменные стены, нет окон, и здесь довольно сыро. Зато постель удобная.

— Я что-то не то сказ...

— Конечно, не то! — Мурз прыгнул на пол и хмуро на меня уставился. — Не надо было говорить о том, что тебе тут не рады. Ты — его невеста. И если не рады тебе — не рады принцу! Вот он и пошел разбираться: кому тут жить надоело, чтобы впредь думал...

— Гм.

Вздых.

— Давай уж спрашивай. Ты про ИИ хотела узнать? — Осторожно киваю, кутаясь в пуховое одеяло и бросив взгляд на накрытый столик в углу. Мурз тоже на него посмотрел, задумчиво облизнувшись. — А ты... есть хочешь? А то мне без тебя нельзя начинать. По этикету.

— Хочу.

— Отлично! Тогда иди и подтащи сюда стол с едой, а я пока расскажу о замке.

Неохотно прыгиваю с кровати, так и не бросив одеяла. С жутким скрежетом поддвигаю столик к кровати. Мурз с мучительной миной это терпит, не рискуя перекрикивать звук царапанья железных ножек о каменный пол.

— Будешь салатик?

— Нет, курочку, — перебираясь в царство тарелок.

— Может, тогда сначала поедим, а потом уже...

— Никаких потом! Сейчас. Короче, слушай, — отдирая поджаренное до хрустящей корочки крыло и довольно сопя. — Этот замок и мир — особенные, Марина. Здесь магия обретает сознание и волю. К примеру: надо тебе, чтобы дом сам себя чистил, мыл и прибирал так, чтобы ты потом смогла найти нужные вещи. А также, к примеру, вел переписку, пополнял запасы и прочее. Ну и делаешь ему что-то вроде самообучающихся мозгов. А иначе — вычистит вместе с пылью и мебель с хозяином заодно. Понимаешь?

Киваю.

— И у этого замка был... есть разум — ИИ, иначе — искусственный интеллект. Созданный в лабораториях вампиров-ученых, он охраняет дворец и устраивает проверки незваным гостям.

— А-а...

— А ты! Долбанула по нему магией так, что у него снесло правое полушарие, замкнуло основные цепи и начисто стерло память. Он теперь не в курсе: где он, кто он и кого надо слушать. Знать стоит на ушах, по комнатам летают заклинания боли, из кухни пропали все колюще-режущие предметы, и при всем при том: «это» еще и пытается найти обидчика, на всякий случай мстя всем подряд. Короче, лучше всего тебе пока посидеть тут, в подземельях, и не высовываться. Здесь ИИ ничего не контролирует и найти тебя попросту не сможет..

Гм.

— Я бы извинилась, но оно первое начало.

— Кто что начал — выясним позже, — откусывая приличный кусок и с урчанием его пережевывая. — И вообще, не замораживайся — Вирх все уладит и скоро за нами вернется. А пока... передай, пожалуйста, во-он ту колбаску. Сфафифо.

— Не за что, — улыбаюсь и откусываю небольшой кусочек помидорки, задумчиво глядя на дверь.

Интересно, кстати, а куда запропала моя фея? Вдруг она могла бы здесь помочь?

А фея только что вспомнила заклинание переноса в место, где находится ее крестная. И теперь зависла посреди тронного зала огромного двора принца вампиров, ошарашено оглядываясь по сторонам.

— Пароль! — рявкнуло раздраженно сверху.

— Иди на хрен, — огрызнулась птичка, соображая, где крестница.

Дальше — ее долго и тщательно убивали летающими ножами, вилками и страшной магией в виде черных искрящихся шаров.

А вампиры-ученые смогли наконец-то недолго передохнуть и выйти из-за баррикад, с

восхищением наблюдая за носящейся по коридорам боевой птичкой, орущей благим матом. Замок, обиженный на весь мир разом, наконец-то нашел козу отпущения и теперь с восторгом ее ловил.

— Скучно.

Мне никто не ответил. Котенок спал, а Вирх еще не вернулся, хотя прошло уже часа два, если верить внутренним часам.

Что бы такого сделать, чтобы отвлечься? Наверх нельзя, там у них, видимо, все серьезно. Гулять не тянет — еще заблужусь и умру от голода и жажды.

Поколдовать, что ли.

Первый светлячок вышел небольшим и сонным. Покрутившись под потолком, едва мигнув синим, он с тихим зевком потух.

Второй уже неярко, но горел, паря над макушкой, а третий ярко осветил небольшую чистую комнатку, выдолбленную в скале. Осмотревшись и задув свечку, беру в руки найденную на тумбочке книгу и с интересом читаю название, выведенное витыми шипастыми буквами на обложке: «Вампиризм и я. Что нужно знать об убиении гадов».

Закрадывается подозрение, что Вирх предпринял попытку донести до меня мысль о том, кем я так рвусь стать. Ну... подготовить, что ли. Здесь явно собраны самые жуткие слухи и легенды, а также способы убийства подданных принца ночи. Что ж, почитаем. Да и потом, вампиром я уже была. Особенных ужасов не помню. Вот только кровь дракона... ладно... разберемся с этим позже.

— Марина, — за плечо осторожно тормошат, теплое дыхание обжигает щеку.

— Ммм?

Недовольно отворачиваюсь, но тело так заоченело, да еще и шею свело чуть ли не намертво. Морщусь и открываю глаза, с удовольствием чувствуя, как от рук, приложенных к коже, по телу разбегаются горячие ручейки силы и снимают боль и напряжение мышц. А еще мне снова тепло.

— Где Мурз? — садясь и пытаюсь хоть немного пригладить волосы на голове.

Вирх сидит на краю кровати и спокойно наблюдает.

— Да вон он.

Котенок и впрямь устроился неподалеку и в данный момент отгрызает кусочек жареной бараньей ноги, больше ни на что не обращая внимания.

— Му-урз...

Меня проигнорировали, сэнсэю сейчас ни до кого. Усмехаюсь и пытаюсь встать, но Вирх удерживает за плечо и осторожно надевает на шею тонкую серебристую цепочку с синим камушком, при этом внимательно за мной наблюдая.

— Не снимай ее никогда, поняла?

— А что это? — удивленно разглядывая подарок.

— Мы исправили большинство повреждений ИИ... но система узнавания замка теперь работает только на такие амулеты. — Мне показали такой же, висящий у него на груди. Киваю, стараясь не сильно пялиться в вырез рубашки.

— Ясно. А теперь...

— А теперь мы пойдем наверх, и ты сможешь принять ванну и переодеться. После чего я познакомлю тебя с сестрой.

Черные глаза сверкнули на бледном лице аристократа. Я вдруг заметила, что при разговоре клыки почти не выделялись, а когда он улыбался — на щеках появлялись ямочки. Странно, что я раньше этого не замечала, и непонятно, почему так отчетливо вижу сейчас. Почти невольно протягиваю руку и поправляю упавшую на его глаза челку. Он замирает и напряженно смотрит. Отдергиваю пальцы, краснея и тут же вставая с кровати.

— С сестрой? Но я не готова! А если...

Но меня вдруг разворачивают и осторожно целуют, удерживая за руки и не давая отодвинуться.

Зажмуриваюсь, не зная, что сделать и что сказать. А потому... не делаю ничего.

Глава 34

Ванна была чудесная. Огромная, как бассейн, и со всякими пенками, мылами и прочей фигней. А еще там была толпа девушек, буквально мечтающих вымыть мне хоть что-то. Я сунула им обьевшего Мурза и велела надраить до блеска. Довольные девчушки ответственно взялись за дело. Визг и вопли кота по соседству умиротворяли и помогали сосредоточиться на ванне. (Мыться мне все равно одной не дали, но хоть не истязали в двадцать рук. На меня выделили всего одну... пару. Все остальное досталось котенку, буквально покоровшему своей хмурой рожей сердца прислужниц.)

Выйдя в чистом махровом халате из этого рая, я с интересом осмотрела аэродром кровати с кучами подушек и одеялом, поражающим разум. Завернутого в полотенце кота водрузили в центр и чмокнули двадцать раз подряд в носик. Мордочка при этом перекашивалась все больше и больше, смотрела эта сволочь исключительно на меня.

Когда все ушли, котенок с трудом выпутался из полотенца и, проваливаясь на каждом шагу, подошел к тумбочке с огромным зеркалом, установленным прямо на ней. Перепрыгнув, он с минуту осматривал новый розовый оттенок шерсти. После чего всхлипнул и ткнулся лбом в стекло, закрыв глаза. Пытаюсь понять, что в таких случаях надо говорить, но в голову, как назло, ничего не лезет.

— Марина! — Трагедия в каждой букве.

— А? — смущенно.

— Как вернуть цвет?

— Ну... перекраситься снова. Но не раньше чем через месяц.

— А то что?

— Облысеешь, — улыбнувшись.

Дальше котенок ругался. Сильно и вслух.

— Вам помочь одеться? — В комнату заглянула испуганная мордашка с большими фиалковыми глазами на лице.

— Ну...

Тут же влетело аж трое, и меня начали сушить, расчесывать и одевать. Котенок, хмуро за всем этим наблюдающий с кровати, попытался расслабиться и начать думать. При этом он прикрылся полотенчиком и нервно рывкнул: «Нет!» — на предложение одной из красавиц позаботиться и о нем тоже. Вздыхаю, чувствуя, как в волосах, одежде и на лице шарят аж тридцать пальцев, приводя меня в «нужный» вид.

— Не переживай, — мысленно. Пока застегивали на спине платье, одновременно всовывая мои ступни в туфли.

— Тебе не понять, — угрюмо, — меня тут знали как огромного дикого зверя — разумного и владеющего магией. Учителя самого принца. А теперь я розовый котенок!

Киваю, потирая виски.

— Тогда почему не расколдуешься?

— Мне нужна помощь замка. В одиночку я такое повернуть не смогу.

— А я не могу помочь?

— Не надо. — Вздыхаю, понимая, что и впрямь не даст. Скорее застрелится, чем позволит мне менять его внешность. — И вообще мне пообещали уже завтра найти нужное колдовство и вернуть прежний облик.

— Гм.

— А пока я побуду тут. Ты, кстати, не принесешь мне еды? А лучше попроси прислужниц, ладно?

— Ладно, — стараясь не заорать, когда один особенно жуткий клочок волос попытались расчесать силой, перепробовав все остальное.

Котенок немного расслабился и лег, прикрыв глазки. Из-под полотенца виднелась только пушистая мордочка и хвост.

Мне вдруг стало жалко, что Мурз не пойдет со мной на обед, в честь которого меня, собственно, и наряжали. Одной страшно. Да и сестра Вирха — чистокровная вампириша. А я — всего лишь человек.

— Пока, — тихо. Выскальзывая из комнаты вслед за прислужницами.

— Удачи. Мясо не забудь, — не открывая глаз.

— Не забуду.

Вирх встретил меня внизу, элегантно подав руку и чуть опустив голову в знак приветствия. Вид — холодно-безразличный. Спокоен и собран, словно идем в логово монстра. Или это просто я перенервничала?

Выдернув руку из его пальцев, уцепилась за локоть, стараясь не сильно на нем виснуть. Каблуки поднимали на недостижимые вершины, с которых очень не хотелось сверзиться. Корсет утянул так, что я не дышала, а периодически пыталась вдохнуть. А волосы странной, но красивой конструкцией покачивались где-то наверху. Короче, кошмар полный. А тут еще и Вирх пытается незаметно расцепить мои пальцы и изъять конечность, не подавая виду...

— Убереешь руку — упаду, — тихо, продолжая улыбаться.

Меня тут же оставили в покое и позволили спокойно висеть. Идем в залу с накрытым столом. Колени дрожат, все на нас косятся. Мама.

— Так вы и есть невеста моего непутевого братца? — Изящная молодая женщина, с волосами, похожими на пламя, облаченная в алые и черные цвета, возникла буквально из ниоткуда, с улыбкой протягивая руку и сверкнув рубинами вампирьих глаз.

У меня обострился комплекс неполноценности, захотелось в спальню, к Мурзу.

— Марина, — представляет меня Вирх.

— Что? — склонив головку набок и вглядываясь в мое лицо.

— Я Марина. — Осторожно жму изящные пальчики.

— Что ж, — слегка удивленно, бросив быстрый взгляд на брата, — добро пожаловать в наш замок, Марина.

— Благодарю. — На реверанс меня сейчас не хватит, и я никак не могу отпустить Вирха. Ну хоть улыбнуться-то я могу?

— Брат успел мне кое-что о вас рассказать. — Меня осторожно взяли под руку и попытались увести в соседнюю комнату.

С трудом, но отцепляюсь от Вирха, понимая, что повиснуть между этими двумя будет в высшей степени неприлично. Еще и лица эти... никогда не видела сразу столько вампиров в одном месте. Причем я, похоже, единственное, что в данный момент им интересно. И это пугает.

— Надеюсь, приятное? — отчаянно вспоминая старые фильмы о придворных балах, виденные мною в детстве.

— Большей частью. И особенно приятно, что вы решили стать одной из нас. Было бы довольно странно... наблюдать в стенах этого дома человеческое дитя.

Мне почему-то тут же захотелось сказать, что с этим я как раз не спешу. Да и вообще ее обаяние меня слегка напрягало.

— А если бы я повременила с исполнением этого решения? — осторожно.

Тихий хрустальный смех и ободряющее похлопывание по руке.

— А вы забавная.

— Да? — Смотрю на руку, не понимая, в чем именно.

— Оставаться человеком в окружении сотни голодных вампиров и их принца — в собственной спальне... нужно обладать особенным сортом мужества, чтобы суметь такое.

Насмешка в алых глазах подсказала мне, что этим типом мужества я обладаю вряд ли.

Чуть склоняю голову и стараюсь как можно более мягко улыбнуться в ответ.

— Вы правы, ваше высочество. Действительно... забавно.

А потом меня вернули Вирху и дали снова заякориться на его руке. Мы еще немного поговорили о всяких пустяках. Я кое-как научилась стоять на каблуках и не качаться при этом. А придворные успокоились и уже не прожигали нас взглядами десятков глаз, ловя каждое сказанное принцессой слово.

Банкет прошел... ужасно. Я сидела, разглядывая кровь в бокалах и стесняясь попросить воды. Потом подали что-то шевелящееся на тарелках. По виду — осьминожки в желе. Они там плавали, кувыркались и хватались щупальцами за ложку. Одного, подняв над тарелкой, я разглядывала настолько долго, что смолкли все разговоры и мне уделили максимум внимания. А эта гадость еще и шмякнулась обратно, разбрызгав желеобразный суп по скатерти. Я долго извинялась. Вирх подзывал слуг, чтобы отчистить меня и стол.

Потом было что-то вроде торта. Огромного такого и довольно ароматного. Подергала за рукав Вирха, громким шепотом выясняя ингредиенты. Все почему-то опять на нас уставились. Вирх, вздохнув, сказал, что есть это можно — для меня пекли, и в рецепте нет ни грамма крови или еще чего такого.

Отважилась попробовать... в гробовой тишине и под прицелом легкой полуулыбки принцессы. Гм... недурно. Съела два куса, ободряюще всем улыбаясь и периодически давясь. Запить... запить было нечем, а кровь я не употребляю.

Кстати, в конце ужина попросила у мелькавших у стола слуг водички. И мне ее принесли! Целый кувшин. И чего страдала? Два стакана привели меня в чувство и заставили хоть немного успокоиться.

А потом Вирх извинился и, взяв меня за руку, повел в спальню, сказав вампирам, что гостья устала.

Я ничего не имела против, прекрасно понимая, что народу надо обсудить меня без меня. Ну или как-то так. Да и после торта глаза слипались страшно. Снотворного они туда, что ли, подмешали? Проходя мимо края стола, сцапала кусочек мяса для Мурза. Кажется... зря. Но вежливые вампиры промолчали и здесь, не давя на и без того взъерошенную психику.

— Как считаешь, я им понравилась? — уже заходя в спальню и сонно зевая.

— Это важно? — осторожно коснувшись моих волос и отводя их за спину. Смотрю в черные с искрами глаза и пожимаю плечами, задумчиво улыбаясь. — Ты нравишься мне. А значит, понравишься и им.

И в голосе его было что-то такое, что буквально заставляло верить. Киваю и разворачиваюсь, с удовольствием обзоревая кровать.

— Можно... тебя поцеловать?

Это он мне? Замираю, сжав пальцы в кулак и не зная, что ответить.

— Раньше ты не спрашивал разрешения.

— Это означает — «нет»?

— Гм.

Меня осторожно развернули за плечи и едва ощутимо поцеловали в губы, согрев кожу дыханием и сверкнув глазами. Вздрагиваю и замираю. Почему-то, сомкнув веки, снова вижу Хорта...

— Спасибо, — шепот.

После чего он отпустил меня и вышел, аккуратно закрыв дверь. Медленно открываю глаза.

— Кхм, кхм.

Перевожу взгляд вниз, все еще находясь в прострации.

— Это мне? — ткнув лапкой в сторону мяса.

А я и забыла, что все это время держала его в руке.

— Да. На.

— Спасибо. А ты... тебе явно стоит поспать.

Киваю и иду в постель, буквально падая в ворох одеял и закрывая сонные, слипающиеся глаза. Не хочу ни о чем думать. Все потом. А сейчас — спа-ать.

Мурз, получив желаемое, сел на полу и довольно вгрызся в мясо. В его личном мире все было просто замечательно.

Смотрю на балдахин, щуря сонные глаза и все еще находясь в полудреме. Мурз сидит рядом, пытаюсь вылизать хвост и недовольно его оглядывая.

— Как считаешь... он скучает?

Котенок не ответил. Он был занят.

— Да, — тихо, с тумбочки.

Фея?

Сажусь и смотрю на лежащую на спине птицу. Надо же... и когда только прилетела? И как только нашла нас? А впрочем, она же фея, и волшебство все еще ей доступно, так что удивляться нечему.

— Откуда ты знаешь?

— А чего тут знать, — сонно, — он в тебя по уши влюблен, просто боится признать это, вот и бежит теперь, как ненормальный, мечтая ввязаться в достойную драку или еще куда.

— Эмм...

— Я же фея. Причем крестная. Уж любовь-то узнаю на раз.

Молчу. Ошарашено переваривая услышанное. Это она сейчас о Хорте говорит? Такое ощущение, что мне описывают кого-то другого.

— Гм. А что он делает сейчас? Можешь узнать? О чем он думает?

Звук тихого похрапывания.

— Фея! — рычание.

Птица открыла правый глаз и недовольно на меня уставилась. Мое лицо явно ее не обрадовало.

— Ладно, ладно. Сейчас.

Ко мне подлетели и осторожно прикоснулись крылом к руке, закрыв вторым глаза.

— Хм... а ведь вы оба влюблены друг в друга — связь крепкая. Ну-с... посмотрим. Гм. Кхм. Н-да-а.

— Что там? — ерзая и стараясь успокоиться.

— Напился твой охотник. Сидит сейчас в одной из придорожных таверн и пытается выкинуть из головы образ девушки с золотыми волосами, жутко злясь из-за этого. Хм, да он еще и собирается ввязаться в драку с тремя гномами разом. Дурак.

— А?

— Короче. Если он не признается самому себе, что влюблен и был полным идиотом, раз отпустил, — с ума так скоро сойдет точно. Ну или угробит себя в драках. Все! — убирая крыло и направляясь обратно к тумбочке. — Сеанс окончен. Дай поспать.

Сижу. Перевариваю услышанное. Меня почему-то трясет.

— Марина, — осторожно, с кровати, Мурз.

— Я не могу без него, — глядя в одну точку и сжимая кулаки так, что ногти впиваются в кожу.

Тяжелый вздох и мягкая лапка на руке.

— Просто попробуй. Потерпи хотя бы один день. Тебе... понравится здесь.

Зажмуриваюсь и мысленно представляю его лицо.

Хорт. Это больно. Так больно думать о том, что ты все-таки любишь и хочешь быть со мной.

— Один день, — вздыхая и сжав кулаки. — Потом я уйду к нему.

А когда я открыла глаза, то увидела бледное спокойное лицо Вирха. Зубы сжаты, глаза горят жутко-алым, смотрит в упор.

— Вирх?
— Я тебя не отпущу, — тихо.
И он вышел, грохнув дверь.

Глава 35

Я стою посреди номера старого трактира и смотрю на него. Тихо. Темно. Чуть поскрипывают петлями ставни, в камине тлеют прогоревшие угли, он лежит на постели.

Судорожно вздыхаю, пытаюсь пригладить волосы и одновременно одернуть грязную, еще дымящуюся куртку. Фея мне не простит, точно не простит. А что делать? Чтобы вернуться из замка в этот мир, пришлось попросить ее о довольно древних и сильных чарах. Так что... когда я видела ее в последний раз, дымящаяся птичка просила ее не ждать и отважно заслоняла собою проход телепорта от магии разъяренного замка.

Неважно. Все неважно. Вирх все равно меня найдет: фея — не вечная, и сил скрывать телепорт от вампирского ока у нее не так уж много. А потому... час? Ну хоть час-то у меня есть?

Делаю осторожный шаг вперед. Половица скрипнула и застыла. Сердце ухнуло куда-то в желудок и заметалось, будто в припадке, не совсем понимая, куда, собственно, делись ребра.

Соскользнувшая с края кровати рука, загорелая кожа. Стройное жилистое тело и длинные тени ресниц на его щеках. Красив. Как мальчишка красив. Так, что в груди замирает дыхание и хочется глупо улыбаться, стоя рядом и не дыша. Черные волосы рассыпаны по подушке, дыхание глубокое и спокойное. А под глазами — тени.

Ты хоть по мне скучал? Не знаю. Не верю.

— Хорт.

Блин! Ну вот зачем я это сказала? Выдох замер. Я почти ощутила, как напряглась каждая мышца его тела, и черные глаза открылись в темноте.

— Э-э... мм... привет. — Смущенно улыбаюсь, засунув руки в карманы куртки и стараясь не дрожать.

Он сел. Тряхнул головой и хмуро на меня уставился.

Ну да, ну да. Знаю. Опять пришла, опять будет вешаться на шею, опять...

Мужчина медленно поднялся, сделал шаг вперед и остановился напротив. Красив, спокоен, и только по ярости в его глазах можно понять, что спокойствие это — напускное.

— Марина, — тихо, мягко, ласково.

Ежусь.

— Кхм. — Все, на что меня хватило.

— Где вампир?

Ну... в данный момент он, скорее всего, сражается в магическом поединке с обгорелой птичкой, пытаюсь дорваться до умотавшей в спальню чужого мужика суженой. А то мало ли... потом доказывай, что у ребенка черты прадедушки по бабушкиной линии. Что за бред у меня в голове?

— Мне повторить?

Я так долго молчала? Но... он такой красивый, родной. Без рубашки и так близко...

— Я... он... мы... сказал, что догонит попозже, — покраснела я.

Тяжелый вздох. Парень начал собираться, ходя по комнате и подхватывая рубашку и сапоги. Несчастливым он совсем не выглядел.

— Ты уходишь? — растерянно. Значит, фея все наврала? Он тут с ума совсем не сходит? Ну... только если от безграничного «счастья» вновь лицезреть мою тушку.

— Да. Можешь переночевать здесь.

— Я люблю тебя.

Вот так. Вот так... Вот...

— Я знаю. Отойди.

И эта сволочь прошла мимо, взялась за ручку и открыла дверь.

А я ведь тоже не железная! И проклятие вечной любви как-то само собой пришло на ум.

Шипение, вспыхнувшие кончики пальцев. И магия врезалась в его спину, окрасив кожу в розовый. Всего на миг. Но окрасив! Значит, все было сделано правильно. Робко улыбаюсь. Он замер на пороге.

— Хорт?

— И больше не приходи сюда. Поняла?

Парень оборачивается, мрачно усмехается и выходит за дверь.

С потолка падает что-то черное, воняющее гарью и сипло дышащее.

— Ну! Шо я тебе... — кашель птички, — ...говорила?

— А? — Растерянно рассматривая бывшую фею. А где Вирх?

— Любит он тебя! Да еще как! Такое заклятие... кхе-кхе... не заметить! Это, блин, не хухры-мухры!

И она отрубилась, дернув лапкой и закатив глаза. Я же ошарашено посмотрела на дверь.

А за спиной стоял высокий разъяренный вампир, сложивший на груди руки и буквально пронизывающий взглядом мою спину.

— Вирх? — не оборачиваясь. Я его по молчанию узнала.

Сердце бьется рывками в горле. Мне срочно нужно вниз.

— Идем домой, Марина.

Молчу, пытаюсь собраться с духом.

— Ты... ты понимаешь...

Взвизгнув, чувствую, как меня подхватывают на руки. А алые, сверкающие пламенем глаза, с яростью смотрят в мои. Зубы сжаты. Бледный, взъерошенный и взбешенный вампир вряд ли что-то хочет слушать.

Но тут дверь снова открылась, и появился Хорт. Мы оба на него посмотрели.

— Меч забыл...

Охотник удивленно уставился на нас. Правая бровь невыносимо-элегантно выгнулась, а я почувствовала себя героиней дешевых фэнтезийных романов, где сладко спящую девицу крадут толпами все, кому не лень: вампиры, пираты, рыцари, пролетающие мимо драконы (перекус по дороге). Она же только попискивает от удовольствия, покорно влюбляясь в каждого, у кого меч длиннее, ну или хвост круче.

— Вирх. А я думал, что ты готовишься к счастливой свадьбе и сидишь в замке.

— Мы уходим. — Голосом можно резать сталь.

— Хм... — задумчиво. И эта наглая усмешка, которую я просто обожаю. — Похоже, невеста от тебя не в восторге. Не хочешь отпустить?

— Ты отказался. Сам. Претензии? — чуть склонив голову набок и сузив пылающие глаза.

— Я передумал, — сбрасывая куртку на кровать.

В шоке смотрю на него. В голове — хаос и полная неразбериха. Он что?!

— Нарываешься?

Меня посадили на подоконник. Сажу молча, не зная, что думать, и боясь поверить сказанному. Это как-то... чересчур.

Вирх подходит к охотнику. Движения — мягкие, спокойные, но внутри пробирает дрожь. Хорт усмехнулся и вытащил меч из ножен на стуле. Судорожно вздыхаю и... не знаю, что делать. Их сейчас не разнять.

А из пальцев Вирха уже медленно выходят длинные тонкие лезвия, отражающие блики пылающей за окном полной луны. Он прикрыл глаза и исчез. На целых две секунды — как и Хорт...

Эти две секунды мое сердце не билось.

Визг, вопли, надсадный писк, и две морские свинки сидят на ковре, пытаются рычать на орущую на них птичку.

— Потоптались! Ежели я тут лежу, значит, ковер?! Вот так и ходите! Аж три раза! НА ВСЕ ПОДРЯД НАСТУПИЛИ!

Меня трясет. Не пойму — от страха или от холода? Крысками они были... хуже. Не такие... милые. Нет. Все-таки трясет от смеха, вырывающегося из горла с полувсхлипами и рыданием. Смеюсь, сползая на пол и вцепившись рукой в подоконник.

А свинки, презрительно осмотрев друг друга, молча пошли ко мне.

Я обеих взяла на руки, прижала к сердцу и тихо прошептала в мягкие ушки:

— Ни за что вас теперь не расколдую. Слишком вы мне дороги. Оба.

Ужас в глазах зверьков. И злобный хохот ковыляющей ко мне феи за их спинами.

Глава 36

Все шло чудесно. Уже прошла целая неделя абсолютного счастья. Я ела со свинками, пила со свинками, даже купалась с ними. Обе при этом сидели на краешке бочки и смотрели на меня такими масляными глазками... словно я зря изрезала три простыни, сооружая более или менее приличный купальник.

Фея отходила, поправлялась и ела за троих. Собственно, только с ней я и могла поговорить. Вот и сейчас, сидя по уши в ароматной воде, я общалась с птичкой, сонно зевая и щурясь от удовольствия. Свинки похрюкивали на подушке, снова что-то не поделив. Та, что с алыми глазками, пыталась что-то объяснить той, что с черными, бурно при этом жестикулируя лапками. Черноглазая ковырялась миниатюрным мечом в зубах и мрачно кивала.

— Марина, — со стола, довольно.

— А? — отвлекаясь.

— Еще вино есть?

— Так бутылка же была?!

— Ну... — глубокомысленно. — Была.

— Пьянь.

— Иди ты.

Помолчали. Продолжаю плескаться, клонит в сон.

— Слушай... а он и вправду в меня влюблен?

— Вправду.

Хмурюсь.

— А ты сейчас о ком?

— А какая разница? — отодвигая лапой блюдо с сыром. От греха, так сказать, подальше.

— То есть оба?

— Нет.

— Придушу. — Нет, ну сколько можно мотать мне нер...

— Хорт любит по-настоящему. А Вирх... по-родственному, — сообщила пьяная фея.

Свинки застыли и обернулись, наострив ушки.

— Как это — по-родственному?

Тяжелый вздох со стола. Но мне все же объяснили:

— Одно тело — одна душа. Так повелось со дня сотворения мира. Есть, конечно, тела с двумя... но не душами, а половинками, дополняющими друг друга.

— Я — половинка?

— Не перебивай.

— Грр...

— Тело Вирха смогло вместить в себя аж две души! Я как-то этого не совсем ожидала — думала, что твой дух выбьет его душу, и всего делов.

— Гм.

— Но вы удержались. Оба. И даже сумели сосуществовать какое-то время. Вывод — вы души настолько родственные и похожие, что связь между вами — гораздо сильнее любой другой. Пока ясно?

— Не очень, — хмуро.

— Он тебе брат, ты ему — сестра. Так понятно?

— Э-э-э...

— Ну образно говоря. А так — все раз в сто круче, выражаясь твоим языком.

— ...А свадьба?

— Можете пожениться, мне-то что.

— Замуж за брата? — с ужасом.

— Да хоть за свинку! Отстань, я спать хочу.

Смотрю на свинок. Те снова о чем-то шепчутся.

Ох и не нравится мне эта их сплоченность перед бедой. А что делать.

Утро следующего дня выдалось свежим и бодрым. Сначала в открытое окно ворвалась молния и попала в птичку (сверкающий силуэт неверяще смотрел на мир, искря разрядами), потом пошел дождь, грохнул гром, и... мне пришлось доползти до окна и все-таки его закрыть, зевая и сонно потягиваясь. Вернувшись к кровати с умилением посмотрела на скатившихся в ямку на подушке свинок. И рухнула сверху, засыпая в падении. Свинки выжили.

Еще через час меня снова разбудили стоны со стола. Я замычала и дернула ногой. Стоны стали громче и решительней. Пришлось кинуть пульсар, сумев наколдовать его во сне. Не знала, что я так умею.

Визг и жар резанул по нервам. Поморщившись, отправила следом заклинание холода. Там что-то ососулилось — я не вникала. Свинка с черными глазами тихо икнула. Алоглазая провела лапкой у горла, кивая второй и мрачно шурясь. Черноглазая еще разок икнула.

Потом сопели уже втроем.

До обеда меня так никто и не разбудил. Ура.

А в обед...

Села на кровати, зевая во весь рот, потом встала и подошла к столу. Черно-грязно-серая мокрая сосулька смотрела на меня человеческими глазами, раскрыв клюв. Зрелище — ужасало. Пришлось опустить несчастную в воду (бочку еще не убрали) и оставить плавать так.

— Так. Я — за едой. Скоро буду. Тебя полечить?

Глаза «сосульки» расширились до предела. Я расценила это как вежливый отказ.

— Ну как знаешь. Ребята, вы со мной?

Свинки мрачно сидели на подушке и синхронно показывали мне средние пальчики.

Что-то на меня с утра все обижаются.

И только выходя за дверь, я вспомнила, что средний палец — это один из завершающих знаков в заклятии подчинения. Ребята просто хотели подчинить меня своей воле! Улыбнувшись, я смущенно зарылась пальцами в волосы. А я-то уже испугалась... Кстати, ну и что бы они стали делать потом? Хотя понятно что — заставили бы их расколдовать.

Ну уж нет. Они чересчур милые. И выбирать никого не надо.

И монстр в моем лице бодро зашагал на кухню, дабы получить полноценный обед у повара. На кольцо, которое я вчера дала хозяину, трактирщик обещал содержать меня тут не меньше месяца, а также кормить и сносить все капризы. Что не могло не радовать.

— А вот и обед!

Свинки свисали с краев бочки и мрачно смотрели на воду.

— Что там? — аккуратно ставя поднос на стол.

Ой, фея.

Подбегаю и тоже склоняюсь над водой. К поверхности поднялись крохотные пузырьки, я разглядела что-то черное в глубине.

Фею вытащила, привела в чувство, подлечила и напоила вином. Птичка отошла и попыталась высказаться — не получилось: горло все еще плохо работало. Я только порадовалась, сочувствуя в целом.

Грызуны жевали сыр, повернувшись ко мне спиной и сидя в тарелке с фруктами.

— Ну. И чего дуемся?

Сажусь. Беру бутерброд и осторожно чешу коготком за ушком Хорта. В палец плотоядно впились. Глаза сверкнули и... окосели.

Послышалось чмоканье, и свинка блаженно осела на все четыре лапки.

Блин... совсем забыла, что он вампир.

Вторая свинка крайне неодобрительно смотрела на своего собрата. Сую ей в нос второй палец, хоть мне и больно.

Палец царственным жестом отодвинули. Снова сую, выбив зуб и чуть не заехав в глаз.

Укусил.

Чмокают вместе.

Хм. А ведь я вполне смогу их прокормить.

— Им бы хватило и пол капельки. — К фее вернулся голос. Сидит рядом с вазочкой, в которую я налила вина, и смотрит на нас мутными глазами. — У них эта... зависимость будет. И ломка. Возможно.

Отбираю пальцы. Ну да, а кто мне их отдаст? Пришлось бороться, спасая фаланги. После чего икающие свинки упали на стол, с умным видом пересвистываясь и жмуря довольные глазки.

— И что теперь с ними будет?

— Ну один раз — не страшно. Но больше не рискуй.

Бу-ултых! Фея все же наворачнулась в вазу и теперь, вполне довольная, лежала в алой жидкости, отпивая прямо с поверхности.

— Да, кстати. А ведь у твоей крови есть и еще одно, довольно забавное, свойство.

— И какое? — почесывая пузо пушистику.

Вспыхнуло. Грохнуло. Два голых мужика возлежали на столе, опасно накренившемся вбок.

— Оно устраняет ранее наложенные на вампиров заклятия.

— Я уже догадалась, — сквозь зубы. Отводя руку от брюшка Вирха.

А на меня смотрели две пары самых незабываемых во всем мире глаз.

Гм... пойду я, пожалуй. Прогуляюсь.

И дверь с грохотом врезалась в косяк.

Глава 37

Меня догнали, вернули, прибили... заклинаниями к кровати. После чего устало уселись на стульях рядом, прожигая гневными взглядами и разыскивая признаки совести на лице. Я старательно изображала раскаяние и криво улыбалась. Говорить не рисковала, опасаясь, что поймут: не раскаиваюсь.

— Итак. — Хорт сходил за птицей и предъявил мокрую икающую тушку поморщившемуся вампиру, удерживая ее за хвост. — Значит, говоришь, принц любит Марину как брат?

В мозгу что-то щелкнуло. Я вспомнила заклинание котенка. Так... но если я люблю Вирха тоже как брата, то... почему тогда не смогла выговорить имя Хорта?

— Да. — Фея, икая, покачивалась над полом.

— Нет. Я люблю ее как свою женщину, — почти спокойно.

Сердце замирает в груди. Прикусываю губу, стараясь дышать ровно. Хорт приблизил фею чуть ли не к носу принца.

— Ты просто никогда толком никого не любил. А тут такое... чудо, — покорно вещает она.

— Хм, — выгнув дугой черную бровь, — но ведь это легко проверить. Если она моя суженая, то после укуса должны были начать резаться клыки.

Все посмотрели на мой рот.

— Нету, — тихо.

Столько пальцев сразу мне в рот еще никогда не пихали.

— И вправду нет. — Хорт выглядит немного обескураженным, посасывая прокушенный мизинец. Жаль, не откусила. Хоть бы руки помыл.

— Значит, как сестру...

Прекращаю отплевываться, хмурюсь. Мне не нравится взгляд Вирха.

— Что ж, тогда всего доброго. — Хорт с усмешкой протянул руку вампиру.

— Обойдешься. Я хочу провести еще пару тестов. Один — не в счет.

Фея тихо хмыкнула, я отчего-то напряглась.

— Каких тестов?

— А можно, можно я расскажу?!

Хорт кинул птицу на подушку, не обращая на нее внимания. Его в данный момент интересовал только Вирх.

— Там тесты — это нечто! — не унималась пьянчужка. — Мой любимый: забеременеешь или нет!

У Хорта дернулась щека. Еле заметно, но я заметила.

— Эм...

— Не волнуйся. Все вампириши начинают беременеть всего через год совместной жизни, — уточнил Вирх, взглянув на меня.

— Экспериментатор хренов, — сквозь зубы я.

Вирх и Хорт же снова стояли друг напротив друга. Только в руке у охотника был крохотный не расколдованный меч, который он зачем-то сжимал в пальцах, вампир же выпустил вполне настоящие когти и сузил глаза.

Нет, ну неужели опять?!

Но тут, как в романе, в комнате возник огромный черный клыкастый зверь, сверкнул когтями, зарычал. И низким грудным голосом возвестил:

— Вирх! Тебе нашли новую суженую, сестра сказала, это была... не та.

Зверь замер и удивленно уставился на парней.

— Вирх! Ты меня слышишь?

— Фас! — крикнула я с кровати.

Ну. Он и укусил — Хорта.

Птичка радостно смеялась, катаясь по простыне. Охотник, ругаясь, пытался развести сжавшиеся на его пятой точке челюсти пантеры. Я же с трудом сохраняла спокойствие, стараясь быть как можно менее заметной в этой комнате. И только Вирх просто стоял в сторонке и смотрел... на меня.

Вирха уговаривали месяц.

Он везде ходил со мной: таскал на руках, дарил цветы, подарки... даже спал со мной рядом. Правда, не раздеваясь. Все доказывал, что никто другой ему не нужен и что никому он меня не отдаст. А я все искала на непроницаемом лице Хорта хоть какие-то признаки глубокого страстного чувства. И не находила. Что буквально убивало.

А еще через три недели, когда я уже почти согласилась на помолвку с Вирхом, прибыла его сестра, заперлась с ним в комнате и три часа о чем-то говорила, наложив на дверь и стены чары тишины.

Не знаю, какие она там аргументы приводила, но в итоге Вирх вышел, привлек меня к себе, чмокнул в лоб и сказал, что будет скучать. После чего отвернулся и пошел по коридору, оставив меня стоять с широко открытыми глазами и смутным ощущением того, что меня снова бросили.

— Мурз, останешься с ней. И чтобы ни один волос... — не оборачиваясь.

— Я понял. — Пантера ощерилась клыкасто и зевнула.

Вампир кивнул и исчез за гранью открывшегося перед ним перехода.

— Я ему сказала, что ты беременна, — шепнула проходящая мимо «сестренка» и, улыбнувшись, также исчезла за гранью, растворяясь вместе с порталом.

Тяжело дышу, приходя в себя и чувствуя, как все тело бьет дрожь. Сволочи.

Поворачиваюсь к Хорту. Он, уже одетый и собранный, выходит из комнаты и, поведя плечами, идет по коридору к лестнице, ведущей на первый этаж.

Смотрю ему в спину и судорожно сжимаю кулаки, чтобы не броситься вслед. Сердце мечется в груди загнанным зверем, на глазах закипают слезы. И что-то внутри подсказывает мне — если бросят второй раз за сегодня... не выдержу.

Хочется окликнуть, побежать следом, забиться в угол...

Но стою и молчу.

Вот и все, конец сказки. Привет, реальность...

— И долго ты там еще стоять будешь? Жду тебя ровно пять минут. Потом догоняй как знаешь.

И парень моей мечты нагло протопал вниз по лестнице, так и не удосужившись оглянуться.

И что вы думаете? Я фыркнула, задрав нос? Послала его на все четыре и наградила проклятием? А может...

А не может. Я кинулась в комнату, подхватила куртку, по дороге натягивая сапог и чуть не падая на бегу. Фею сгребла в капюшон и, уже вылетая в коридор, вспомнила о втором сапоге. Блин!

...Но он ждал! Он стоял и действительно ждал меня у входа в таверну. Похлопывая по бедру перчатками, хмуро наблюдая, как я кубарем скатываюсь с лестницы, возведя глаза к серому с недосыпа небу.

— Я — все! — запыхавшись и пытаясь улыбнуться.

— Пошли, — кивает он и первым направляется вниз по улице.

Прекрасно зная, что я пойду следом.

Глава 38

Счастье кружит голову. Моя сказка стала былью! Хорт — рядом, на небе светит солнце, выглядывая из-за редких облаков; птицы прыгают по веткам, заливаясь трелями, а волосы треплют прохладные струи утреннего ветерка. Иду за охотником по тропинке, напевая что-то под нос и не переставая улыбаться. Вспомнились подворотни, канавы, затравленный взгляд на мир и людей, постоянный голод и резь в желудке... и отчаянная вера в чудо, гнивающая и погибающая в душе.

Я ведь все готова была отдать. И жизнь, и веру, и все-все. Лишь бы все закончилось. Неважно как. Неважно чем... лишь бы это прекратилось.

И ведь прекратилось.

Одно-единственное грязное колечко и полувменяемая фея подарили мне новое тело, новый мир, уверенность в будущем и любовь. Вот он — мой принц на белом коне. Идет впереди, не оглядывается, ибо хмур и думает о высоком и чистом. Я ему столько всего сделала... убила, обратила в нежить, сделала вампиром, перекроила судьбу... Любой другой возненавидел бы. А он смог простить и полюбить. Странно, но факт. И я счастлива.

— Марина.

— А?

Огромная черная кошка шагает рядом и задумчиво на меня смотрит. Красивый хищный зверь, отличная защита. Сердце странно защемило. Вспомнился Вирх, но... я ведь не люблю его. Так зачем обманывать, трепать нервы и притворяться? Не люблю притворство — ни в каком виде.

— Ты... не жалеешь?

— О чем? — стараясь, чтобы ни единый мускул на лице не дрогнул.

— О Вирхе, — хмуро.

— Нет.

Дальше Мурз упорно молчал всю дорогу, задумчиво на меня поглядывая.

Мне разрешили нести все вещи и «не мешать ему думать». Мурз не дал переложить сумки на него. Он, видите ли, не носильщик, а защитник. Так что теперь все несу сама, покачиваясь от тяжести.

Какая все-таки сложная штука эта любовь.

Больше не могу. Сажусь на землю и зову Хорта. Охотник останавливается и недовольно возвращается.

— Что случилось? — И этот холодно-безразличный взгляд. А здорово он чувства маскирует. Еще немного, и я поверю, что меня совсем не любят.

— Я устала, — угрюмо. — И мне тяжело. Возьми хоть что-то.

— Сама же отобрала.

Нахмуриваюсь, сдвинув брови. Он вздыхает, подходит и берет часть сумок.

— А...

— Эти неси сама. Или брось здесь. Но не рассчитывай, что я буду кормить тебя своими запасами.

Кое-как встаю и, стиснув зубы, иду дальше.

Два часа спустя.

Да пошел он!

Лежу у дерева, задыхаясь и стараясь не смотреть на мелькающий среди корней кончик хвоста. Мурз бдит, но не помогает. Хорт куда-то ушел, последний километр он почти не оглядывался, рассчитывая, что я все так же иду следом.

Почему-то хочется разреваться и кому-то пожаловаться. Но кого-то нет, есть Мурз. И именно ему жаловаться совсем не хочется.

— За что он со мной так? Проверяет?

Черный кот сел и задумчиво на меня уставился.

— В чем?

— В любви! Он же... он же меня любит.

— Да?

Кое-как сажусь.

— Да! — с вызовом. Сумки упали на землю. Потираю плечо и пытаюсь вспомнить магию лечения.

— И кто же тебе это сказал?

— Фея, — пожала я плечами. — Да и заклинание приворота на него не подействовало.

— Ну-ну.

— Мурз!

Кот отдернулся, но я успела поймать его за ухо.

— Кончай нукать и говори прямо. Надоело! Я уже ничего не понимаю.

— Видимо... ты ожидала, что отныне тебя будут таскать на руках и целовать в уста сахарные? — И столько яда в тоне, я почти захлебнулась.

Склоняю голову набок и вопросительно поднимаю бровь, бдительно не отпуская ухо.

— В смысле?

— Он тебя не любит. Терпит. Рад, что его враг готов лизать ему ноги и делать все, что он скажет. Горд, что утер нос вампиру...

Я даже не поняла, когда ударила. Но кота подняло и швырнуло назад. Чуть не размазало о ствол дерева. Послышался хруст, запах паленой шерсти и шипение.

Я растеряннo встала, глядя на него и делая шаг вперед.

— Мурз?

Но кот уже кое-как встал, покачнулся... и снова рухнул на землю. В глазах — презрение и бешенство.

— Мурз... — тихо. Растеряннo. Ну чего он? Почему так себя ведет?

Осторожно подхожу, опускаюсь на колени и провожу дрожащей рукой по голове. Голова отдернулась, а в руку впились так, что хотелось орать от боли.

Глотаю крик и рывками выплескиваю магию лечения в него. Бли-ин, как же больно.

Так. Нормально, нормально. Все хорошо. А трясет меня не от холода, и в глазах мутится — оттого, что внутри очень больно. Мурз же переживает за своего хозяина. Просто... все всегда так просто!

По щекам катятся слезы, а ощущение ошибки в груди становится все больше и больше. Мне почти невыносимо дышать. Да что ж такое? Я получила свою сказку! Любимый человек согласен быть моим! Именно согласен. Но фея сказала!..

— Ты ей так доверяешь?

Я говорила вслух? Острые зубы осторожно разомкнулись, и удалось вынуть руку из его пасти.

— Я...

— Какая ты все-таки дурочка... В твоём мире все такие?

Сижу тихо. Спорить не хочется — я просто знаю, что права, и все тут.

— Ты явилась сюда, убила человека, сделала из него чудовище — одно из тех, которых он ненавидит всей душой. А потом заставила «жить». И теперь ожидаешь, что тебя не только простят, но и полюбят внезапной, неожиданной и чистой любовью!

Угрюмо молчу, стиснув зубы.

— А еще веришь не мне, а фее, которая изначально использовала тебя, которая потеряла все из-за тебя и стала тем, что недостойно даже дышать без приказа хозяина. Жалкой рабыней человеческого ребенка из сточных канав в форме слабого животного, зависимого от его крови. И ты веришь ей! Веришь так, словно она прожила с тобой всю жизнь и не раз вытаскивала тебя из дерьма, а не пыталась макнуть в него по самые уши и убить напоследок!

Упрямо молчу.

— Марина. Мне... если бы не Вирх, я бы тут не лежал. Ведь убивал и за меньшее. А ты просто пришла, разбила сердце моего принца, после чего выбросила его, как ненужную тряпку, — голос его креп и набирал силу с каждым словом все больше и больше, — и думаешь, что все хорошо! Что все отлично! Твоя сказка сбылась! И плевать, что думают остальные! Ты использовала всех. Поздравляю! Врага заставила быть рядом, друга заставила уйти, меня — охранять, а фею — защищать тебя, вопреки ненависти. И еще чего-то требуешь, чего-то хочешь. Удивляешься, почему не все счастливы и довольны столь замечательным концом!

Кот замер, отвернул голову и тихо повторил, прикрывая пылающие глаза:

— Я убивал и за меньшее... куда меньшее, Марина.

Меня трясет. Повторяю в двухтысячный раз, что все это неправда и ложь. Повторяю, повторяю, повторяю... И все равно слова буквально нанизывают душу на копыта и оставляют извиваться в агонии. Как больно и пусто внутри.

— Что сказала Вирху сестра? — Это мой голос? Скорее, карканье. Прекратить бы плакать. Надоело. — На самом деле.

Вспоминаю его улыбку. Поцелуй в лоб, ожегший кожу, и слова... Как я не заметила

боль? Как? Да обыкновенно. Слишком счастлива была. Радовалась так, что автоматически всем присвоила знак плюс, и плевать мне было на настоящие чувства.

— А есть разница?

Он встал, но я рывком удержала за шкурку. Зверь зарычал: низко, протяжно... страшно. Мне плевать. Пусть хоть голову откусит.

— Что сказала...

— Она сказала... — Замираю. Смотрю прямо в янтарь его глаз. — Что ты придешь сама. Позже. А пока я пригляжу за тобой. Только вот теперь тебе придется доказывать МНЕ право приблизиться к Вирху. Потому что я скорее сдохну, чем подпущу тебя к нему.

Киваю, встаю. Мне надо... где-то прилечь.

— Марина? — Ко мне приближается Хорт, удивленно хмурясь.

Угу. Вспомнил. Что я тоже должна идти где-то рядом.

Я... мне надо побыть наедине, подумать. Я никого не могу видеть. Перед глазами все расплывается, рука болит так, что ломит кости, и хочется скулить и плакать.

— Ты любишь меня? — с вызовом. Не отрывая взгляд от его черных, чуть расширенных зрачков. — Любишь?!

Мне нужна правда. Любой ценой только правда.

— Нет.

Опять. Я... у меня больше нет слов. Не получается даже что-то сказать — горло перехватило.

Магия плотным коконом окутала фигурку бледной девушки с искаженным лицом и... растворилась вместе с ней. Мурз и охотник остались стоять на поляне, глядя на выжженный след там, где она только что стояла.

— Что ты ей сказал? — Охотник говорил глухо, лицо его ничего не выражало.

— Тебе лучше исчезнуть. ОНА зла. Очень зла за брата. Тебе не стоило лезть.

Он усмехнулся и прикрыл глаза, глубоко вздыхая.

— И что вы все нашли в этой истеричке? Я бы давно ее прибил.

— Если бы не я.

— Если бы не ты, — покорно. И все с той же усмешкой.

— Не твоего ума дело, охотник. Тебе снова подарили жизнь — радуйся. — Презрение, сила, спокойствие. — И это последнее предупреждение. Еще раз увижу рядом с Мариной — тебе не жить. Запомни это и уходи.

Парень отвернулся, подхватил с земли оброненные исчезнувшей «принцессой» вещи и исчез между деревьев, так и не проронив ни слова.

Черный хищник же огляделся по сторонам, принялся и побежал в лес. Надо было срочно найти девушку. Возможно, перегнул палку. Не стоило так уж прямо. И если с ней что-либо случится, Вирх не простит. Мурз с сестрой принца еле смогли убедить его отпустить девушку хоть ненадолго, чтобы дать разобраться в себе. Потом — едва удержали от убийства охотника: Марина бы не простила. Да что там говорить. Надо срочно найти ее. В ней только что умерло детство и умерла вера во все доброе и светлое разом. Как бы чего не натворила.

И черная тень скрылась между ветвей, скользя в лишь одной ей известном направлении.

Глава 39

Сидя на ветке старого дуба, задумчиво смотрю на кроны деревьев. Осень пришла. Листья желтеют, опадают, собираются в стайки и носятся на крыльях ветра... Поэтично? Очень.

Вздыхаю и хмуро улыбаюсь. И ведь бывает же такое. Я сейчас могу так много... наконец-то почти все. А ничего не хочется. Только сидеть, смотреть на вялый листопад и

шептать под нос слова заклинания, вызывающего ветер.

Глупо.

И мысли какие-то вялые и ненастоящие. Правая рука все еще ноет.

Невольно представила себе картинку: я вхожу во дворец, кидаюсь на шею ошарашенному принцу и говорю, что была неправа и готова пожертвовать всем! Лишь бы выдержать его как мужа. Так как одной — страшно. А еще больно и очень одиноко.

Н-да-а... а тут еще и эффектно появится эта его новая невеста... скажет мне пару ласковых и звезданет по роже когтистой лапкой.

Хочется ругаться. А еще выпить и курить очень хочется. Мурз меня бросил. Хотя это, скорее, я не хочу его видеть. И моя магия, послушная, словно ребенок слову матери, как-то делает так, что кот не может меня найти уже второй час. Хотя пару раз я видела его сквозь листву. Но он пробежал мимо. Последний раз — с полчаса назад.

Вздыхаю, откидываюсь назад и закрываю глаза, подставляя лицо лучам солнца.

А ведь Мурз прав. Хорт никогда не говорил мне, что любит. Часто — что ненавидит, но что любит... А поцелуй? Он же целовал меня. И ему нравилось...

Да нет, — морщусь, — нравилось, что такая, как я, готова на все ради него. Нравилось унижать принца вампиров. Нравилось...

Стискиваю до боли зубы, но слез больше нет.

Но я бы все равно не поверила. Мне плевать на все доводы и слова. Мне плевать на все. Я бы все равно ушла с Хортом. И плевать! Если бы только он сказал «да». А он... глядя мне в глаза, сказал «нет». И ни тени фальши.

Что я там говорила недавно? Ненавижу ложь. Хм... даже странно. Вон сколько уже успела ее нагородить.

Мне бы выпить.

Спускаюсь вниз, сую руки в карманы куртки и на ватных ногах иду в какой-то портал, послушно распахнувшийся прямо передо мной. Опять же магия. Моя полумразумная магия...

Таверна. Дым, ругань, гул голосов и стук кружек о дерево столов. А также запахи, много запахов жарящегося мяса, прокручиваемого с луком на вертеле.

Так это был портал в таверну? Отлично. Вон у стены даже есть свободный стол, как кстати.

Пока проталкивалась между пьяных мужиков — пару раз хлопнули по заднице, один раз схватили за грудь. Всем троим врезала когтями так, что расплосовала рожи. Не смертельно, но больно. А еще одной, совсем буйной, компании гномов показала минипульсар. Полезная штука, сразу уважение в глазах и снятие всех вопросов.

Падаю на лавку, жестом подзываю официантку. Или кто она там? Запоздало вспоминаю, что денег нет.

А, нет... кое-что нагребла в кармане.

Подлетает высокая румяная девица и... проносится мимо, вильнув шикарным бедром. Угрюмо зову следующую.

Ноль внимания, фунт презрения...

Шарахнула фаером в потолок. Пара балок рухнула.

Тишина. Гробовая.

— Хочу жрать, — тихо и отчетливо.

И уже через минуту ко мне подходит предельно вежливый хозяин и мягко спрашивает — чего госпожа маг изволит.

Пить изволю. И есть. И мне плевать, что будет дальше.

Гм. Ик. О-о... Вино — весчь!

Мне уже не так дерьмово. Все такие ми-илые-э-э... Даже тот дяденька. С усами. Целоваться полез, нахал. Пришлось создать какую-то хренотень, чтобы мягко оттолкнуть

шалуна. (Шалуна вынесло вместе с дверью и частью стены, следом улетели стол и пара обывателей. Остальные слиняли сами, не дожидаясь новых выходов пьяной в хлам магички.)

Сижу обиженная, обделенная и одинокая. Стало как-то сильно себя жаль. На подбородок упала скупая женская слеза.

— Марина.

О! Киска-а...

Улыбаюсь пушистику и тянусь его погладить.

Тяжелый вздох, за ушком почесать... дают. Притягиваю кота к себе и падаю на пол, утыкаясь носом в мягкую шерсть и начиная тихонько завывать.

— Ты сколько выпила? — удивленно, на ухо.

Завывания перерастают во всхлипы, а уже оттуда в полноценную истерику — со слезами, соплями, размазываемыми кулаком, и бессвязными признаниями, что жизнь — дерьмо, мир населяют уроды, а котик ха-а-ро-оший. И вообще я его люблю.

Так они и уснули на полу таверны, среди объедков и грязи: огромная черная пантера и миниатюрная хрупкая ведьмочка. К зверю приблизиться до утра никто так и не рискнул. И впервые за долгое время девушке снились сны. Полные абсолютной чепухи, страшных моментов и огромного количества влюбленных принцев на черных конях. Кажется, она отбивалась от них драконом, который все норовил спрятаться за спиной магички, а возмущенные принцы при этом упорно напирали, не боясь угроз и не реагируя на ругань.

Кот жарко дышал ей на ухо. Ветер из выбитого телом проема охлаждал тело. Но... вино сделало свое дело. Она успокоилась и даже подпустила к себе Мурза, чему последний был несказанно рад.

Глава 40

Утро ворвалось трелями птиц, запахом шерсти и болью в голове.

Сажусь, тру виски, меня качает и тошнит. Перед глазами проявилась усатая черная морда, перепугав до колик. Мурз спросил: как я?

Гм... вспоминаю вчерашнюю истерику, пьяный ночной кошмар из принцев, сказок и прочей чепухи. Закончился сон, кстати, оригинально: я вышла замуж за сына Франкенштейна, и у того отвалился палец, как раз когда я на него навинчивала обручальную гайку. Я еще подумала, что сказка снова злобствует, и очень захотелось прибить фею.

— Нормально. Впервые в жизни, наверное.

Непонимающий взгляд.

Встаю, держась за стол, разыскивая взглядом воду и одновременно излагая глубокую мысль коту:

— Я ж повернулась на всем этом. Всю жизнь ждала сказки, принца. Мечтала, что все то дерьмо, что со мной происходит, наконец-то закончится, и я резко стану счастлива. Так что... когда принцев стало два, меня переклинило. Я ведь действительно влюбилась в Хорта... и в Вирха, — подумав, — наверное, в них обоих. Только в Вирха — как в тот идеал всех принцев, который описан в старых рваных книжках, лежащих в бабушкиных чуланах, а в Хорта... О. Вода! — Достāju кувшин, радостно пью. Ногy аккуратно царапают, намекая, что не я одна страдаю от жажды. Делюсь последним. — А в Хорта — как в мужчину. Ну и... в итоге принц куда-то ушел, мужчина моей мечты меня послал, обещанная сказка рухнула. Как итог — у меня истерика.

Хмуро смотрю на огромного кошака, держащего передними лапами кувшин и старательно из него пьющего.

— Гм, — сообщили из кувшина.

— Кх-кх, — от дверей.

Задумчиво оборачиваюсь и вижу крайне потрепанный силуэт белой птички, сидящей на пороге, — почему-то грязной, мокрой и с перекошенным клювом. Ах да, на нее же

наступили. И крыло волочит. Это она меня на своих двоих искала? Фею стало жаль.

— И что ты намерена делать теперь? — Кувшин упал на пол и раскололся.

Я почему-то подумала, что вот и моя сказка вчера раскололась, и теперь ее фиг склеишь. Хотя... когда Хорт позволил-таки быть с ним, я так радовалась, была настолько уверена, что сказка закончилась и настал хеппи-энд...

А потом пришел кот и все испортил.

Вирх теперь в замке — ждет, когда я, роняя сопли, прибегу и сообщу, что была неправа и согласна на трон и богатства. Хорт вообще по лесам скитается в виде вампира-недоделка. А я напилась на пару с Мурзом в какой-то грязной занюханной таверне.

— Там воды больше нет? Ты все выпила почти.

Оглядываю стол.

— Нет.

— Трактирщика позови.

— Сам зови. — Мрачно разглядываю черную морду. Во-от кто мне все испортил.

Внутри поднимается возмущение, кота хочется придушить.

— Эмм... а вот я... — от дверей. Неуверенно.

Иду к птице, перепуганно наблюдающей за мной левым глазом, беру ее на руки и несую комок перьев обратно к столу.

Потому как снаружи уже давно льет дождь.

Мы нашли хозяина таверны (на кухне). Мне обещали комнату, горячую ванну и еду. Коту — сливки и много сметаны. Птице — семечек (фея так и не смогла изобразить радость).

Так что, поднявшись наверх и скинув грязные вещи, я окунулась в восхитительно горячую воду и наконец-то расслабилась, глядя в затянутый паутиной потолок и довольно улыбаясь.

Кот лежал у окна, лениво шевелил ухом в ответ на раскаты грома и смотрел на меня. Фея рискнула попытаться отмыть перья, сидя на моей ноге и аккуратно макая крыло в воду.

— Так ты так и не ответила на мой вопрос.

— Ммм?

— Что собираешься делать теперь?

Фея барахталась у колена, пытаясь снова на него залезть. Я помогла.

— А ничего.

Напряженный взгляд вертикальных зрачков.

— Не бойся. Ни за принцем, ни за... Хортом я бегать не собираюсь. Просто в этом мире, да еще и со своими новыми способностями, я всегда смогу найти работу. Посевы там от порчи заговорить, мертвяка упокоить. Да мало ли дел для молодой ведьмы. — Хмыканье. — А принцы... знаешь, я ведь могу создать и собственную сказку. У меня вполне может получиться своя жизнь с забавными историями и приключениями. Я больше никогда и ничего не хочу ждать и выпрашивать. А любовь. Любовь найдет меня сама. Я не собираюсь больше искать ее и завоевывать — бесполезно.

С этими словами я и окунулась в воду с головой, не собираясь слушать возражений кота или реплик феи.

И не видела, как кот усмехнулся и принялся довольно вылизывать передние лапы.

Из трактира мы вышли под вечер. Мурз сказал, что не оставит меня даже под страхом смерти. Впрочем, я и не спорила. Фея расписывала, что у нее что-то там замкнуло в магии, и теперь она может колдовать только в моем присутствии. Не знаю, что у нее там замкнуло, но данный факт меня вполне устраивал.

Жаль только, коня у нас не было. Ну да и на своих двоих не пропадем. Трактирщик же настолько радостно махал нам вслед, что просить у него лошадь, даже в обмен на услугу магического плана, как-то не хотелось. Тем более что с нас и так не взяли денег за еду и ночлег.

Лес снова принял меня в свои объятия, направляя вглубь по едва заметной тропинке и заполняя тишину звуками шелеста, щебета и стука. Я давно уже свернула с главного тракта, решив срезать, и теперь шла по едва заметной тропке, все больше убеждаясь, что заблудилась. Не люблю лес, всегда неуютно чувствовала себя среди деревьев и кустарников. То ли дело город. Всегда есть у кого спросить дорогу, на каждом углу понатыканы указатели, номера домов. Мимо пешеходов разгоняются оживленные магистрали с подкопами подземных переходов и ветками метро. Здесь же... на дерево, что ли, залезть? А то так совсем заблужусь.

— Фея, летать можешь?

— Нет. — Кот, сидя в капюшоне и кайфуя от долгожданного отдыха.

— Тогда полетит Мурз.

Удивленный взгляд медовых глаз. Но я уже вдохновенно колдую, забирая у кошки вес.

Мурз воспарил. Причем неплохо так. С ускорением. Видимо, я что-то там перепутала с расстановками гравитационных полей. И теперь он повис, вцепившись в толстую ветку в пяти метрах над землей, на повышенных тонах выясняя, кто это сделал.

— Мурз, раз уж ты там, оглядись! Города не видно?

Мне объяснили, что конкретно он видит.

С тяжелым вздохом колдую все назад. Ну хоть это я теперь умею. У ног рухнула черная туша. Мурз, кажется, начал понимать, во что вляпался.

Подхожу к дереву и сама лезу наверх. Кто-то же должен.

Я на вершине. Вот только дерево маленькое. Надо было лезть на соседнее. Хм. А если перепрыгнуть?

Внизу запаниковали.

— Марина, не вздумай! Мне за каждый волос, упавший с твоей головы, обещали клочок шерсти выдрать!

Киваю и, оттолкнувшись ногами, прыгаю. Если что, кот наверняка поможет.

Кот помог — я на него упала. Что-то день у меня как-то плохо начался. А впрочем, идея прыгать с ветки на ветку все равно была как минимум глупой.

Снова лезу, но уже на нужное дерево. Мурз пытается меня остановить, поднимаясь на лапы.

— Марина!

— А?

— Я второй раз не поймаю!

Смеюсь и объясняю, что я не упаду. Даже делаю вид, что падаю.

Рука соскользнула.

Зря я делала вид.

И снова вверх! Кот тихо объясняет, кто я есть, а еще говорит, что так мстить — подло.

А я мщу? Судя по его виду — да, причем жестоко. Ну и ладно.

Я на вершине! Вокруг — море деревьев и никаких признаков города. Хмурюсь, держась за ствол и сидя на тонкой ветке. Куда же идти? Вдали темнеет что-то вроде поднимающегося вверх столба дыма. Костер? Улыбаюсь и замечаю направление. Потом спускаюсь вниз, обдумывая очевидные вещи: где костер — там человек, где человек — там карта, а где карта — там направление, в котором надо идти к городу. Я гений.

Кот сидит у дерева. Спрыгиваю вниз и сажусь на его спину.

— Не понял, — хрипло.

— Вон там, — показываю вперед, — костер. Но если пойду на своих двоих, то точно не успею.

— А я при чем?

— Ну не хочешь — тогда что-нибудь наколдую. — Кота перекосило, — Так мы едем? — склонив голову набок.

Ветер скользнул в волосах, над головой закричала какая-то птица. Пантера тяжело вздохнула и медленно поднялась на мощные лапы.

— Только держись крепче.

Киваю и почти ложусь на Мурза, вцепившись руками в мягкую густую шерсть. Птица еще сильнее окопалась в капюшоне.

— Мы готовы.

— Так куда, говоришь, идти?

— Туда.

И первый же прыжок заставил задохнуться и радостно взвизгнуть, крепче цепляясь за шерсть.

Скорость магического кота — это не шутки. И я очень надеялась, что не рухну до конца путешествия.

Деревья мелькали перед глазами. Ветер бил в лицо с силой руки, пытающейся сдернуть и оставить на месте. Пару раз перед глазами промелькнули дикие кабаны: застывшие, с открытыми ртами и маленьким бусинками удивленных глаз. Мурз перемахивал через них, оттолкнувшись в прыжке от спины самого наглого, и потом неплохо уходил от погони озверевшего самца.

Было весело и довольно удобно, что необычно. Правда, пару раз все же хлестнуло ветками по касательной да одной из них распороло рукав куртки. Зато как летели! Всю жизнь бы так каталась.

Два часа спустя.

— Приехали. Слезайте.

Падаю на землю, не сумев толком слезть. Пальцы одеревенели, в ушах немилосердно звенит. Хорошо хоть, фея вовремя успела выпорхнуть на волю и теперь где-то летает.

— Ну как? — В голосе нотки самодовольства.

Сажусь, откидываясь на ствол дерева и показывая большой палец. Мурз явно польщен.

— А где?..

— Там, — ткнули лапой. — Ты что, не чувствуешь запах рыбы?

Принюхиваюсь, сглатываю. Мы с утра, считай, ничего и не ели. Так что теперь голод буквально скребся о ребра, заявляя о себе.

Встаю и медленно иду к скрытому костерку, стараясь более или менее контролировать подкашивающиеся ноги. Надеюсь, путник, кто бы он ни был, угостит нас рыбкой, а то сорвусь.

Стволы медленно расходятся, слышен плеск бегущей воды. Выйдя из-за деревьев, вижу речку и пасущуюся неподалеку от небольшого костерка черную лошадь. Парень, одетый только в штаны, сидит рядом и снимает куски рыбы с огня. Кашляю. Меня замечают и поднимают голову. Смотрю в черные глаза охотника и... молчу.

Он тоже. Просто сидит и смотрит, чуть сощутив глаза. Словно мы и не расставались. Словно ничего не было. Просто какая-то незнакомая девчонка — встрепанная и чуть запыхавшаяся — вышла из-за деревьев погреться у огня.

— Привет.

Мне позволили сесть и даже накормили. Ну... как накормили — не стали отбирать то, что брала сама. Смотрел он спокойно, говорил мало, в основном — отвечал на мои вопросы, да и то односложно вроде «да» или «нет».

А еще подарил карту и как-то странно поглядывал на кота. Задумчиво так. Мурз же всю его игнорировал, поглощая обед.

— Спасибо. — Встаю и неуверенно улыбаюсь. — Пойду я, пожалуй.

Я себя сейчас ненавижу. Ну вот что мне стоит задрать нос и гордо процедить: «Прощай, Хорт». Так нет же. Тонкие черты бледного лица, черные, с искрами в глубине, глаза и эта его вечная челка, из-за которой так сложно разобрать взгляд. А еще он высокий, гибкий, стройный и... такой родной, что тянет где-то в груди.

Хорт кивает. До скрежета стискиваю зубы.

— Мурз, подвезешь?

Тяжелый вздох пантеры и демонстративно подставленная спина.

Осторожно залезаю, стараясь не смотреть на охотника. Все, сказка закончилась. Достаточно, Марина, хватит.

Внезапно плечо сжимают, не давая уехать. Застываю. В горле — огромный ком. Сглатываю и стою, пока сердце колотится как сумасшедшее.

— Что? — Мой голос такой тихий и хриплый. Ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу!..

— Не уходи.

Мурз ошарашено обернулся и теперь видит его лицо. А я не вижу...

— В каком... в каком смысле? — Плечо чуть подрагивает, и убивает уже то, что он это чувствует.

Меня стянули со спины кота и сжали в объятиях, уткнувшись в шею.

— Просто не уходи. Останься.

Мысли в голове какие-то рвано-сумбурные. Думаю сразу обо всем и ни о чем. На глазах закипают слезы и катятся по щекам, а сердце колотится так громко, что легким не хватает воздуха.

Блин! Ну вот почему? Зачем он так со мной? Он ведь... если еще раз бросит — уже не оклемаюсь. Я ведь улыбаться разучусь. Я с ума сойду, мне...

— Люблю тебя, — тихо. На ушко, не отпуская.

И я успокаиваюсь, резко. Мысли заканчиваются, поворачиваю голову и... чувствую вкус его губ на своих, все еще задыхаясь от боли...

— Я предупреждал тебя, вампир.

Не помню, сколько времени прошло. Он смотрит на кота, все еще обнимая меня. Тоже поворачиваю голову и с удивлением вижу, что Мурз сильно изменился.

Клыки, когти, отливающие металлом. Сверкающие янтарем глаза, и... кот стал крупнее, сменив окрас. Вокруг головы вылезли длинные, прилегающие к телу иглы.

Это и есть его истинный облик? Необычно.

— Мой хозяин скоро будет здесь. Ты не сдержал слово.

— И не сдержу. — Голос спокойный и ровный. Меня не отпускают.

— Ты же говорил, что тебе просто нравится, как унижается твой враг. — Кот сел, но не расслабился. Напряжен и собран, словно перед прыжком... Убежать нам давать не собирались.

Стараюсь не вникать в смысл слов. Снова разочаровываться и убегать от Хорта я уже просто не в состоянии.

— Вначале — да. Потом... понял, что она мне пока нужна.

— Хм.

Молчание. Очень хочется спросить: до каких пор? Но не решаюсь.

Ветер резанул листву и скользнул мимо нас, подняв золотистую пыль с травы. Вчера на поляне плясали цветочные феи. Они эту пыльцу обожают — мне моя фея рассказывала. Кстати... а где она? А впрочем, неважно.

Кот и Хорт продолжали стоять напротив друг друга, чего-то выжидая. Я — пригrelась в руках охотника и никуда не спешила. Правда, чувствовала, что он напряжен и предельно собран, но почему-то мозгом это было отнесено в раздел: неважно. Странно. И с чего такая

зависимость? Еще час назад ведь мысленно ликовала, что теперь самостоятельна и мне никто не нужен. А теперь...

Воздух рядом с котом сгустился и выгнулся полупрозрачной дымкой портала.

Вампир спрыгнул из него на землю и медленно выпрямился, разглядывая нашу теплую компанию.

— Мурз. — Голос почти укоризненный.

— Я пытался, — капризно. — Но она — ни в какую! Даже тут его нашла.

Тяжелый вздох и полуприкрытые веки.

— Хорт.

— Отвали, — спокойно и холодно.

— Так. Понятно. Значит... в мой мир не пойдешь.

Отрицательно качая головой. Алые глаза сужаются.

— Ты ведь все понимаешь? — Не удержалась. Только дешевой мелодрамы для полного счастья мне и не хватает.

— Я-то все понимаю. — Вирх подходит к поваленному дереву, садится на ствол и смотрит на меня. — Не совсем все понимаешь здесь ты.

Уведет силой. Перед глазами мелькнула картинка: меня за волосы волокут к свет... темному будущему, пока я отбиваюсь и цепляюсь за траву. Опять глупости в голову лезут.

— И... что же я не так понимаю?

Вампир усмехнулся, опустил голову и щелкнул пальцами поднятой правой руки.

Миг...

И лес начал облезать, словно обои со старых стен. Краски бледнели, тускнели и сменялись черно-белой палитрой.

Два.

Хорт сжал мои плечи сильнее и... исчез. (Сердце не выдержало и рухнуло вниз.)

Три.

Больничная койка. Провода, аппараты, персонал, и... Вирх, так похожий на Хорта... (или Хорт, похожий на Вирха?) сидит передо мной и смотрит устало и спокойно. Вокруг него тоже трубки и провода. И он сидит с каким-то обручем на лбу. Напротив.

Четыре...

Боль вонзается в мозг, тело сводит судорогами, кто-то кричит, все суетятся, а я пытаюсь продолжить смотреть в его глаза. Черные, как у Хорта, алые... как у Вирха... цвет — меняющийся от настроения... И сейчас красный. Как у моего вампира.

Снова сижу в лесу. Мне плохо, меня трясет и рвет. Вирх сидит там же, на стволе упавшего дерева. Мысленно делаю заметку, что вампир умеет насыщать глюки.

— Урод. — И меня снова выворачивает. Бли-ин, как же мне плохо.

Все тело болит, голова — словно колокол, по которому нехило двинули большой палкой. Перед глазами все качается и растягивается, как при плохих спецэффектах. Как бы не сдохнуть.

— Марина.

— Что?!

— Ну хватит. Ты заигралась. Давай вспоминай.

Кое-как выпрямляюсь, пытаюсь встать.

— Где Хорт?!

— Его нет. И никогда не было.

— Да ты...

— И Вирха не было. И феи, и Мурза, и всего этого! Марина, это твоя фантазия, твой мир! Ты в коме уже третий год! Я согласился на эксперимент, чтобы достучаться до тебя, но все пошло вразнос. Ты сумела расщепить мою личность и в одну ее часть вселилась сама, чуть не переломав мне все нейронные сети, а во второй... каким-то образом признала меня и снова влюбилась, так ничего толком и не вспомнив. Но Хорта нет! И Вирха нет! Есть я. Твой

муж! Вирт.

Хочется ругаться. Круто он мне мозги компостирует. Это... так сразу и не додумаешься, что, блин, загружен в матрицу...

— Марина. — Голос — бесконечно усталый.

Он встает и делает шаг вперед. Между мной и ним тут же возникает прозрачная стена. В шоке ее разглядываю.

— Вот видишь — это твой мир, твоё сознание. Тебе даже говорить и чертить ничего не надо — все появляется по первому желанию. И... — сглатывает, сжимая зубы, — если ты захочешь — меня здесь уже через полмига не будет.

Сажусь, тяжело дыша и понимая, что стало как-то чересчур тихо. Одно из двух: или я оглохла, или все птицы сдохли... Заодно и Мурз сбежал, фея где-то пропала. Хорт исчез.

— Я что, вправду сошла с ума?

— Ты не сошла с ума! — рычание. — Просто... тебя очень сильно... обидели. Ты попала в одну историю и чуть не погибла — с тех пор в коме. Врачи говорили, что еще полгода — и вытащить тебя не удастся...

Смотрю на него.

А ведь действительно, Вирх и Хорт были так похожи. Только один — чуть более утонченный, а второй — чуть более родной. А теперь передо мной стоит некто высокий, красивый, с алыми радужками и взъерошенными волосами. Он сильный, знакомый и находится на расстоянии вытянутой руки. А еще он сказал, что является моим мужем.

... Я еще и замужем!

Глава 41

Мы говорили долго. До утра.

Он рассказал мне, как мы познакомились (я его сбила, а он выжил и влюбился), как встречались, как он дарил мне подарки (среди прочих — черного котенка, которого я назвала Мурзом; котенок сильно бедокурил, лазал по шторам и никого, кроме меня, не признавал). Он говорил о моих привычках (люблю поспать), недостатках и достоинствах (всегда держу данное слово). Рассказал пару шуток из жизни (взрывающаяся картошка, одежда с дырами в виде утюга), сказал... что скучает. Что не может без меня. Что уже три года ходит в больницу каждый день, просто чтобы увидеть мое лицо, что... что, разделившись в моем сознании на Вирха и Хорта, бешено ревновал их друг к другу. Что очень хочет, чтобы я наконец-то открыла глаза, и обещает беречь отныне и всегда так, чтобы ни одна сволочь больше не приблизилась и на километр.

А еще обещал сказку. Сказал — на этот раз настоящую. И больше не надо будет бояться, что хеппи-энда не будет или меня снова обманут. Что все будет хорошо.

Так я и уснула рядом с ним, отделенная прозрачной стеной и слушая его голос. Тихий, мягкий и ласковый. Словно говорил с маленьким недоверчивым котенком, а не с собственной взбалмошной женой.

Странно, все так странно. И полное ощущение того, что я все-таки сошла с ума. В тот день, когда повстречала фею.

Вирт постоянно рядом. Смотрит, молчит. С той ночи он вообще постоянно молчит. Совсем как Хорт. И смотрит... как Вирх. Это пугает.

Я все еще ничего не помню из своего прошлого и не собираюсь возвращаться. Мы все еще на поляне. И я хочу снять защиту. Но прежде — объясню все, что чувствую, все, что хочу. И лес... до этого почти нереально смазанный и какой-то затертый — теперь он снова живой и реальный. Такой, какой и должен быть. Белки бегают, птицы поют... и если это всего лишь бред, значит, я остаюсь в нем.

— Ты решила? — Сидит у дерева. Голова отклонена назад, но смотрит в глаза.

Опять не могу угадать ничего по выражению его лица. А могла когда-то?

— Да. Я не вернусь.

Нет реакции.

— А ты — да. Прости, я понимаю, что все это... но даже если предположить, что ты не лжешь и я действительно сейчас подвешена на проводах, я просто не хочу возвращаться. Так что, — встаю, отряхивая сор с колен и задумчиво на него глядя, — можешь просыпаться и гарантированно ждать развод. Наверняка можно его оформить, если жена уже не выйдет из комы. А я пока тут... В конце концов, я же так и хотела — иметь свой собственный мир и хеппи-энд в придачу...

Черные глаза сверкнули, он медленно встал.

Мне стало немного жутко, непроизвольно делаю шаг назад. Хотя сказать, что именно пугает в его фигуре, — не могу. Почему-то. Барьер! Между нами все еще барьер. Так чего я боюсь?

Он подходит и осторожно кладет изящные пальцы на прозрачную пленку.

— Марина, не надо. — Не смотрит на меня. Голова опущена, а голос — холодный как лед.

— Почему?

Глупый вопрос. Он отводит руку назад, улыбается, не поднимая лица, и бьет. Кулаком. Так, что земля вздрагивает, а птицы с криками взмывают в небо. Чем он ударил-то? Электрошоком?

Отшатнувшись, падаю назад. Он же изучает место удара и делает шаг назад.

— Не надо. — Голос хриплый, по рукам проходит дрожь. Я почему-то уже до жути его боюсь.

Он — смотрит только перед собой. Потом поворачивается боком и с силой врезается в стену. Так, что земля снова вздрагивает, а барьер прокрашивается во все цвета радуги.

— Хорт!

Смотрит из-под челки. Глаза пылают алым. Вирх? Хорт. Кто?!

— Я тебя вытащу, — тихо.

И еще один удар плечом.

Барьер лопнул.

Как странно... что он тоже владеет здесь магией.

Глава 42

В деревню вошли двое. Красивая тонкая девушка в грязной одежде и с диковатыми глазами. И мужчина, не отходивший от нее ни на шаг. Высокий, черноволосый, по виду — явный наемник. По крайней мере, смертью от него разило за версту. Крестьяне шарахались и неуверенно мялись. Гости же прошли селение насквозь и так же молча, как и вошли, исчезли в лесу, словно их и не было.

Там дальше, за лесом, стоял Мор — большой старый город всего в дне пешего пути. Видимо, в него путники и направлялись.

Он идет рядом. Пытаюсь отвлечься и создать что-нибудь только лишь силой своего воображения. Это ведь все мой личный бред? Вот и пусть, к примеру... появится костер, путник и жарящаяся над огнем дичь.

Полыхнуло, прямо перед носом загорелось дерево, и завизжал кабан, улепетывающий в лес. За плечо больно дернуло назад, и меня, развернув, заставили отойти.

— Осторожнее.

Киваю и иду дальше. Он не удерживает.

А все же... любопытно. У меня ведь куча вопросов, а Вирт все равно идет рядом.

— Сколько ты можешь здесь находиться?

— Месяц.
— А потом?
— Потом меня отключат насильно. Мозг может не выдержать.

Хм.
— И что будет со мной?
— Если не вытащу раньше — ты так и не проснешься.
Молчу, задумчиво разглядывая корни под ногами.
— Расскажи, что случилось. Почему я вообще здесь?

— Нет.
Хмуро на него смотрю.
— А тебе не кажется, что я имею право знать?
— Нет. — Холод в каждой букве.

Молча киваю и иду дальше.
Кстати, а куда иду-то? Так ведь можно блуждать бесконечно. Хотя куда-нибудь да эта тропинка выведет...

Впереди послышались крики и звон металла. Я остановилась и прислушалась. Ну наконец-то. Если я все правильно понимаю, то впереди нас ждет костер и путник, причем, судя по звукам, — сражающийся с разбойниками. Надо бы поторопиться и успеть ему помочь.

Вирт взял меня за руку, удержав на месте. Удивленно оборачиваюсь.
— Вот только не надо говорить, что там опасно и...
— Успеем.

Тяжело вздыхаю. Тоже мне, неучтенный фактор выявился. Во что бы его такое превратить, чтобы не мешал, да и перестал хмуриться. Ведь так и будет мне весь месяц мешать геройствовать и развлекаться. Хмуро смотрю на его профиль. Спокоен как удав. Идет медленно, неторопливо и мою руку держит так, что чувствую себя пойманным карманником, а не создательницей целой вселенной. Пусть и всего лишь внутри собственной черепушки.

Гм. Как бы... вот тебя бы... Был бы ты маленьким. Котенком там или скворцом. Можно и совой. А что? Это мысль.

Закрываю глаза и хмурюсь, представляя что-то мелкое и безобидное. За руку упорно тащат вперед, мешая сконцентрироваться. Стискиваю зубы, раздумывая, не прошептать ли какую-нибудь тарабарщину, и... врезаюсь лбом в дерево.

— Уй.
— Осторожно.

Ага. Спасибо. Щупаю шишку и открываю глаза. Ничего у меня не получается. А впрочем, может, он и вовсе неподвластен моей магии. Задумчиво смотрю на Вирта.

...У меня получилось?
В шоке разглядываю обновленного мужа, пытаюсь перестать улыбаться.
— Мм... Вирт?
— Да? — Остановился, пристально вглядывается во что-то впереди.
— Ты ничего особенного не чувствуешь?
— Нет.

Киваю, с нежностью глядя на его спину.

Передо мной же — вместо сильного, уверенного в себе мужчины стоит... невысокий паренек с длинными подвижными ушами и внешностью ангела. Эльфеныш. Но такой хорошенький, так бы и затискала. И ведь уверенно тащит меня за собой, сдувая со лба золотистую челку. Прелесть ушастая. Ростом — как раз мне по плечо будет.

А главное, на душе сразу так спокойно стало.
— Видишь?
А? Что? Это он мне?
— Там пятеро бандитов и какой-то идиот. Ты ведь к нему спешила?

Пытаюсь выглянуть из-за его плеча. Теперь это гораздо удобней.

Хм. На поляне стоят шестеро. Ну про разбойников ничего не скажу. А вот тот, кто в центре, действительно заслуживает внимания. Это я его таким создала? Что-то уже сомневаюсь, что действительно просто брежу. А может, это параллельная вселенная? Делюсь соображениями с мужем.

— Все может быть, — пожимает он плечами. Золотые глаза загадочно вспыхивают, тонкие пальчики с серебристыми коготками обнимают ветку. Муж ошарашено на них смотрит.

— Красивый маникюр, — не удержалась я.

— Марина, — придушенно. Явно от избытка чувств.

— А? — сияя торжествующей улыбкой.

— Ты...

Но тут на поляне герой поднимает дубину (именно дубину, здоровую такую) и с молодецким хеком врзает ею сразу по всем мужикам с полуоборота. Народ снесло, Конан-варвар гордо застыл в центре, оглядываясь с видом победителя.

Кстати о внешности героя. Вы... быка когда-нибудь видели? А теперь поставьте его на задние лапы и побрейте налысо. Еще рога уберите. Во-от. Вылитый герой на поляне.

— Вирт, он меня пугает, пошли отсюда? Вирт?

Парень стоял неподалеку и разглядывал собственное отражение в каком-то ручье. У мужа явный шок. И столько ярости в глазах.

— Как это все вернуть назад? — сквозь зубы.

Но его перебили. В кусты влезла огромная лапа, и меня резко выдернуло на поляну, все за то же многострадальное плечо.

— О! Баба... — ошарашено меня разглядывая.

— Вирт! — Рефлексы — вещь страшная. Сама не знала, что именно это заору.

Из кустов тут же вылетел эльф, подошел к буйволу и легко, без замаха, врзал ему коленом между ног. Буйвол свел глаза к переносице и замер. Меня же вырвали и за руку поволокли обратно к кустам. Я его обожаю.

— Оу-у! — простонали нам вслед.

— Ты в кого меня превратила?!

— В эльфа, — радостно уворачиваясь от веток и глядя на прыгающий впереди затылок парня.

— Я тебе дам — эльфа! — Рычание в каждой букве. — А ну рассказывай, как ты смогла перекрыть мою магию?!

Он не может колдовать?

— Не знаю, — растерянно.

На меня оглянулись, тяжело вздохнули и потянули влево. В самую, так сказать, чашу. А позади нас нарастал возмущенный вой.

— Зараза.

Киваю. Он прав: нам будут жестоко мстить за поруганную честь, да и просто прибьют из гордости.

А меня... наверное, украдут. Хотя что-то мне этого совсем не хочется.

Опять вся история наперекос.

— Можешь вернуть мой прежний вид? Или хотя бы магию?

— Нет, — упрямо.

Даже и пытаться не буду. Я вообще хотела, чтобы он котенком стал, так что мало ли в кого его теперь превращу. А просто снять чары — не позволяет гордость.

— Ладно, — зло, — но тогда не жалуйся.

Нас все-таки догнали. Вирт остановился, заставил отступить ему за спину и встал перед рычащим монстром, лишь отдаленно напоминавшим человека. (Анаболики — зло! А парень их явно переел в детстве — налицо сплошные горы мышц и явное отсутствие извилин.)

— Отойди, эльфеныш. Мне нужна только твоя сестра.

Сестра? А, так он решил, что волосы закрывают острые ушки. Ну в остальном я действительно чем-то похожа на элфу. Наверное.

— Она моя жена, — цедит сквозь зубы, щуря глаза.

Понимающая усмешка.

— Я тоже пленен прелестями девы, но тебе, детка, жениться рановато. Вот я — другое де...

Ему врезали в челюсть. В прыжке, ногой.

С ужасом смотрю, как тушу сносит и впечатывает в дерево. Ничего себе. Мелкий, мелкий, а удар как у экскаватора.

— Ну ты... — пытаюсь встать и опираясь на погнутый ствол. — Ну ты... — Налившиеся кровью глазки нехорошо сверкнули.

— Еще хочешь? — задиристо подняв нос и нехорошо улыбаясь.

Мужик хотел. И даже очень.

А через минуту, убедившись, что Вирту ничего не угрожает (верткий, да и бьет так, что гору мышц мотает по лесу из стороны в сторону), я уселась под деревцем и, больше не глядя на идиотов, попыталась наколдовать что-нибудь съедобное. Хотелось есть. А драка... это всегда надолго.

Грохот упавшего тела. Ступня мальчишки, попирающая грудь монстра, и гордость в золоте прекрасных эльфийских глаз. Завораживает.

Сижу, кашляю, отмахиваюсь от дыма и пытаюсь спасти остатки завтрака. Бли-ин, сгорел.

— Марина?

— А? Ой, прости, Вирт. Ты все?

— Да.

— Тогда иди и убей кого-нибудь съедобного. А то, что я наколдовала, сгорело.

Эльф почему-то смотрит на валяющегося под ногой парня... Тот замер и как-то напрягся.

— Я невкусный, — зачем-то уточнил поверженный. — Местами — чистый яд.

— Верю. — Не могла не съязвить. — А тебя вообще как зовут-то?

— Гриша, — неуверенно.

— А я — Марина. Это вот Вирт.

Муж подал ему руку и помог встать.

— Успокоился? — поводя ушами и склоняя голову чуть набок.

Я замерла, любуясь мальчишкой. Да-а, его только в фильмах снимать. Изящный, тонкий... эх...

— Да я это... так, просто мимо проходил, — робко на нас глядя. — И... у меня пожрать есть!

Довольно улыбаюсь. Вопрос завтрака решен.

Вяленое мясо, согретая над огнем вода и хлеб — не самый плохой выбор. А за помидоры я его чуть не расцеловала (вмешался Вирт, показав обоим не внушительный кулак, Гриша проникся).

— Так ты откуда? — Сижу у дерева, положив руки на вздутый живот и довольно прикрыв глаза.

— Из-за моря, — грустно. — Приплыл на корабле, а по дороге нас ограбили. Вот... нет денег на обратный путь. Так что хожу, ищу.

— Деньги?

— Ну да.

Кошусь на разбойников, валяющихся в отрубе невдалеке.

— И сколько за них дадут?

— Да нисколько, — хмуро на них глядя.

Вирт принюхивается к мясу, пытается привыкнуть к эльфийскому обонянию. Мне кто-то рассказывал, что ушастые чувствуют в сто раз больше запахов и их оттенков. Так что он, наверное, сейчас обоняет мощный аромат сгнивших волокон, перемешанных с запахами грязного мешка, старых портянок и тяжелого мужского пота. Гм. Мне легче, я — человек. Но тоже что-то такое уловила. Зажмурившись ест. Лицо зеленеет, но парень мужественно глотает. Молодец, я в нем не сомневалась.

— А зачем ловил?

— Дык... надеялся, что у них есть деньги.

— И как? — Все еще смотрю на Вирта. Тот достал второй кусок и, набрав в грудь побольше воздуха, поднес его к лицу.

— Нищие какие-то попались. Почти ничего и не взял.

Киваю, сочувственно улыбаюсь. Вирт хмурится.

— А сколько стоит билет домой?

— Дык... сто.

— Золотых?

— Да.

Н-да. Парню еще долго предстоит побираться по лесам. Хм...

— А пойдем с нами?

Вирт подавился мясом.

— Куда? — с воодушевлением.

— В город. Там что-нибудь придумаем с деньгами, да и...

— Я против. — Откашлялся наконец-то. И тут же влез. Из глаз аж слезы бегут, явно пока кашлял — надышался. — Какой город? Тебе просыпаться пора, да и...

— Не хочу.

— Марина, — почти рычание.

Гриша немного отодвинулся, памятуя о силе удара этого мальчишки.

— А что Марина? Ты мне лучше расскажи все, тогда и подумаем. А то пришел, напел о коме, показал пару фокусов, а теперь просишь проснуться. Ну уж нет. Хватит. Либо ты все мне выкладываешь, либо...

— Тебя поймали. — Тихо. Обрывая весь монолог разом. Просто... голос у него был — таким о трупях близких людей рассказывают. Осторожно сажусь обратно, слушая. — Шпана, пришьлые. Не знали, кто ты, и ночью уволокли с улицы в арку. А оттуда — на какую-то квартиру.

Тишина. Гриша почесывает спину, не понимая, в чем трагедия и вообще о чем речь. У меня же как-то резко пересохло во рту, и сердце колотится... хотя все равно ничего не помню. Золотые глаза же — словно мертвые. И лицо... так и хочется погладить по голове и шепнуть, что это был сон.

— Когда я приехал — вся квартира была в крови, ты — сидела у кровати и смотрела в одну точку. Что там произошло, никто не знает. Но парням сильно не поздоровилось, а у тебя в руке был зажат нож.

Киваю, стараясь не смотреть на него.

— То есть... я всех убила?

— Вряд ли. Ты неспособна на это. Возможно, произошла разборка между бандами, почему — неясно. А ты могла взять нож неосознанно.

Снова киваю. Хм... а вообще интересно получается. Муж приезжает за женой, которая в каком-то притоне сидит на полу среди кучи окровавленных подростков, с ножом в руке. Это ж так и шизануться можно.

— Я что-то говорила?

— Нет.

— Как случилось, что я впала в кому?

— Тебя пытались привести в чувство — использовали электрошок.

Прелесть какая.
— И ты позволил?
— Они не спросили, а когда я разобрался — было уже поздно.
— То есть меня забрали в клинику, там лечили. А ты был даже не в курсе как и чем? Я что-то...
— Доктор был ненормальным! Считал, что сам все знает лучше всех, и вообще гений, вот и...
— Ты сдал жену на лечение психопату?
На меня очень нехорошо посмотрели.
— Ладно. Неважно. Уже все неважно. — Потягиваюсь и встаю. — Я все равно ничего не помню. Понимаю, для тебя это, наверное, тяжело. Но я и вправду не помню жизнь, в которой был ты.
— В клинике мне говорили — это может быть защитная реакция на стресс.
— Ну тогда считай, что меня стрессануло.
— А вы вообще о чем?
На Гришу было больно смотреть. Только что обсуждали, что возьмем его с собой и вместе будем зарабатывать на его счастливый путь домой. И тут же о каких-то маньяках-психопатах и моей неменяемости. Хотя судя по его глазам, — он все равно ничего не понял.
— Да так. Мелочи прошлой жизни.
Еще более дикий взгляд.
— Марина, ты должна мне поверить и вернуться.
— Отстань. И вообще у меня теперь новая жизнь и новый мир. Хочешь — присоединяйся, не хочешь — иди. А я... направляюсь в город вместе с Гришей! Ты с нами?
У эльфа было непередаваемое выражение лица. Такое ощущение, что меня просто мечтают придушить на месте.
— Да, — рык. — Но ты...
— Отлично, тогда собираемся. Нечего тут торчать.
Гриша кивнул и первым вскочил на ноги. Вирт медленно выдохнул, приходя в себя и тоже поднимаясь с травы.
Кошусь на него, усмехнувшись и стараясь не подать виду, как для меня это важно. Что ж. По крайней мере, он и впрямь меня не бросил. При всех-то моих закидонах. Посмотрим, что будет дальше.

Глава 43

Эти двое спелись.
Иду позади и удивленно смотрю на затылки «веселой» компании. Гриша при этом рассказывает Вирту об опасностях здешних лесов (кабаны-людоеды), а Вирт задает наводящие вопросы о жизни в городе, расах существ, проживающих на континенте, да и вообще обо всем на свете. Я пинаю шишки, одновременно обдумывая, как бы тоже вклиниться в беседу. Мне банально скучно.
— Гриш, а я красивая? — Вклинилась, называется.
Парень кивнул, даже не покосившись. Ну нет, так неинтересно.
— Очень? — подходя ближе.
Еще один кивок.
— Хм. А хочешь — поцелую?
Парень застыл, оборвав рассказ на полуслове, и растерянно обернулся. Вирт с тяжелым вздохом сжал руку в кулак.
— Жить хочешь? — тихо. Мягко.
Гриша почесал макушку и с видом мученика покосился на решительное лицо смотрящего вдаль эльфа. Кивнул.
— Тогда иди вперед и не оглядывайся.

Парень смотрит на меня. Вытягиваю губки трубочкой и весело щурю глаза. Вид, наверное, идиотский. Но у него явно слюнки текут.

— Ммм...

Эльф обернулся, встал напротив меня и заглянул в глаза. Спокойно так, почти дружелюбно. Ладонью удерживая парня на том же месте (уперся ею ему в грудь и действительно держит — худой и маленький такого большого и страшного). Вдыхаю, бурчу что-то под нос и иду дальше.

Муж молча идет следом. Один Гриша, чуть не плача, взглядом провожает мою фигурку.

— Даже не думай. — Голос эльфа отрезвляет.

И парень покорно шагает вперед, пытаюсь вспомнить, что он там вещал о крысодлаках.

И все же — я теперь иду рядом с ними, а точнее, рядом с Виртом, шагающим между мной и парнем. Ну и ладно. И все равно... Ой.

Растерянно смотрю на тонкие пальцы, сжавшие мою ладонь. Вирт даже не смотрит на меня и все так же спокойно шагает вперед.

А я, стараясь не улыбаться, как идиотка, иду следом, разом растеряв все мысли.

Меня несут на руках. Давно несут. А я делаю вид, что сплю, уткнувшись носом в его плечо и слушая тихий бас Гриши, объясняющего что-то об особенностях жизни в здешних городах. К примеру, нельзя смотреть в глаза любому из благородных (их легко узнать — вечно верхом ездят). «А ежели посмотришь, так тебе имеют полное право съездить по морде лица, ежели ты мужик, или уволочь в замок, ежели баба, да еще и недурна собой».

Короче, феодалы, замки, беззаконие и смутные времена. Да. Еще тут драконы летают постоянно. Похищают коз, свиней, утаскивают девок и ежегодно умерщвляются рыцарями, которые с каждого убитого гада носят по одной ленточке в волосах.

Круто. Я так поняла — чем больше ленточек, тем brutальнее рыцарь и тем больше земель и крестьян мужик может требовать у монарха.

Добавьте к этому миру еще гномов, эльфов, карликов, огров, фей и прочих сказочных персонажей, и вы получите примерно то, что творилось у меня в голове, а теперь вылезло наружу, оформившись во вполне самостоятельный мир — со своими законами, судьбами, жизнями...

Тихо офигеваю, стараясь и вправду не уснуть. А еще у меня уже час как ушки эльфийские... как-то само собой вышло.

— Ну вот и дошли.

Открываю глаза, оглядываюсь. Лес кончился. И теперь мы втроем стоим у края широкой неровной долины, напоминающей чашу, в центре которой возвышаются внушительные каменные стены города. Река, берущая начало среди вершин Королевских гор, разделяется на два рукава перед ним и снова сливается в единое русло после. Течение несильное, но попасть в город можно только одним способом: по подвесному мосту, который сейчас опущен.

— Все еще хочешь туда?

Смотрю в золотисто-медовые глаза и уверенно киваю. Мне интересно.

Эльф вздохнул и первым зашагал в сторону дороги, ведущей прямо к мосту. Гриша пошел следом, улыбаясь и сжимая дубину покрепче. Похоже, он и впрямь искренне верил, что втроем мы в два счета заработаем здесь кучу денег.

— Ваши грамоты. — Высокий, закованный в железо стражник почесывает бороду, с интересом разглядывая пришлых эльфов.

Стою рядом с ребятами и роюсь в сумке. Я еще не забыла, что это мой мир. А значит, если я захочу грамоты, то они обязательно будут в сумке. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Гриша чего-то замаялся и отошел назад. Острый взгляд стражника мгновенно

переместился на него.

У парня с документами вообще проблемы. Его неделю назад обокрали.

— Вот.

Протягиваю три мятых листочка, неуверенно улыбаясь и стараясь не поднимать глаз. Бесит. Это бесит. А почему в своем мире я не принцесса какая-нибудь? Впрочем, тогда была бы куча проблем.

— Хм... кхм... Плата за вход — серебрушка с каждого.

Вирт спокойно отсчитывает деньги. Обалдевший Гриша идет за нами, все еще не веря в то, что у него теперь тоже есть документы.

— На, держи. — Сую ему его грамоту и вхожу в ворота, оглядываясь по сторонам.

Кивок, тихое благодарное бурчание. И мы все трое проходим внутрь, с любопытством озираясь и ожидая... буквально всего на свете.

Город был небольшим, но довольно уютным. Высокие изящные дома, широкие улицы. Мостовая, выложенная камнями белых и серых цветов, черные черепицы и стены домов... Станный контраст. И в то же время, разглядывая белые оградки, окна и фонари, изучая бегающие по стенам с одного дома на другой белые рисунки — вполне себе живые и очень разные, — нет ощущения того, что здесь мрачно и странно. Народу только много... впрочем, мы ведь так и не отошли от ворот.

— Гриша?

— Я ща. — Парень, чем-то заинтересовавшись, свернул вбок, задрал голову.

Иду следом, как и он, разглядывая сидящую под крышей и нарисованную на стене кошку. Белая на черном. Она повернула плоскую мордочку, зевнула, медленно улеглась на согнутые лапки и прикрыла хвостом глаза. Прямо как мультик, хоть проектор ищи.

— Во дают! — Парню явно тут нравилось. В кошку он бросил два камня и дубину. Рисунок не отреагировал, а вот прохожие начали недовольно коситься.

Вирт встал рядом со мной, оглядываясь и слегка поводя ушами. Его, похоже, уже ничем нельзя было удивить.

— Живые чернила, — ответил он на мой вопросительный взгляд. — Если есть магия — почему бы не быть таким украшениям.

Киваю, изучая другие рисунки. Интересно... кто их создает? Волшебники?

— Смотрите, смотрите! Собаки пришли.

Поворачиваю голову и вижу, как вскочившая кошка вздыбила белоснежную шерсть и рванула прочь от перепрыгивающей со стены соседнего дома на этот своры из пяти гончих. Между домами рисунки словно исчезали, снова проявляясь на соседней стене. Кошка, шустро уматывала по боковой улице, спеша убратсья с пути довольных собак.

— Предлагаю пройтись и поискать таверну.

Хм... Вирт, как всегда, прав.

— А у тебя остались деньги?

Он выгреб из кармана кучу медяков и вопросительно посмотрел на меня, подняв бровь. Вспоминаю, как недавно создала входные грамоты. Может, и с деньгами выйдет?

— Я... попробую. — Снова лезу рукой в сумку, заказывая золота, и побольше. Сумка недовольно дернулась в руке.

Ну же. Это же мой мир! Хотя... даже во сне сложно заставить появиться то, чего хочется. Вот и здесь — окружающее постепенно словно начинает жить своей жизнью, в ходе чего моя магия глохнет, и все сложнее и сложнее становится заставить осуществиться желаниям.

— Есть!

Достаю три серебряные монеты и протягиваю их Вирту.

Гриша восхищенно присвистывает, эльф кивает и, забрав деньги, ведет нас дальше в глубь города.

Группу одетых в серые потрепанные плащи огров, с интересом смотрящих нам вслед, мы так и не заметили.

В таверне грязно, душно. Дубовые столы, стены и сидящий в углу на небольшой сцене юноша, упорно тянущий куплеты о прекрасной даме, ожидающей сбежавшего от нее к драконам рыцаря.

Садимся за стол в углу. Вирт махнул одной из полураздетых разносчиц, бредущей мимо столиков в разноцветном фартуке и с лицом прошедшей огонь и воду проститутки. Его проигнорировали, презрительно хмыкнув. Что-то мне подсказывает, что эльфов в этом городе не слишком уважают.

— Ща я попробую, — успокаивающе положил Гриша лапу на плечо встающему парню. Тот нахмурился, но, подумав, сел. Неприятности нам были не нужны.

— Чего изволит могучий сэр? — Хриплый голос и голая грудь появились так неожиданно, что я едва не отшатнулась. Впрочем, это «все» было не для меня, а для «сэра» Гриши.

Так что стоило успокоиться и начать заказывать.

— Баранины, птицу тащи, вина, да не то пойло, что обычно подаешь, а лучшего, заморского! Ну и... все пока. Давай.

Взвизгнувшую барышню огрели по пятой точке и отправили на кухню. Угрюмо смотрим с Виртом друг на друга. Не знаю, как он, а лично я чувствую себя сейчас вшивой интеллигенцией, неспособной даже в глаз обидчику плюнуть без вызова на дуэль.

— Ну дык... мы тут останемся?

— А ты вообще человек? — Дурацкий вопрос, знаю.

Гриша, к счастью, не обиделся.

— Конечно! Я викинг, — криво улыбаюсь: кто бы сомневался, — а значит, самый сильный, самый могучий и славный воин из всех! Но и человек тоже.

Опускаю голову на руки, вздыхая. Что-то мне неуютно. В голове вырисовывается картинка: я путешествую в полном одиночестве из города в город и доказываю, что являюсь суперкрутой волшебницей и имею полное право хотя бы заказать поесть. Кстати.

— А как тут к ведьмам относятся, ну... или к волшебницам? — Затыкаюсь, удивленно прислушиваясь к мгновенно наступившей тишине.

— А на колья сажают, да в огне и жарят, — просветили меня из-за соседнего стола, изучая гноящимися глазками и стряхивая с мокрой бороды крошки хлеба.

Киваю, отворачиваюсь. Это пипе-эц.

Вирт внимательно на меня смотрит, не мешая думать.

Гм... значицца, так. Через месяц муж сгинет, Гриша уплывет домой (как только наскребет на билет), а я... А что я?

— Гриш, а Гриш...

— А? — Парень перестал подмигивать какой-то «барышне», возвышающейся за стойкой, и покорно повернулся ко мне.

— Сколько, говоришь, стоит твой билет?

Лицо путешественника приняло скорбное выражение. Мне на пальцах показали два раза по десять.

— Золотых?

Унылый кивок.

Лезу в сумку, старательно колдую. А чего, действительно, мы будем работу искать, если я пока еще в состоянии сотворить немного золота?

О, получилось!

— На.

И снова тишина в таверне. Я бы сказала — гробовая.

Все в шоке смотрят, как я горстями выкладываю на грязную столешницу звенящие кругляшки. Кто-то шумно сглатывает. Слышится скрип отодвигаемых лавок.

Бледный Гриша сгребает все это богатство руками, рассовывая по карманам и бросая на Вирта вопросительный взгляд. Тот кивает и встает, вытаскивая меч.

Чувствую себя... отвратительно. Плюс меня еще и шепотом просят не лезть. Ну да. А

то сожгут и на кол посадят, помню.

— И откуда же у остроухих столько денег? — Огр с компанией приближаются первыми, доставая секиры и нехорошо ухмыляясь.

Тут так плохо с золотом?

— Не твое собачье дело. — Вирт, довольно зло.

Стон Гриши сигнализирует о том, что огр такое ругательство от эльфов стерпит вряд ли.

А после...

Перекошенные рожи. Блеск стали. Вопли постояльцев, мелькающие руки, ноги и лавки. А также выбитые окна, вылетающие из таверны тела и я... стоящая в углу за спиной мужа и обваливающая на дерущихся потолочные балки. Надеюсь... мы выживем. Блин.

А еще через два часа, все-таки скрывшись от стражи и перевязывая ребятам раны (в снятой чуть ли не на другом конце города комнате), я выслушивала рассказ Гриши о том, как же здесь устроена жизнь.

Этот город был не таким, как те, в которых я была раньше. Начать хотя бы с того, что здесь есть Совет магов. Он отвечает за создание заклинаний, направленных на поддержание чистоты и порядка на улицах. А также формирует особые заклęcia — это ищейки, днем и ночью перемещающиеся в виде рисунков по стенам домов. В задачу таких шедевров входит отлов тех, кто не угоден городу в целом и Совету лично, ну... или просто подозрителен. Этими-то подозрительными такие заклинания и питались, активируясь во время заката и снова становясь безобидными кляксами поутру. Алый цвет рисунков означал, что магия уже кем-то подкрепилась. Правда, встречались такие гораздо реже. Белые — были голодными.

Но это все частности, а так же предупреждения о том, чтобы люди не вздумали бродить ночами по улицам, которые даже стража, снабженная охранными амулетами, патрулировать опасалась.

И все бы хорошо: магия, защита, то, что город стоит на пересечении торговых путей... Но. Совет заелся. По-другому не скажешь. Он истребил всех, не входивших в его состав, волшебников в городе. Волшебниц называли ведьмами и жгли на кострах. А сами маги, присудив себе ранг жрецов, под видом того, что только им открыт истинный смысл веры и жизни, творят все, что вздумается, гребя в казну чуть ли не пятьдесят процентов приработка любого горожанина.

Как итог — невыносимая бедность, толпы наемников, сопровождающих караваны (только так можно более или менее прилично заработать), элита, скупающая все товары. А еще те, кто настоящего золота в жизни-то не видел. Ну и, конечно, преступное сообщество, орудующее в городе почти исключительно днем.

Неудивительно, что, выгрузив на стол практически целое состояние, по меркам местных завсегдатаев, я очень и очень рисковала получить ножом в печень. Гм.

— А почему люди не идут в соседние города?

— За выезд из города тоже надо платить, — пожал плечами Гриша, морщась и с трудом выдерживая перевязку ноги.

Вирт мрачно за нами наблюдал, внимательно слушая.

— Сколько?

— Один золотой. Да только даже ежели накопишь — кто ж захочет идти невесть куда с семьей, да еще и через пустошь смерти.

— ...Не поняла.

— Ближайший город находится в десяти днях пути верхом. И путь проходит через пустошь, на которой не растет ничего выше травы. Никто не знает почему, а только связь с тем городом оборвана, и никто, кто туда ушел, обратно уже не возвращался.

— А караваны?

— Они идут в порт — там корабли. Да только города на берегу и в помине нет. Так. Деревушка небольшая.

— Так мы что, на острове?

Тяжелый вздох Гриши и кивок.

— А вы вообще откуда такие взялись? Ничего не знаете, ни о чем не ведаете, да еще и богатые, как... ну не знаю кто... ну как дураки.

Хмыкаю, размышляя: стоит ли сообщать ему, что он говорит с создательницей этого мира. Или не стоит травмировать психику своим сумасшествием.

— Дикие вы, — подвел итог Гриша и рухнул на кровать. — Ну вы как хотите, а я спать. Вечереет. И да. Не вздумайте открывать окна на ночь! Съедят.

Молча смотрим на окно, переваривая сказанное. А через минуту с подушек раздался глубокий раскатистый храп вполне здорового человека. Впрочем, серьезных ран в той потасовке никто из нас ведь так и не получил.

— Все еще хочешь остаться здесь?

Перевожу взгляд на Вирта, пожимаю плечами и перебираюсь на подоконник. Отсюда можно наблюдать за тем, как люди и прочие существа расходятся по домам в лучах заходящего солнца, спеша закрыть окна и двери на задвижки, отгораживаясь запорами от засыпающего города. Стоящий под окном фонарь загорается синим светом.

— Марина.

Поворачиваю голову, вопросительно глядя на Вирта.

— Ты хочешь остаться одна в этом мире?

Вздыхаю и снова угрюмо смотрю в окно.

— Ответь, — жестко и с напором.

Мне от него уже не отвязаться? Ну и что я скажу? Да, я боюсь, заberi меня обратно?! Я поняла: я точно в коме и все это — бред моего воспаленного воображения! Верю, жду, надеюсь, воскрешай меня на фиг.

Ну не могу я так просто взять и поверить, что это все нереально.

— Я остаюсь.

Молчит.

Осторожно кошусь на него. Сидит на второй кровати, поставив ногу на край и откинувшись на стену. Глаза закрыты, бледен, но дыхание ровное...

— Я не смогу тебя переубедить?

— Нет.

Открывает глаза и смотрит на меня так... аж душа переворачивается.

— Тогда утром я уйду. Извини, но...

Встает и выходит за дверь, рывком захлопнув ее за собой и оставив меня одну.

Улыбаюсь, закрываю глаза и стараюсь не разреветься. Снова смотрю наружу, там потихоньку накапывает дождь. Вирт, Вирх, Хорт... один из них постоянно бегал за мной, второй постоянно бросал. Сейчас со мной говорил... Хорт? А впрочем, какая разница.

Открыв окно, я спрыгиваю на мокрую мостовую.

Мне плевать. Мне на все плевать. И если он сдался — пусть уходит. Подумаешь, перечитала в детстве сказок о вечной любви, когда парень скорее умрет, чем оставит любимую хотя бы на секунду. Этот не умрет. Этот будет жить дальше. Уверенный, что сделал все, что смог. Этот...

Слезы застилают глаза. Иду, не разбирая дороги и ловя сотни звуков острыми чуткими ушами. Вспоминаю его слова, улыбку, уверения, что никогда не бросит. А еще то, что у Гриши теперь есть деньги на билет домой и я и ему больше не особо и нужна... Останавливаюсь, вытирая слезы. Ну и ладно. Ну и пусть. Зато я теперь свободна. И даже если через месяц умру, этот месяц я проживу здесь. А там — кто знает. Этот мир *уже* живет по своим законам. Возможно, завтра он придумает меня. И я не исчезну! А еще... а еще из темноты на меня смотрят три пары белых светящихся глаз, обрамленных линиями рисунка, медленно сползающего со стены на камни мостовой.

Твою мать.

Краска обретала форму, запах. Тени, отбрасываемые новым мощным существом, проявляющимся передо мной из темноты, выгибались в трепещущем свете единственного фонаря. А я шаг за шагом отходила назад, глядя расширенными глазами на двухметровую белую зверюгу с шестью глазами, впечатляющим набором когтей и пастью в виде оружия массового поражения.

А еще от нее пахло псиной и сильно — краской. И оно явно хотело жрать.

— Эм. Привет. Я — хорошая, — пытаюсь выдумать мало-мальски приличное заклинание и понимая, что у меня ничего не выходит.

Тихий рык, поступь огромных лап, клацающих когтями по камням, и зловонное дыхание, обжигающее щеки.

— А вот интересно... — голос дрожит, оно останавливается и изучающе смотрит на меня, — ...когда ты меня съешь — я умру? Или очнусь в палате? Или снова оживу. Как считаешь? — Склоняю голову набок и растерянно улыбаюсь.

— Ты умрешь! — тихо, мощно, так, что нервы натянулись до предела.

Оно еще и говорит!

— Почему? — Стараюсь смотреть в пылающие белым глаза храбро и не мигая.

Только вот больше мне отвечать не собираются. Пасть широко распахивается, оно прыгает, мощно оттолкнувшись лапами от камней. А я, зажмурившись, сжимаюсь в комочек, отчаянно надеясь, что все закончится... быстро.

Глава 44

Рык. Ветер в лицо. Удар в бок и шипение, заставляющее отшатнуться и упасть в грязь.

Открываю глаза и испуганно смотрю на пантеру, стоящую между мной и «нарисованным» монстром.

Мелкий на таком фоне, Мурз выглядит далеко не безобидно. Стиснув зубы, обхватываю колени руками и молча на него смотрю. Мысли закончились секунд пять назад. И почему-то больше не страшно — просто хочется сидеть и как можно дольше ни о чем не думать.

А монстр снова прыгает, но уже на черную кошку, заслонившую собой его жертву.

Визг, вой и смазанные быстрые движения хищников завораживали, заставляя неотрывно следить. Бой продолжался недолго, уже через минуту стало ясно, что Мурз побеждает: кот бил не только когтями, но еще и магией. И с каждым таким ударом от монстра отлетали брызги краски, а в шкуре появлялись прорехи, пугающие даже меня. Правда, пантере тоже досталось: кровь текла из многочисленных порезов, правое ухо разодрано, а переднюю лапу практически перекусили пополам. Но он выстоял. И перед нами осталась лежать черно-белая клякса, медленно стекающая вниз по улице... и мигающая бегающими по ее поверхности рисунками глаз.

— Ты как?

Ко мне подошли и осторожно ткнулись носом в щеку. Глажу Мурза и чувствую липкое на ладони. Кровь?

— погоди, я попытаюсь тебя подлечить. — Зажмурившись, вспоминаю, как именно это у меня получалось.

Наверное, в тот момент я просто отчаянно захотела ему помочь. Или же ко мне на время вернулись силы. Но под ладонями послушно потеплело, и я снова увидела зеленоватый свет, исходивший от рук. Раны на шкуре кота начали срастаться, затягиваясь буквально на глазах.

Щеку благодарно лизнули шершавым языком.

— Откуда ты взялся?

— Потом. Пошли, тебе нельзя здесь оставаться.

— А меня Вирт бросил.

Кот промолчал и взял меня зубами за куртку, потянув за собой.

Покорно встаю и иду следом, держа руку на его холке. Мягкая, теплая. Вдыхаю и прикрываю глаза.

Кот привел меня в какое-то старое темное здание, заставил закрыть шаткую дверь и не включать свет. Потом по скрипучим ступеням отвел в подвал, где позволил зажечь свечу и указал лапой на постель и стол с сыром, хлебом и кувшином воды.

— Мне надо уйти, а ты пока сиди здесь.

— За Виртом? — изучая не слишком чистое покрывало на кровати.

— Нет, — тихо, — Вирт мне чужой. Он не мой хозяин. Так что успокойся и ляг.

— Хм. Но ведь он...

— Ляг. Или тебе понравилось бегать по улицам?

— Нет. — Смотрю на сыр.

— Марина, я тебя очень прошу: ну хоть один раз не делай глупостей и просто посиди в подвале. До утра. Это ведь не так сложно.

Киваю и покорно сажусь на стол.

— Ладно.

— Вот и умница. Да, кстати, — уже поднимаясь вверх по лестнице и сверкнув желтыми глазами, — можешь успокоиться насчет Вирта. Полчаса назад он покинул этот мир и вернулся домой, так как нашел твое растерзанное тело на улице под магофонарем.

Обалдело оборачиваюсь, но крышка подпола с грохотом падает, отрезая меня от внешнего мира.

Ничего не понимаю. Вообще. Какое тело? Кто растерзал? Он с ума сошел?! Меня же спасли! Или нет?

Смотрю на свою ладонь, подношу ее к стене и осторожно трогаю холодные камни. Я не призрак.

Слезы снова текут по щекам. Усилием воли прекращаю это, вытирая рукавом нос. Я не рева. А Вирт... я ведь сама его послала, сама сказала, что не вернусь.

И все равно. Вирт, ну как ты мог?

Так. Стоп. Но кот мог и соврать! Надо проверить.

Спрыгиваю со стола, шагнув к лестнице, и, взобравшись наверх, упираюсь руками в люк подпола.

...Придавлен чем-то. Тяжелый — не сдвинуть. Магия, магия... надо наколдовать что-нибудь. Надо просто наколдовать.

Не получается!

Из последних сил упираюсь в неподатливый люк, до скрежета стискивая зубы.

Есть! Еще немного, вот та-ак. Ну же. Ну-у!!!

Выбираюсь в темную комнату, чихая от пыли и прижимая к груди пульсирующую от боли руку.

Так. Теперь в трактир. По крайней мере, Гриша просто должен быть еще там. Он-то мне все и расскажет.

Трактир уже был закрыт. Изнутри доносились песни постояльцев, гомон и шум; во многих окнах горел свет. Только вот открытых не было. Пришлось лезть на крышу и спускаться по дымоходу. Удовольствие — то еще. Внизу еще и огонь был разожжен. Да что там: когда я, вся черная, ругающаяся, рухнула в котел и с воплями вывалилась вместе с ним на пол таверны... все затихли и уделили мне максимум внимания. А хозяин, утащив на кухню, еще и по шее пытался надавать, разоряясь, что я ему весь суп испортила. Правда, серебряная монетка неплохо заткнула рот, и мне даже дали немного привести себя в порядок, после чего выпустили в зал, вручив ключ от одной из свободных комнат.

Кивнула, еле сдерживаясь, чтоб не выругаться, и как можно более неспешно взошла по

лестнице на второй этаж. Приближаясь к снятой еще недавно комнате и стараясь услышать еще хоть что-то, кроме звука врезающегося в ребра сердца.

Вот она.

Дверь чуть приоткрыта, и из-за нее слышны голоса. Но не Вирта, я не слышу Вирта. Сжав кулаки, осторожно прислоняюсь рядом к стене, вслушиваясь и стараясь даже не дышать.

— Повторяю в последний раз. Магия этого мира больше не может терпеть тебя здесь.

Мурз? А он что здесь делает?

— Я без нее не уйду.

— Да она даже до утра не протянет. Посмотри на нее!

Тихое рычание, в котором отчетливо слышна ярость.

— Мир становится все более и более реальным. Она начала создавать его, но теперь у него свои законы, своя магия, свои правила и жизнь. И он чувствует тебя как нечто чужеродное, пойми это. Ты не можешь и дальше оставаться в этой форме. Либо разделяйся обратно, либо...

— Я не уйду.

Тишина. Только сердце колотится в груди как ненормальное.

— ...либо уходи вместе с ней...

— ?..

— Что ж, тогда забирай. Вот она. Только... сильно потрепана, но в этом виноват ты один.

— Она должна прийти в себя и согласиться. Только тогда отключение от жизнеобеспечения может помочь ей проснуться.

— Так разбуди.

— Издеваешься? — шипение.

— Нет. Я серьезен. Разбуди.

Пытаюсь заглянуть в щелку, мало что понимая.

Ошарашено смотрю на лежащую на кровати, залитую кровью по самые ушки, меня и склонившегося над телом и осторожно лечащего жуткие раны Вирта. Кот сидит рядом и нервно дергает хвостом.

Я уже ничего не понимаю.

— Не отзывается. — В голосе эльфа — лед и металл. Я еще никогда не видела Вирта таким. Словно вот-вот сорвется.

— Мне жаль.

— Да ты... — вставая и делая шаг вперед. Кот ощерился, вздыбив шерсть.

Раскрываю дверь, вхожу и смотрю в расширившиеся глаза мужа.

Кот поворачивается, шипит и прыгает ко мне.

Эльф поворачивает голову, очертания фигуры смазываются. И пантеру отбрасывает к окну — она вышибает стекло. Воющее животное падает вниз. По лицу — словно ветром мазнуло. И все.

— Марина.

Сильные, родные объятия, зарывшиеся в волосы пальцы и его теплое дыхание. Я... скучала.

— Что?

На кровати — медленно тает силуэт моей растерзанной тушки.

— Пойдем домой, пожалуйста, — хрипло, сжав руку в кулак и зарываясь лицом в мои волосы. Вторая рука крепко держит за талию, не позволяя даже шевельнуться.

Замираю и упорно молчу, едва сдерживаясь, чтобы не сказать «да». У окна слышен звон падающих на пол стекляшек.

А на подоконнике снова стоит Мурз.

Молча на него смотрим.

— Что ж... похоже, мне снова придется все объяснить.

Кот спрыгивает на пол, что-то шепчет, и окно становится целым. А мелькнувшая на стене противоположного дома белая тварь разочарованно скользит дальше. Меня передергивает.

— О чем? — Вирт удерживает меня в объятиях, даже и не думая отпустить. Кот, лизнув оцарапанную лапу, задумчиво на нас смотрит.

— Она создала этот мир, Вирт.

— Я это уже понял.

— Как и то, что мир начал жить самостоятельно?

— Да.

Я не вмешиваюсь, мне просто уютно в его руках и хорошо при мысли, что меня не бросили и не оставили здесь одну.

— А знаешь, почему он стал так активно оживать? Потому, — не дожидаясь ответа Вирта, — что твоя жена все ближе и ближе к грани, после которой выбраться отсюда уже не сможет. Ее душа становится душой этого мира. И если она его покинет — умрем мы все... Умрет сестра вампира Вирха. Умрут все ее подданные. Исчезну я, фея, все еще ищущая Марину в лесу. Гриша, храпящий в соседней комнате и так и не добравшийся до своих островов. Ты это понимаешь?

Молча смотрю на Мурза.

Снизу раздаются негромкие крики пирующих людей, за окном луна скользит меж туч, заливая все белым неярким светом. Где-то в трубах воет сонный ветер, навевая дрему. Этот мир не может быть нереальным. Он еще более реален, чем я.

— Это стало больше, чем просто фантазией. У людей, эльфов, фей и прочих существ начинает просыпаться своя воля. Жизнь уже идет своим чередом. И только-только начинающий осознавать себя мир совсем не хочет терять ту, кто его создал, ту, которая способна защищать, как никто другой.

— И что со мной станет, если я останусь? Я ведь чуть не погибла недавно...

Кот смотрит на меня так, что осекаюсь. Но отвечает, как ни странно, по-прежнему вежливо:

— Что с тобой станет? Простите, госпожа, но ни одно живое существо здесь неспособно причинить вам вред. То была... оплошность, случайность. Ради исправления которой в нужном месте и в нужное место появился я. Не появился бы я, случилось бы еще что-то. Но поверьте, вам ничего и никогда не будет здесь угрожать. Вы будете вечно молодой и прекрасной, госпожа. Сможете прожить тысячи жизней! В любой момент изменить внешность, возраст, привычки. И даже стирать и возвращать себе память по желанию. А захотите — поступите в Академию волшебства и станете лучшей волшебницей этих земель. Спасете каких-нибудь друзей и весь мир в придачу от страшного зла. Или проживете много лет на берегу океана, обзаведясь семьей и нянча детей. А можете хоть завтра отправиться путешествовать с Гришей, он явно не будет против. Особенно если с ним поедет крепкий мужчина, которым вы при желании можете стать. — Клыкастая усмешка. — Здесь у вас будет все! Любая сказка. Любая фантазия. Пойми это, Марина.

— Вирт...

— Вирт не может остаться. Он — чужой. И его все равно очень скоро отключат медики.

— А если я умру в реальности?

— Теперь ЭТО — твоя реальность. А тело умрет. Там оно действительно умрет. Но тебя это не должно волновать.

Молча сморю на кота. Чувствую, до какой степени напряжен стоящий между мною и ним Вирт. И... впервые в жизни мне нечего сказать.

— Выбирай, Марина. Выбирай свою сказку. Тысячи, миллионы сказок! И все настоящие, все со счастливым концом. Или же, — сощурив глаза и махнув хвостом, — жизнь с одним человеком. В мире, из которого ты настолько хотела сбежать, что смогла создать свой собственный. В мире, который тебя отверг.

Вирт тихо зарычал, выпуская когти. Его фигура менялась. Вместо эльфа передо мной снова стоял высокий, сильный худощавый мужчина, с ненавистью смотрящий на вострапанного кота. И... ждущий, что я отвечу. Ожидаящий моих слов.

Вирт.

Закрываю глаза и мотаю головой.

— Мне надо подумать, — хрипло. — У меня ведь еще есть месяц.

Кот сверкнул глазами и склонил голову в изящном поклоне.

— Что ж. Как будет угодно госпоже. Но вы правы, вам стоит подумать.

И пантера прошла мимо нас к выходу, даже не покосившись в сторону Вирта.

Муж же, опустив голову, смотрел на свои руки и молчал.

И я тоже молчала... Не зная, что ему сказать.

Глава 45

«Добро пожаловать в мой мир. Мир добра и света! Здесь есть мирные люди, незадачливые гномы и мудрая властительница, которую все любят и просят поразить страшное зло. Это я.

Что? Да, я в курсе: враг силен и необычен, а зло не дремлет. И про дюжину драконов знаю. Да, да, про то, что темный властелин — колдун и каждый вечер убивает по козе, мне тоже известно. Нет, запоры не лечу. И грыжу не вправляю. Что тогда умею? Все! И по зубам дать в состоянии, если не прекратишь прикапываться.

Итак, на чем я остановилась? Ах да...»

— Что пишешь? — Вирт зашел в номер и сел на край стола.

Зачем-то переворачиваю лист бумаги — немного рваный и с пятном от курицы в центре. Разглядываю пальцы, осторожно разглаживающие края. Фея, до этого сидевшая на столе и дававшая «ценные» советы, по стеночке вылетела в окно. Вирт ее не переваривал, и она это помнила.

— Я хочу немного тут все изменить. — Улыбаюсь и отвожу взгляд от окна. — Устроить себе что-то вроде последнего приключения.

Вирт молчит. Подняв лицо, встречаюсь с пристальным взглядом спокойных глаз.

— Последнее?

Киваю и пожимаю плечами.

— Я поняла, что люблю тебя, еще тогда, когда чуть не сбежала с Мурзом. Ну и подумала, а точнее, поняла, что не смогу создать здесь себе кого-то, с кем мне будет настолько же не одиноко. И потом... я так долго добивалась Хорта. — Растерянно замолкаю, окончательно запутавшись.

Вирт кивает, встает и выходит. Удивленно смотрю ему вслед, прикусив губу. Ему все равно? Не может быть, чтобы мои слова даже не задели — он ведь так долго пытался меня вернуть. Или просто не хочет показывать чувства?..

Ладно. Неважно. Все неважно — я ведь уже приняла решение быть с ним.

Переворачиваю лист, беру в руки потрепанное гусиное перо и снова макаю его в чернильницу. Первой появляется жирная клякса. Тяжело вздохнув, корябаю дальше. Так, если я все правильно поняла, в этом мире слова, которые я пишу, становятся частью реальности, буквальным образом оживая. А это значит — нужно как можно ярче представлять себе то, что хочу, и оно возникнет само собой, перекраивая реальность.

Так, что хочу... гм, драконов? Дюжину.

Представила, откидываясь на стуле и покусывая кончик пера. Вспомнился последний увиденный мною дракон...

Нет, дюжина — это явно слишком. Комкаю и выбрасываю лист.

На фиг. Начнем заново. Благо гном натаскал мне просто немереное количество макулатуры.

А за дверью, прислонившись к ней спиной и опустив голову, стоял парень. Глаза закрыты, кулаки сжаты. Он глубоко дышал, приходя в себя.

— Вы в порядке, господин? — Молоденькая служанка, направлявшаяся с подносом, полным еды, в соседнюю комнату, кокетливо улыбнулась.

Черные глаза обожгли, заставив подавиться фразой.

— Да, — угрюмо, не удостоив даже взглядом.

Зато по сердцу — словно лезвием провели. И очень захотелось оказаться как можно дальше.

— Итак, продолжим!

Мысли избороздили морщинами лоб. Упорно разглядываю девственно-чистый лист. Правда, немного сальный и опять же с черным пятном сбоку. Но это мелочи.

«Жила-была... я. И владела огро-омной силой».

Воздух вокруг загудел, сгущаясь и потрескивая. Вздыхаю и комкаю лист, бросая в ведро и доставая новый. Воздух тут же успокоился.

Тогда так:

«Над миром сгустилось зло...»

За окном потемнело.

«Грозовые тучи парили над городом, собираясь в стаи».

Снаружи грохнуло, в полутьме что-то сверкнуло — видимо, молния. Достая из стола свечку, сжимая в зубах перо и нащупывая пяткой упавшие спички. Есть свет! Отлично. Продолжаем.

«Но это была не обычная гроза. Это был ураган, который насылал из своей мрачной темной башни волшебник Камнепупс! С детства ненавидевший весь мир в общем и каждого посмеявшегося хоть раз над его именем в частности».

Грохнуло так, что заложило уши, пол под ногами дрогнул. Поворачиваю голову и наблюдаю за тем, как из земли, прямо за окном, вверх медленно поднимается ветхая каменная башня с дырами в стенах и каменными ступенями винтовой лестницы, вырастающими прямо на глазах.

— Круто.

Мне никто не поддакнул — фея так и не вернулась. Зато первый этаж таверны резко затих. Народ явно позабыл о выпивке и теперь, открыв рты, наблюдал за бесплатным представлением. В окнах домов напротив мелькали испуганные лица. Кто-то стоял в ночнушке и со свечой, кто-то держал на руках кошку. Все были в шоке.

Довольно улыбаюсь и продолжаю. Это ведь еще не все, дорогие.

«Он жил в городе уже сорок лет, и каждый с детства помнил и его, и жуткую башню, возведенную в незапамятные времена в центре города, каждую ночь грозящую рухнуть на дома простых горожан».

Лица начали исчезать из окон. Башня медленно и очень громко двинулась куда-то вбок, обрушивая края домов и глубоко пропахивая мостовую, вплоть до подвальных уровней грунта.

«И каждый смеялся над ним, его именем и огромной острой шляпой, которую Камнепупс носил на голове. На ней были вышиты звезды и слово: „Волшебник“. Да-да, именно так!

А еще у чародея жил толстый белый кот — единственное во всем мире существо, которое было дорого злему гению».

Вдали послышался глухой раскатистый вой, напоминающий кошачий. Почесав нос, продолжаю строчить, растягивая губы в улыбке.

«И вот однажды волшебник решил захватить мир! Он нарядился в длинную черную мантию, накормил кота и вышел на балкон, захватив посох со сломанным навершием. Почему оно было сломано? Просто он как-то чистил им большую бочку с очень вязким и прилипчивым варевом. В ней-то посох и сломался, зацепившись то ли за гвоздь, то ли еще за что.

Итак. Он вышел, поднял посох. Медленно, распевно произнес заклинания...»

Ветер усилился, ставни с грохотом распахнулись внутрь, покачиваясь на петлях.

«...и явилось Зло, повиснув в небе в виде большого красного ока и осветив дома алыми отблесками жуткого пламени. Которое должно было истребить всех жителей города, а потом и всего мира».

Комнату послушно залил алый свет. Подумав, не удержалась — встала, подошла к окну и высунулась наружу. В небе, то сужая, то расширяя черный зрачок, словно кошачий, завис огромный красный глаз, нервно исследующий все вокруг. Вдалеке накренилась высокая старая башня, покачивающаяся на ветру. Иногда с нее осыпались кирпичи и куски штукатурки. А наверху, на балконе, что-то крича и размахивая палкой, застыла маленькая дергающаяся фигурка, сжимающая под мышкой вопящего кота.

— Марина! — Дверь в комнату распахнулась, и в нее влетел Мурз. — Ты что творишь?!

Оборачиваюсь и довольно улыбаюсь.

— Не бойся, я всех спасу.

Мурз сощурился, заметил листок на столе и, подбежав, начал читать.

— Это что?

— Ну... сказка. Но со счастливым концом!

— Позволь узнать, какой будет конец? — комкая лапами лист и пытаясь его разодрать.

Лист не рвался и не комкался, — упрямо распрямляясь и выскальзывая из лап. Я пожала плечами и села на подоконник, болтая ногами в воздухе.

— Я всех спасу. А что?

— Да. Идея оставить тебя здесь, возможно, была не самой гениальной, — буркнул кот и, осторожно прихватив лист зубами, сунул его в огонь свечи. Лист не горел.

— Блин... Марина!

— Ммм?

— Тьфу. Немедленно верни все, как было. Ты хоть понимаешь, чей глаз открыла?

— Ну...

— Это глаз мира. Блин, я же тебе рассказывал, что этот мир оживает и начинает осознавать себя. Так вот ты этот процесс сильно ускорила, и теперь мир смотрит на самого себя и пребывает в состоянии шока. А ты еще и собираешься его уничтожить!

— Кого? — Я уже ничего не понимаю.

— Мир! Он же у тебя «вселенское зло», — язвительно. — Или ты решила, что, написав на бумаге слова «Большая Бяка», получишь что-то, что развивалось веками и способно уничтожить все сущее в один присест? Так не бывает.

Вздыхаю, встаю и иду к столу. Лист покорно вспыхнул в руках и осыпался на пол кучкой пепла. Алый свет за окном тут же сменился серым. А вскоре тьма над городом рассеялась, и в окно заглянуло солнце.

— Так лучше?

Кот облегченно кивнул, за окном что-то жажнуло, пол вздрогнул. Послышались вопли и грохот падающих домов. Обернувшись, я так и не увидела башню.

— Мурз...

— Она упала, — тон мрачный донельзя.

— А волшебник, он исчез?

— Нет, он не исчез. И кот остался. И Камнепупс обязательно снова отстроит башню и будет и дальше всем пакостить. Живые существа, создаваемые тобой, так просто сгинут вряд ли.

Хмурюсь, разглядывая морду пантеры. Хм, и ведь намного лучше было, когда Мурз был просто котиком. Небольшим таким, толстым и...

— Марина!!!

Сидим с котом на кровати. Он — в виде мелкой и страшно пушистой черной язвы —

уже полчаса дуется, прижимая к груди хвост. Из шерсти торчат два уха, да видны черные круглые глаза и мокрый нос. Ну еще кончики лап иногда появляются. И хвост у него теперь шикарный: длинный, мягкий, да и вообще замечательный.

— Мурзик, тебе так и вправду лучше.

— Отстань, — продолжая смотреть в одну точку и тяжело переживая.

— Зато ты теперь еще и самый крутой маг в этом мире. Потому что я так хочу. — Правое ухо повернулось ко мне. — Но вот внешность изменить уже больше не сможешь... слишком... слишком уж ты хорошенький.

Сгребая на руки и крепко прижимаю к груди выдирающегося «волшебника», утыкаясь в шерсть носом.

— Марина!

— Ну ладно, ладно.

— Пусти.

Вздых. Бережно сажаю взъерошенного кота на подушку.

— Так лучше?

Злобный взгляд, возмущенное сопение.

— Так, ладно. Будем... приспосабливаться и думать, что делать дальше.

— С кем? — почесывая его за ушком.

— С тобой!

— Гм. А что со мной нужно делать?

Суровый взгляд в упор.

— Даже и не знаю. Если просто оставить тебя в покое — ты весь мир угробишь с той же легкостью, с какой создала. А он и так еще нестабилен и местами представляет одно сплошное белое пятно. Расы толком не устоялись, некоторые существа выглядят как нечто среднее между гномом, эльфом и троллем.

С трудом пытаюсь себе такое представить.

— Я, конечно, понимаю, что ты в детстве в переизбытке начиталась фэнтези, и теперь у тебя в голове такая каша, что мне это еще разгрести и разгрести.

— Почему тебе? — с удовольствием глядя на разглагольствующий среди подушек пуп земли.

Глазки угрюмо сверкнули.

— А кому? Я — наиболее законченный вариант персонажа. Да и ты сама сделала так, чтобы в сказке я стал чуть ли не главным после тебя. Вот и...

Улыбаюсь и снова тискаю вырывающееся чудо. Главный он. А что? Забавный такой пупок мира получился — прикольный до жути!

— Марина, — шипя сквозь зубы.

Усмехаюсь и падаю на одеяло, поглаживая его по голове. Кот подумал и смирился, даже тихо заурчал. Правда, как-то с угрозой и не переставая фыркать.

— И что же ты будешь делать с миром?

— Ну... ты ведь решила через месяц уйти?

— Подслушивал?

— Я телепат, не забыла? И возможно, единственный в мире, кто знает твои мысли чуть ли не наперед.

— Гм.

— Но так просто все бросить ты и сама не хочешь. Это хорошо.

— И что тогда?

— А я уже все придумал, слушай. Первое: мы за этот месяц проедем по миру, и ты своим воображением заполнишь все оставшиеся белые пятна. Ну хотя бы основные.

— А успеем? — с сомнением.

— Больших — всего штук пять. Так что успеем. Тем более что мир пока ограничивается этим островом и еще одним — поменьше, с которого и приехал твой Тарзан.

— Хм.

— Тебе даже делать ничего не надо будет — просто доедешь, оглядишься и уедешь. Твое воображение само заполнит пустоты, разумно не показывая черные дыры, зияющие посреди зеленого поля, леса или города.

— Или деревни. И все равно...

— И все равно мир будет нецелым, непродуманным, и ему все еще нужна будет твоя помощь. Недаром он с таким ужасом смотрел сам на себя пять минут назад.

Киваю и глажу мягкую до невозможности шерсть. Урчание стало сильнее, но Мурз и не думал затыкаться.

— Так что ты тут надолго.

— Но сам же сказал, что я смогу уйти через месяц.

— Я? А, ну да. Но я и не говорю о коме. Я все узнал, и твоя смерть в реальности больше не нужна. Есть вероятность, что этот мир еще слишком слаб, до конца себя не осознал и погибнет вместе с тобой. Да и... привязался он к тебе. Очень, — смущенно.

— Откуда знаешь?

— Ну я же тут главный после тебя... и я как-то чувствую его. Его ощущения. Мыслей-то пока нет. И он и вправду к тебе сильно привязан и не хочет, чтобы тебе было плохо. Но и отпускать не собирается.

— И как быть?

— Да все просто, — махнув лапкой и подняв голову, чтобы почесали еще и подбородок. — Твои сны. Каждый раз, как ты будешь засыпать, тебя автоматически будет перебрасывать сюда. Вот... только время будет тянуться чуть иначе. Где-то в шесть раз дольше. Так что один твой сон обернется двумя-тремя днями здесь.

Думаю. Хмуря брови и чувствуя, как в груди поднимается чувство глубокой и искренней радости. Получается, у меня будет свой собственный мир. Мир, в котором я буду главная, где у меня будут друзья и приключения... Блин, если раньше я думала о том, что проснусь, с чувством ужаса и отрицания, и единственное, что заставляло принять это решение, был Вирт. То теперь...

Обнимаю кота, уткнувшись носом в мягкую шерстку и глупо улыбаясь. Не разреветься бы. Здорово. Как же все-таки здорово, если все это правда.

— Ну чего ты? — смущенно. — Ты же не думала, что все вот так просто исчезнет. Ты эта... как Питер Пен — теперь тут надолго. Точнее, навсегда. А как умрешь — от старости или еще чего, — так тут и поселишься окончательно. Со временем станешь даже чем-то вроде высшей си-илы... Так что советую уже напрячься по поводу грядущего бессмертия и тысячелетий тоски и прозябаний.

Смеюсь, откидываясь назад и разглядывая заразу.

— Я согласна.

Кот только вздохнул и, довольно кивнув, вывернулся из рук. Впрочем, тут же был пойман и водворен на место.

— Марина!

— Я не Марина.

Удивленный взгляд и вопросительно склоненная набок головка.

— Это мой мир. Здесь — не там. И имя у меня будет другое.

— И как же мне тебя называть? — язвительно. Выдернув хвост и внимательно его разглядывая — не помяла ли.

— Не знаю. Придумай сам. Раз уж ты чувствуешь сознание этой вселенной, то и спроси, какое имя ей бы понравилось.

— Гм. Ты просишь спросить у новорожденного, как ему тебя называть?

— Только не «мама», — садясь и довольно потягиваясь. — Давай думай, а я пока еще чего-нибудь напишу. Мне понравилось.

— Смотри не вздумай снова вызывать вселенское зло!

Киваю и со скрипом придвигаю стул к столу. После чего беру перо и задумчиво изучаю трещину на стене с гигантскими пятнами плесени в центре. Итак.

— Гм... хм... я имя потом скажу, ладно?

Отмахиваюсь, самозабвенно выводя слова на бумаге. Потом так потом. Мне не к спеху.

Глава 46

Я решила написать первую книгу по магии в этом мире. Да, размах велик. Но мне как-то не хочется, чтобы еще были индивидуумы (кроме меня), способные силой воли заставить дома летать, а воздух — разрезаться вплоть до вакуума. Поэтому за дело я взялась серьезно. Сначала попросила принести в комнату побольше еды, натаскала с рынка ковров, мягкой мебели. И выкрасила стены, пол и потолок в какую-то гадость, при высыхании изображающую дерево. Ну и... потратила на все это кучу денег.

Вирт — целыми днями пропадал в городе, что-то там организуя, часто покидая мир совсем. Говорил, что беседует с врачами и подготавливает мое возвращение назад. И если здесь мне давался на размышления месяц, то в реальном мире должно было пройти всего пять дней.

— Госпожа желает что-нибудь еще?

Отвлекаюсь и вопросительно поднимаю взгляд. Худой высокий мальчишка стоит передо мной и с трепетом смотрит на стол, где лежит ОНА! Первая книга по магии, которую я лениво дописываю между делом. Паренек уже второй день упрашивает меня переместиться в местную Академию магии и волшебства, которая только недавно восстановила рухнувшую башню Камнепупса. (И, вытолкав оттуда возмущенного мага с котом, прочно обосновалась сама, достраивая шатающуюся конструкцию на ходу.) Я пока креплюсь.

— Нет, — зевая.

— Мы бы выделили вам подвальный этаж, — глядя вопросительно и напряженно.

— Гм.

— И если башня снова рухнет — там будет не страшно.

Хмыкаю и сажусь за стол. За спиной раздается напряженное сопение.

Паренька, кстати, зовут Сэм. И он просто с ума сходит от магии. Правда, самое крутое, что может местный чародей, — это вызвать легкий ветерок или приподнять книгу на полсекунды, а полеты на метлах, левитация, телепортация и прочее — не снились народу даже в самых жутких кошмарах. Но вот, к примеру, магофонарь создать — это всегда пожалуйста. Да и рисунки на стенах оживить местным магам несложно. Всего-то и надо: взять волшебный мелок, залежи которого откопаны в лесу, и нарисовать что-нибудь на стене или поймать магических светляков в ближайшей пещере, сунуть в прозрачный ящик и периодически подкармливать, не забывая чистить стекло хотя бы раз в неделю.

— Так, ладно. Возвращайся к магам и передай, что я ни сегодня, ни завтра не собираю...

— Там диван есть, — тихо и с надеждой.

Замираю, забыв макнуть перо в чернильницу.

Диван — это круто. Я его на рынке ни за какие деньги найти так и не смогла. Максимум: кресло-качалка, да и то чуть ли не каменное. Остальное считается изысками моды, которые простым смертным ни к чему. Народ-то бедный.

— Диван? — Длинное ухо повернулось в сторону парнишки. Я поняла, что палюсь.

— И хлодлинник!

— Холодильник.

— С едой, — добавляет мрачно.

— Гм. И все равно. Подвал — это не для...

— Так можем на чердак все перетащить! Просто... там слегка качает.

Воображаю, какой вид открывается из окна. Заманчиво до ужаса. А качает... так ну и что? Трактир, кстати, уже начал меня потихоньку доставать.

Разворачиваюсь на стуле, пристально глядя на утирающего нос рукавом парня. Сэм смотрел на книгу, отлично понимая, что это такое. И в глазах его горела дикая жажда знаний.

— Хм. А хочешь, я возьму тебя в ученики? — Зачем ляпнула, спрашивается? Вытаращенные глаза и трясущиеся руки наемкнули на то, что парень не возражает, — Но эмм... у меня учиться сложно.

— Я согласен!

— Можно превратиться в жабу, мушку или таракана. Случайно.

Мертвенная бледность и мужество в перепуганных глазах.

— Я...

— Я буду пропадать надолго. А тебе придется много работать: шить, стирать, убирать... — мечтательно.

— Я хорошо готовлю!

Затыкаюсь и пристально смотрю на сияющего улыбкой, но все еще дрожащего паренька. Готовка — это важно. Это, наверное, вообще самое важное из всего, что он может уметь.

— Докажи. — Отворачиваюсь и снова склоняюсь над листами, мучительно морща лоб.

За спиной тихо скрипнула и закрылась дверь. Мой будущий слуга умотал готовить ужин, горя желанием стать «подаваном». Н-да.

— Ну как? — В глазах такая тоска, что проглатываю почти против воли.

Это... ужасно. Подгорелая яичница залита соком винограда и усыпана... овощами, наверное. По крайней мере, эта комкастая масса нежно-синего цвета вряд ли является мясом. Ну просто ужасно. Давлюсь дальше. А что делать: он же сейчас разревется, а такого я не переживу. Ребенку всего четырнадцать.

— Мм. Я наелась, — мрачно ставя шедевр на подоконник и чувствуя бульканье и стоны в животе. Мне страшно.

— Не понравилось, да? — вымученно.

— А... просто картошку пожарить не можешь?

Удивленный взгляд.

— Так вы ж волшебница! — Таким тоном, словно я еще и при смерти. — Я и так переживал, что раздобыл всего одну жабу.

Кошусь на тарелку, стараясь не представлять себе, что именно было жабой. Овощи, это были о-во-щи!

— Я... я отшельничаю, — неуверенно глядя на ковры. — Временно живу просто и ем, как все. Так что...

— Дык тогда я мигом!

Мрачно смотрю на грохнувшую о косяк дверь. С потолка в тарелку рухнул паук и, не веря своему счастью, продегустировал месиво.

А потом он умер. В муках. В животе же скворчало все сильнее и сильнее, подкатывая к горлу.

Сवेशиваюсь из окна, сотрясаясь в спазмах.

— Готово!

Все еще сижу на подоконнике, тяжело дыша и глядя в небо. Птицы, парящие в самой вышине, задумчиво обозревают рынок, гадая: стоит ли наведаться за рыбкой или пока подождать. Тут, кстати, река течет неподалеку. Неглубокая, но чистая. Народ иногда выбирается в лес и рискует купаться и рыбачить, особенно на жаре. Только вот с недавних пор знать «зарезервировала» места выше по течению только для себя. Причем столько «назарезервировала», что для простых людей добраться до воды стало нереально в принципе. Рыбу теперь и ту возят из-за леса.

— Вот картошка, — робко подходя и протягивая поднос.

Закрываю глаза и усилием воли очищаю кровь, сбрасывая яд в печень и отрубая ощущение тошноты и боли. После чего мрачно разглядываю жареную картошку, демонстративно принохиваясь.

— Тут лук, чеснок, птица. Мясо, — улыбаясь и шмыгая носом.

С виду все съедобно — киваю и протягиваю руку. Мне суют поднос с тарелкой и вилкой.

В напряженной тишине дегустирую, старательно пережевывая и прикрыв глаза.

Хм. Вкусно. И даже очень. Особенно на фоне предыдущего блюда.

В полной тишине съедаю все до конца. Сэм провожает взглядом каждый кусочек. Кошусь на него, вспоминая, что леса, как и реку, поделили между собой волшебники на пару со знатью. А потому с едой тут туго, мясо — вообще редкость. А вот картошка — обычное блюдо, наравне с завозимой рыбой и корнеплодами. Ну это я исправлю. По крайней мере, попытаюсь. Ибо не фиг! Мой мир — мои правила.

— Ну как? — тихо.

— Сойдет, — со вздохом.

— Так я...

— Да. Ты теперь ученик. — Трагическая пауза, заставившая парня проникнуться. — Можешь начинать переносить мои вещи в башню. И... вот, найми носильщиков. Ковры-то один не утянешь, надорвешься.

В грязную узкую ладошку упали три серебряные монетки. Запоздало вспоминаю, что столько стоит неплохая лошадь. Глаза пацана стали по медяку каждый.

— Я... это. Ага.

И больше я его не видела. Ближайший час, по крайней мере, точно. Видимо, у парня нехилые долги, и он рванул их оплачивать, пока заемщики не прибили. Ну и ладно, я ведь никуда не спешу. Подождем.

А потом меня разморило, и я уснула там же, где и сидела: растянувшись на подоконнике, как кошка.

Позже, вечером, стоя у подножия башни, мы ожидали, когда нас впустят внутрь. Покосившиеся створки ворот, в спешном порядке отдираемые, жалобно скрипели петлями. У ног валялась красная ковровая дорожка, вся усыпанная звездами, и с огромной надписью «Волшебный путь» — по краям. Н-да. С грамотностью тут явные проблемы. Но это и хорошо, мне больно умные волшебники не нужны.

Створки отодрали, меняпустили. Пара старичков долго жала руку, отпихивая остальных. Наперебой упрашивали откусать в тесном семейном кругу, уверяя, что мне все очень рады, а книге заклинаний, которую я так своевременно решила написать, — и подавно. Также узнала, что таких умных и просветленных личностей, как я, встретить уже нельзя, что познакомиться со мной и узнать поближе — дело всей жизни некоторых и самая большая мечта большинства. Плюс попросили поколдовать на бис, замерев при виде пульсара и с трудом расслабившись после его исчезновения.

Позже демонстрировала первую в мире книгу заклинаний, в виде кое-как перетянутой шнурком кипы самых разнообразных листов: от упаковочных до газетных, натеренных трактирщиком где ни попадя. Книга произвела фурор, у меня просили ее поддержать или потрогать. Не дала, сказав, что кусается. Уровень уважения в глазах общества зашкалил.

Короче, только через полчаса взаимных расшаркиваний и обещаний пообедать, поужинать и выпить смогла вырваться из банкетного зала к извитой, идущей вдоль стен башни лестнице с тысячью ступенек и ждущему меня с вещами Сэму. Остановившись и переведя дух, внимательно оглядела крутой подъем. Ступени в виде каменных плит, отделенных друг от друга небольшими проемами, пугали, заставляя крепче сжать зубы. Но подняться бы все равно пришлось. А потому, закинув за спину тяжелый мешок, я начала свое восхождение. Сэм, с двумя коврами под мышками (носильщиков прощелыга так и не нанял — пер все сам, да еще и меня нагрузил), шел следом, спотыкаясь буквально на каждом шагу. Перил, кстати, тоже не было, и при восхождении мы рисковали нехило грохнуться на подступах к долгожданной цели. Правда, волшебники предупредительно расстелили внизу маты и поставили батут на случай падения. Но успокаивало это слабо.

— Наконец-то. Дошли!

Грохот за спиной. Обернувшись, увидела Сэма, согнувшегося над краем пропасти и наблюдающего за падением одного из ковров.

— Жлоб, — сообщила я и ударом выбила крышку люка над головой, ведущую на чердак. Потом, кряхтя, залезла и, чихая от пыли, заинтересованно огляделась. — Н-да-а. Тут бы прибраться.

Сэм пролез, таща второй ковер, и, тяжело дыша, бросил ношу на пол. Поднялись клубы пыли. Я снова закашлялась, утирая слезы, и рванула к окну. Есть! Открывается. Бли-ин.

— Не так уж и грязно, — объявили за спиной, почесывая макушку и пытаясь расстелить ковер.

— Эй! Куда в грязь стелешь?!

Глава 47

Мы с Сэмом стояли в небольшой комнатке с конусовидной крышей и одним, но огромным окном, из которого открывался отличный вид на город. Стены были искорежены, а начавшийся дождь залил пол и ковры через дыры в черепице. Чему, кстати, Сэм не мог не нарадоваться: не надо теперь бегать вверх и вниз с ведрами воды для помывки. Крышу и стены чинила я. Магией и довольно грубо, причем тогда, когда Сэма в комнате не было (не фиг ему знать, что я могу колдовать без слов и неприличных жестов). А еще по углам зачем-то валялось с полдюжины черных свечек. Мы их выкинули.

Вернувшийся со вторым ковром парень обозрел залатанные мною кривые стены, промявшуюся крышу и местами вздутый пол, почесал затылок и сообщил, что круто. И теперь не будет задувать и лить. Киваю, пытаюсь закрыть окно с перекошенной рамой. Окно в итоге тоже пришлось перекосить, но закрывалось и открывалось оно с тех пор без проблем.

Прибирались на новом месте мы до позднего вечера. Паутину убрали, полы вымели. Причем Сэм вымел все прямо в люк, заставив злых мэтров спешно покидать заполнившуюся густой взвесью пыли и насекомых башню. Парню я дала по шее. После чего покрыли все краской в цвет дерева и расстелили мокрые ковры. А еще диван поставили — мне его волшебники донесли до самого верха, матерясь на нескольких языках разом. Ну и заодно притаранили стол, стул, лавку для Сэма и засохший кактус как элемент интерьера — на подоконник.

Всех поблагодарила, со всеми побраталась, выпила и поела, щедро оплатив счета из трактира. Потом — выставила пьяный, но довольный народ и, устало рухнув в кресло, вытянула перед растопленным камином гудящие ноги в дырявых носках.

На небе светила синяя луна, робко заглядывающая в правую половинку окна. Башня уныло покачивалась на ветру, скрипя всеми суставами. А меня сморил сон прямо в кресле, так удобно поставленном перед огнем.

Наутро.

— Сэм, иди сюда. Учить буду.

Сонное чмокание и шебуршение на лавке. Лавку, как и тот угол, где он спал, мы пока отгородили простыней, но уже к вечеру надо будет что-то придумать. Мне нужен свой угол, ему свой. А то даже помыться толком нельзя.

— Да, хозяйка.

— Можно просто... гм... — Вспоминаю, какое имя мне в итоге дал Мурз. Хмуро смотрю на веснушчатую мордашку, заинтересованно на меня взирающую. — Можно просто Лиовера.

— Лои... гера.

— Ну... Или Вера. Или Учитель.

Облегченная улыбка и быстрые кивки.

— Итак, начнем!

Первым делом учила его заклинаниям уборки.

— Пиктограммус Импатикус Эсфельдаро... — пробурчала я, водя пальцем по странице и с трудом вспоминая, что конкретно хотела этим сказать. Кажется, идея заменить все слова тарабарщиной вчера казалась мне гениальной. Н-да.

По комнате прошел вихрь. Все заблестело, включая сапоги и одежду. Восхищенный вздох ученика, просьба попробовать самому. Киваю и посылаю Сэма тренироваться во двор. Так, на всякий случай.

Обратно мне его привели минут через пять и за шкирку, проорав, что юный герой зашел в курятник, и через минуту все куры резко облысели. А перья — до сих пор летают по двору, дразня собак.

Чешу в затылке, киваю, извиняюсь. Мне велели заплатить за кур. Вспоминаю, что вежливые волшебники здесь нонсенс и признак бессилия. Рывкнула, сдвинув брови и воспламенив над рукой мощный пульсар. Встрепанного парня аккуратно поставили на пол, извинились и радостно пообещали зажарить курочку к вечеру. Пятясь задом к люку.

Довольно отпустила мужика с миром.

— Сэм! — Обернувшись, наткнулась на страшно несчастные глаза паренька.

— Я почти правильно сказал... просто... не сразу вышло, — виновато пожав плечами.

— В следующий раз...

— Мои козы!!! — Вопль с улицы заглушил фразу.

Смотрю на побледневшего парня.

— Тоже ты? — мрачно.

— Да, — убито.

На крышку люка мы сообща поставили диван.

Урок номер два.

— Тема: левитация, — сообщаю я.

— Леви... чего?

— Левитация, или, по-научному, парение в воздухе.

— Как птица, что ли?!

— Ага.

— Здо-орово...

— Значит, встаешь на подоконник, расставляешь руки. И...

— И хлопбь с такой верхотуры! Я туда не полезу.

— Сэм.

— Госпожа, я явно не готов к таким жутким заклинаниям. И потом, начинать-то надо понемножку. Я мог бы... со ступеньки прыгнуть. Или там с табуретки.

— С табуретки не успеет сработать.

Молчание.

— Отсюда успеет.

— Я туда не полезу, — сообщают мрачно.

— Блин, смотри!

Кактус вместе с горшком летит вниз. Шепчу заклинание. Свешиваемся с подоконника и смотрим ему вслед.

Удар о мостовую, брызги черепков и медленно поднимающийся обратно обломок кактуса. Поднялся аж до окна, молча беру его в руку и иду к дивану, прихватив книгу.

— Доработать надо.

Сэм, все еще глядя вниз, с ужасом представляет, как круто он сейчас бы отлевитировал.

Урок третий. Невидимость!

— О. А вот это я завсегда! Невидимкой — здорово. Девчонкам можно под юб... можно за косы дергать, — наблюдая за выражением моего лица.

Запоздало соображаю, что мне придется его воспитывать еще и как человека.

— Так. Вот заклинание, читай.

— Ага. Инвизибле моменто!

Молчим. Ждем-с.

— Ну как... я невидим?

— Почти, — угрюмо разглядывая результат.

— Мне нужно зеркало.

Заслоняю собой припертый только вчера раритет, в человеческий рост высотой.

— Учитель!

Неохотно отхожу. Парень внимательно смотрит на свое отражение, у которого не хватает руки и верхней половины черепа. Лицо «инвалида» пугает даже меня. Щупает голову, шепча: «Мама». Чуть успокаивается, понимая, что это не голову разрезало, а эффект такой. Попросил расколдовать.

Эмм... а вот с этим сложнее. Плюс во мне еще и проснулся воспитатель, требующий намекнуть на опасность занятий магией, пока парень во что покруче не вляпался (к примеру, спрев книгу и умотав воскрешать мертвых на кладбище). Так что объясняю, что все само пройдет к закату, и, отдав плащ с капюшоном, отправляю страдальца на рынок за овощами. У нас опять продукты кончились.

Полчаса спустя.

Пришлось пригрозить, что оставляю все как есть! Еле выгнала в таком виде.

Ну-с. А теперь передо мной стоит тяжелая задача: как сделать из всего этого бедлама на чердаке две комнаты (Сэму — поменьше), плюс санузел с ванной, водопроводом и туалетом. Задолбалась я с этим ночным горшком. Да и неудобно как-то каждое утро гордо спускаться с ним во двор.

Доски прилетели через окно, гвозди тоже. Приманиваю кирпичи, призывая их магически и надеясь, что в данный момент не рушу чей-то дом.

Пыталась наколдовать деревянный унитаз... короче, эту жуть я туалетом не назову при всем желании. Так что ограничилась дырой в полу и сооружением компактной черной дыры под ней. Правда, если свалишься — я даже представить не могу, где выберешься.

С ванной проще — они тут не в новинку. Сложнее с нормальной подачей воды. Но я пораскинула мозгами и изобрела магический водопровод, установив его снаружи. Идея проста, как веник: за окном от колодца до стены башни сварганила веревочный конвейер, работающий на честном слове и магии, которую распространял университет (тыря ее у всех магов понемногу). Потом по той же веревке со стальными крючьями, расположенными через каждые полметра, ведра поднимались ко мне и, сделав круг, выливались вниз или снимались кем-то (в перспективе — Сэмом). После — по той же веревке они спускались обратно вниз и двигались к колодцу. Система нехитрая, да и вода теперь есть постоянно, пусть и идет медленно.

Прислушавшись, поняла, что некоторые особенно смекалистые маги уже начали выдалбливать в стенах комнат дыры, дабы иметь доступ к халявной воде. Усмехаюсь и свешиваюсь с подоконника, следя за процессом. Главное — не забывать выключать конвейер. Ведь тот, кто его включает, отдает максимум магии для работы. Так что, забыв вырубить, серьезно рискует однажды умереть от слабости.

Оглядевшись и вытерев пот со лба, довольно улыбаюсь. В воздухе висит пыль, стены все еще строятся. Вокруг носятся пилы, топоры и молотки. Но зато теперь часть дома напротив окна отгорожена стеной и поделена на каморку для Сэма, небольшую ванную и туалет. Плюс еще спальню для меня. Все остальное пространство заняла рабочая зона с люком сбоку.

Ковры, правда, пришлось пинками сгрести в угол, дабы не убить, да и пыли многовато... но зато теперь я полностью спокойна и довольна.

Пойду, что ли, в трактир прогуляюсь, поем. А магия тут все сама доделает.

На первом этаже меня поймал старейшина и поинтересовался, что это за грохот наверху. Сказала — Сэм разучивает новые заклинания, и временно туда лучше не входить. Мне поверили, уточнив: стоит ли на время и вовсе эвакуировать башню. Поясняю, что нет, и зову с собой в трактир. Старейшина радостно кивнул, уточнив, за чей счет пьем. За чей, за чей — за мой, конечно. На тут же заданный вопрос о том, можно ли взять с собой пару друзей, важно киваю, радуясь, что налаживаю контакты.

Н-да. «Пара друзей» оказалась всем Советом разом. Маги заняли полтаверны, не отказывая себе ни в чем, и раз в пять минут поднимали тосты в мою честь. Напряженно смотрю на довольного старейшину, пытаюсь разглядеть хотя бы крохи совести. Мне отвечают добродушным взглядом и предлагают выпить еще. Эх, ладно. Как говорится: если не можешь исправить ситуацию — расслабься и получай удовольствие. А в идеале еще и извлеки выгоду.

Вечером, напившись, долго шла домой, в упор не помня города. Рисунки обходили меня стороной, не рискуя нападать. Волшебники — остались в трактире до утра, заночевав в комнатах. Я же... Кажется, у меня заклинания дома не выключенными остались. Стоит вернуться и посмотреть... как там Сэм. Луна, кстати, сегодня яркая-а. А точнее, обе. Смотрю на них, прислонившись к столбу и подняв голову. Так бы и завывала. Хорошо. Приятно и тепло на душе. Никогда бы не подумала, что напиться вдрызг и выслушать кучу сплетен, историй и гнусных доносов разом — будет так интересно. Волшебники вообще забавные люди. В душе — совсем как дети, выучившие пару заклинаний и задравшие носы до небес. Теперь вот очень хотят знать больше и активно подлизываются ко мне. А еще... постоянно обирают город и живут за его счет, ничуть по этому поводу не беспокоясь. Надо будет кое-что тут поменять. Но это позже. На крышу, что ли, залезть? Хоть башню увижу. А то в этих переулках можно плутать до самого утра. А я не хочу до утра. Я спать хочу-у.

Зеваю и бреду дальше, опираясь на стену с удивленно следящей за мной нарисованной кошкой.

Глава 48

Сэм сидел под самым люком и мрачно прижимал к себе сумки с покупками.

— Чего не заходишь? — Улыбаюсь, двигаясь по стеночке и стараясь не сверзиться в дыры меж ступеней.

— Там зайдешь. Я только голову сунул, а на меня уже две пилы и молоток понеслись — еле успел отскочить! А люк-то гвоздями и прибили.

Поднимаю голову и пьяно разглядываю люк. Хм. И впрямь прибит. Ну надо же.

— Отойди.

Парень скатился вниз, спеша освободить дорогу. Капюшон при этом съехал, и на лбу стал виден здоровый кровоподтек.

— Кто это тебя? Так и башку снести можно.

— Да магия ента! На рынке ветер капюшон сдул, и народ кинулся поглазеть на «полуголового», — сжав кулаки и глядя под ноги.

Закусив губу, слушаю жуткий рассказ о том, как Сэм с риском для жизни удирал по улицам от орд разъяренных горожан, уверенных, что парня надо добить из жалости. Спросила: как успел еду-то купить. Сказал: на бегу и успел. С трудом, правда.

Мрачно смотрю на три здоровенные сумки. С такими не побегаешь. Небось хитрец снимал при покупке капюшон и сбегал прежде, чем шокированный продавец вспоминал об оплате. По крайней мере, в кармане у парня что-то звякало. И наверняка последняя жертва оказалась порасторопнее прочих и успела дать мальчишке по шее.

— Ладно, погоди. Сначала заклинания уберу.

В комнате царил разгром. Деревянные доски прибиты сразу всюду. Видимо построив стену и установив двери, магия не успокоилась и решила продолжить обустривать комнату. В итоге дерево было везде: пол, стены, потолок выгибались жуткими бурунами. И пока я пробиралась к окну, два раза умудрилась споткнуться и проколоть палец, оперевшись на стену.

— Блин!

— Это вы так... на зиму утеплялись, Учитель? — удивленно оглядываясь по сторонам.

— На лето! Так. Давай помогай, надо все это отодрать...

— Как все? Да тут на каждую доску гвоздей штук по двадцать ушло! И где вы их столько взяли?

Вот и мне интересно. Тем более что расплатиться смогу вряд ли: золото-то больше наколдovывать нельзя. Едва маги поймут, что я это умею, и инквизиция с пыточным подвалом наперевес мне обеспечена.

— Не спорь. Лучше бери инструмент и...

— Они убегают!

— Кто?

Мне показали на вальяжно вылетающие из окна пилы, топоры и прочее. Вещи явно были уверены, что сделали все, о чем их просили, и теперь медленно и нагло летели куда-то в город, видимо, к прошлым хозяевам.

— Мм. А у нас нет ничего, чем можно было бы...

— Нет.

Угрюмо друг на друга смотрим. Тяжелый вздох Сэма.

— Ну Учитель, ну сами подумайте: мы только что переехали. Кстати, а чего это за двери?

— Там твоя комната, моя спа...

— Мне комнату? — ошарашено глядя на стену.

— Ну а что?

— Так ведь... а посмотреть можно?!

Киваю, все еще не врубаясь. К двери подходят, словно к памятнику архитектуры. Бережно проводят пальцами по ручке и аккуратно ее поворачивают.

— Я такую же дверь в одной таверне видел. Прямо копия! Тоже с рожами пиратов и кораблями вырезанными. Хозяин еще страшно ею гордился.

Мучительно сглатываю, сохраняя спокойствие на лице. Хорошо бы этот хозяин ко мне не вздумал наведаться.

Дверь осторожно открыли и с интересом сунулись внутрь. Иду следом.

— Ух ты!

— Ну... тут бы окно сделать.

Места, конечно, мало. Но кровать из двух лавок получилась вполне даже ничего себе. На ней и матрац есть, также невесть откуда спертый. И подушка. И тумбочка рядом стоит. Гм, а откуда тумбочка? Ладно, неважно.

Ящик бережно открыли, с любопытством заглядывая внутрь.

— Ого, да тут вставные зубы!

Мне продемонстрировали мутный стакан с чем-то белеющим внутри. Гадость какая.

— Мм...

— И конфета... и книжка! Гм. Учитель, а откуда вы эту тумбочку стырили?

Смотрю в его глаза, понимая, что меня видят насквозь. Отвечать страшно не хочется, а надо. Он как-никак будет соучастником.

— Не знаю, — мрачно.

— Ну тогда не страшно. А в остальных чего?

— А? — В шоке от его реакции.

- Ну в комнатах.
— А-а. Ну пошли, посмотришь.

Моя комната с кроватью Сэма не впечатлила, ванна потрясла, а туалет ввел в состояние затяжной депрессии. Как ни старалась, не смогла толково объяснить, что это за черная дыра. Пришлось описать ее как дырку в пустоту, из которой никто и никогда не вернется (дабы не рискнул сам туда лезть).

— А чем вас горшок не устроил? — бросив в дырку обломок доски, валявшейся неподалеку. Обломок с тихим чпоком всосался.

Парень помрачнел.

— Надоело идти каждое утро с ним во двор. Меня же все видят.

— Ну и что? — Искреннее непонимание в глазах. — Наоборот, вы — пример для подражания. Остальные выливают все из окон.

Угрюмо застываю, понимая, что у стен башни ходить больше не буду никогда.

— А то! Что так удобнее. И вообще, не хочешь — не надо.

— Да я так просто. Да и так много чудес еще никогда не видывал. Вот и... А там что? — указывая за окно.

— Ведро.

— С водой?

— Ну да.

— Вы гений!..

Вздыхнув, иду обратно в комнату и сажусь за письменный стол. Черная дыра — это, значит, не гениально, а обычный конвейер — сразу волшебство. Темные они тут. Ни фиги не соображают. Вот погодите, придет день, и за этими дырами ко мне очередь выстроится!..

В туалете что-то чпокнуло. Потом еще. Послышался вскрик и вой.

Встаю и иду к двери, заглядываю внутрь.

Парень сидит на краю дыры и держится за ногу, по колено затянутую внутрь. На бледном лице — выражение смертельного ужаса. Смотрит на меня.

— Поскользнулся, — тихо и виновато.

Вздыхаю и иду его вытаскивать. Вот ведь... ведь все равно полез. Я так и знала.

Глава 49

Дела идут неплохо. От пола и стен доски мы отковыряли. Потолок — оставили, решив, что так даже оригинальнее. Целыми днями бездельничаю, пишу книгу, ставлю опыты и иногда выбираюсь в город — походить по рынку, пообщаться с людьми и посидеть в трактире. Меня уже узнают, изредка здороваясь и спрашивая, как дела. И неудивительно, ведь рядом зачастую шагает один из магов, охраняющих меня как зеницу ока.

Вот и сейчас я иду по тесным улочкам окраины, а шагающий сбоку сэр Примус объясняет, что можно и чего нельзя делать такой великой волшебнице, как я.

— Не стоит отказывать королю, моя дорогая. Если вас пригласят во дворец — нужно пойти обязательно.

— Что я там не видела?

— Ммм... короля...

— Вряд ли он высокий, стройный брюнет с ослепительной улыбкой и морем обаяния. Так что проживу и без него.

— Но, моя дорогая, мм... Вы можете обидеть его королевское величество. И вам рано или поздно отрубят голову.

— За то, что не пришла на бал?

— За неуважение к короне. Это две разные вещи.

Подныриваю под вывеской, изображающей двух сражающихся крыс, и пинком раскрываю дверь магической лавки.

— В таком случае мне будет даже интересно узнать: как у него это получится.

— Э-э... мм... у кого?

— У короля. — Бледность мага. — Мне любопытно, как именно он сможет организовать мою казнь. Думаю, зрелище будет презабавное.

Маг сдался, пробурчав что-то под нос и отойдя от меня на два шага, словно от прокаженной. Весь его вид отныне выражал: я не имею к ней никакого отношения. Что ж, так даже лучше.

На прилавках было все. От засушенных лапок паука и икры лягушек до чешуи дракона и челюсти снежного человека. Причем, судя по челюсти, ее отдавали с боем и крайне неохотно. А чешуя и вовсе почернела и обуглилась по краям, намекая на явную подделку.

— Чего изволит миледи?

Только что, занавешенная паутиной и укрытая затхлым воздухом, лавка пустовала, давая вдоволь насмотреться на свои внутренности случайным прохожим, и вот уже передо мной возник широко улыбающийся карлик, сжимающий в корявых узловатых пальцах колбу с какой-то булькающей жидкостью.

— Волшебные палочки есть? — Это я не подумав ляпнула. Хорошо, не добавила про перо феникса.

— Палочки? Мм... конечно! Вам какую? Тросточку, дубиночку или, — смешок, — зубочисточку?

— Так, ладно. А амулеты, мази, волшебные жидкости. Философский камень?

— О-о... — Судя по его виду, он наконец-то понял: перед ним полный профан. И мгновенно перестроил линию поведения, немного задрав нос и попросив следовать за ним.

Киваю, бросив последний взгляд на оставшегося изучать витрину мага.

— Я вижу, вы не простой покупатель, — тихо, в полутьме комнаты, освещаемой лишь отблеском жидкости из какой-то колбы. — Вы... истинный ценитель редкостей.

— Да?

— Да. И моя лавка — именно то, что вам нужно, что бы вам ни было нужно, госпожа. Палочки, клыки дракона, зелье вечной молодости и... — трагическая пауза, нарушаемая лишь моим тяжелым дыханием (душно тут), — философский камень.

Блин, заволок в какую-то каморку, где стоять можно только согнувшись, и пыли столько, словно веками копилась. Нашарив в темноте табуретку, осторожно на нее сажусь, вытянув ноги и оглядываясь уже с чуть большим энтузиазмом.

— Вот! Вот, смотрите. — Перед моим носом непонятно откуда появился ужик, вымазанный светящейся краской и воняющий какой-то дрянью. Хорошо, я на себя еще утром наложила чары непьянения и разума... в смысле, напоить или заставить поплыть от ароматов опия меня сейчас можно вряд ли.

— Гм. А что это?

— О-о... это змея мудрости! Страшная редкость. Осталась одна во всем мире.

Верю.

— И если вы купите ее, то станете умнее в сотни раз! А также откроете врата познаний и довольно скоро вознесетесь над серыми массами обывателей, открыв окончательную истину...

«...что полная идиотка, раз выложила за обычную змейку сто золотых», — (такая цифра свисала с ценника), — подумала я.

— Спасибо, — вяло.

Змею тут же убрали, сообразив, что туп покупатель не настолько.

— Прошу прощения за эту маленькую проверку. Но зато теперь я убедился... что вы человек с редким даром и огромными познаниями в магии.

Вздыхаю.

— Амулет жизни!

Мне чуть ли не в нос ткнули желтым светящимся камнем, свисающим с черной

веревки. В центре застыла огромная муха с выпученными глазами. Пытаюсь взять амулет, но камень отводят в сторону, не давая коснуться.

— Он дает владельцу вечную жизнь, — тихо и мрачно. — Но это стра-ашное бремя. Посмотрите на меня.

Внимательно разглядываю невысокого карлика с длинной бородой и скривившимся личиком.

— Мне сотни лет. И это... ужасно.

— То есть вечной молодости не будет?

Угрюмый взгляд был мне ответом.

Потом мне показали напиток любви (в нем кто-то плавал), ожерелье Прекрасной Леди (надеваешь, и все мужики видят что-то, что так и тянет схватить), волшебную палочку (при нажатии — вибрирует в руке, тихо жужжа... что там за сила, мне так и не объяснили), глаз дракона, печень оборотня и как изюминку пояс верности! Для мужчин.

— Тоже волшебный? — ошарашено разглядывая хлипкую конструкцию с кучей крючочков, защелок и игл.

— Да! — обрадовавшись, что посетитель наконец-то проявил интерес. — Срабатывает при попытке измены. Жуткая вещь.

— Точно, — возвращая пояс владельцу.

— Это тоже не интересно? — убито.

— А по-настоящему магических предметов нет?

— Они все магические! Ну... пояс иногда срабатывает сам по себе. Но это тоже страшная редкость. Кстати, пользуется огромным спросом.

Киваю и лезу сама рыться на полках. Там... что-то мелькает в глубине.

В каморку протолкался еще один посетитель, задвинув продавца вбок, а меня — в эту самую полку.

— Блин!

— Учитель! Ну наконец-то.

Матерюсь, выныривая из кучи поваленных предметов и сжимая в пыльных руках что-то трепыхающееся и холодное.

— Что?! — зло оборачиваясь.

— А вы... сейчас тоже колдовали? — испуганно.

Вспоминаю, куда и как послала парня.

— Нет, — хмуро разглядывая то, что добыла.

Сэм забыл, зачем пришел, и тоже склонился над едва освещенной светом ладонью. Хозяин трактира сопел рядом, тыкая в предмет пальцем.

Хотя предмет — сильно сказано. Небольшая фигурка в виде железной девочки с шестью парами стрекозых крылышек, выходящих из района между лопаток. Она едва шевелилась, двигаясь рваными позвякивающими движениями и пытаясь то ли встать, то ли лечь.

— Это что?

— Не знаю. Ммм... — Продавец покосился на нас и тут же сменил тон на оживленный: — Точнее, это именно то (!), что... я хотел оставить напоследок.

— Сколько? — Сэм. Завороженно следя за становящимися все более правильными движениями фигурки. Видимо, она пропиталась моей магией, до этого исчерпав свою, уже не первый год пылясь на старых полках.

— Сто.

Молча смотрим на карлика, переваривая цифру.

— Золотых? — недоверчиво. — Да я за такие деньги дворец куплю, старик!

— Серебряных, — хмуро.

— Конюшни при дворце! — рычал Сэм, напирая на карлика и пылая праведным гневом. Сунула ему в руку три серебрушки (так, чтобы продавец не заметил) и, посадив фигурку на полку, вышла. Уверена — парень сторгуется. Он умудряется затариваться на

рынке без денег, прикарманивая то, что я выдаю ему на еду и прочие расходы. Понятия не имею, куда ему столько меди, но факт в том, что тратить этот мальчик умел.

В кладовке уже орали, переходя наличности. Пройдя мимо прислушивающегося мага, молча выхожу на улицу и, сунув руки в карманы, иду назад, решив вернуться сегодня в башню пораньше. Поздно уже, да и клиенты должны скоро подойти. Я ведь теперь зарабатываю на жизнь магией, принимая по три человека в день. И кстати, неплохо с них получаю. По крайней мере, для этого сна — вполне хватает.

Вечер. По крышам бегают нарисованные кошки, гоняя сонных птиц. Ветки деревьев скребут по стенам, качаясь от ветра. А где-то высоко в облаках, пролетая над городом, кричит пьюха.

Сижу на подоконнике с чашкой горячего чая и сонно слушаю очередное требование какой-то инкогнито о любовном зелье, возвращающем еще красоту и молодость. Сэм, кстати, вернулся. Тихо вошел и тут же шмыгнул в свою комнату, что-то пряча под рубашкой. Я и не сомневалась, что он сторгуется. Хотя... карлика, конечно, жаль. На секунду выглянув, паренек счастливо улыбнулся и снова скрылся внутри. (Я ему там окно сделала: открывающееся и со стеклом. Дорогая вещь, кстати. Такие же поставила в спальне и туалете с ванной. Для вентиляции.)

— Так как?! — Тонкий визгливый голосок отвлек от дум, заставив снова сконцентрироваться на придворной даме.

— Любовное зелье должен выпить тот, кто вам нравится?

— Ну да! — фыркнув.

— А тогда зачем в него добавлять эффект красоты и молодости?

— Так он стар! — Как полной дурехе, но с безграничным терпением.

— А-а...

— Зато богат! И... я хочу его, — капризно.

— Пятьдесят золотых.

Открытый ротик... и полминуты абсолютной тишины. Ка-айф.

— Сколько? — откашлявшись.

— Пять.

— Но... но это тоже дорого! Омникус берет всего две серебряные монеты!

— Вот к нему и идите. А я не собираюсь делать из трех зелий одно, да еще и подгонять эффект ни за что ни про что.

— Но...

— И если ваш суженый облысеет или взорвется, вместо того чтобы помолодеть и влюбиться, пеняйте на себя. А я умываю руки.

Девушка сощурилась, все еще скрывая лицо за серебряной маской, и процедила, что мне это еще ох как аукнется. После чего тихо и не очень вежливо напомнила: кто я и кто она. Вспоминаю про инкогнито. Девушка растерянно замолкает.

— Хорошо. Три золотых, принцесса. — Гнев в огромных голубых глазах. Только что инкогнито накрылось медным тазом. — Или Омникус.

Мы договорились.

А за дверью с новой статуэткой играл Сэм. И парню в данный момент было глубоко фиолетово, кого принимает в комнате его Учитель и какие чудеса будут твориться после его ухода. Главное: у его новой игрушки длинные ресницы, забавная улыбка и черные, сверкающие бриллиантами глаза. А еще она умеет танцевать и понимает все, что ей говорят: сядет на краешке стола, обняв колени, и смотрит в его лицо.

И это самое настоящее чудо. Уж Сэм-то в них разбирается.

Глава 50

Сотни свечей горят тихим приятным светом, освещая огромный подземный зал.

Ни окон, ни люстр. Только старинные канделябры и пламя трех огромных печей, в которых на вертелах жарится мясо. Всюду расставлены широкие круглые столы мореного дуба, окружающие их приземистые табуреты, и видны сервизы деревянной посуды. Само место зовется таверной-рестораном — первой в своем роде и в этом городе. А держат ее, как ни странно, гномы. Нанимающие персонал из людей и не слишком щедро оплачивающие их труд.

Оглядываюсь, отводя локон с лица и задумчиво шурясь. За соседним столом ужинает группа эльфов, что-то тихо обсуждая и блестя острыми изящными коготками. Высокие, стройные, с длинными острыми ушками, они словно притягивают взгляд, заставляя с интересом следить за жестами, мимикой, вслушиваться в странный, ни на что не похожий язык. Высокомерные и гордые, эти создания только недавно стали жить в городах, расположенных у кромки леса...

— Марина.

Отвлекаюсь и поворачиваюсь к Вирту. Он наконец-то вернулся из своей двухнедельной «поездки». А я соскучилась, оказывается.

— Что?

— Все готово к твоему пробуждению. Врачи могут помочь тебе проснуться хоть завтра. Осталось назначить время.

Собран, спокоен. Одет неброско, но стильно: черная рубашка, штаны в тон из чешуи дракона, на шее — широкая серебристая цепь с амулетом, который подарила ему я не так давно, с тех пор он ни разу его не снимал. Волосы, как обычно, коротко острижены и взъерошены, а в ухе сверкает черный бриллиант, вставленный в металлическое кольцо.

Н-да. Красив... чем-то даже напоминает пирата, только что сошедшего с корабля на непривычный берег.

— О чем задумалась? — В пальцах вертит стеклянный бокал — огромная редкость на фоне деревянной посуды.

— У меня ведь еще неделя.

— Пять дней. Но потом пробудить тебя уже не смогут, так что хорошо бы закончить дела раньше.

— Насколько?

— До завтра.

Откидываюсь назад, радуясь, что за спиной стена и можно опереться.

До завтра. Это мало. Мне нужно объяснить все Совету, сказать Сэму, чтобы... не буянил и охранял книгу. Что-то сделать с самой книгой заклинаний, заполненной уже наполовину. Сэм, кстати, еще и рисунки подрисовал к каждому: в основном в виде предостережений. Например, к заклятию левитации — человечка, падающего на мостовую с башни. Все было усеяно брызгами чернил, на лице человечка застыл ужас.

— Дай мне три дня, ладно?

Вирт посмотрел мне в глаза, заставив поежиться.

— Ты должна захотеть проснуться. И довольно сильно, понимаешь? Меня вытаскивают из твоего сна завтра. И через три дня помочь я тебе уже ничем не смогу.

— Я справлюсь.

Вирт вздохнул и обернулся к молодой грудастой официантке, начав заказывать. Перед ним на столе лежала небольшая бумажка с нарисованными блюдами — достаточно ткнуть пальцем в картинку барашка, курицы или зайца, и девушка, улыбаясь и кивая, все запомнит и принесет. Помню, сэр Примус как-то рассказывал о попытке гномов набрать на работу полуэльфик: девочек, рожденных человеческими женщинами от эльфов. Но остроухие, прознав об этом, психанули и пригрозили гномам войной. Те передумали.

И ведь что странно: где угодно эти девушки работать могли (даже в трактире «Голубая кошечка»), но у гномов — никогда, и точка.

Девушка кивнула и ушла, украдкой бросив на Вирта восхищенный взгляд. Хмурюсь,

глядя ей вслед.

— Что-то не так?

— Ты слишком красивый.

Широкая усмешка и оставшееся напряжение в глазах.

— Я проснись, поверь.

Он вздохнул и кивнул, вертя в пальцах нож.

— А ты... в реальности выглядишь так же?

Нож замер в руке. Я поняла, что сморозила что-то не то. В принципе... наверное, я должна помнить его внешность. Так же как и свою.

— Да.

Облегченно киваю. Заново привыкать к новому Вирту мне было бы трудно. А вообще... мне здесь так хорошо и уютно, что просыпаться, покидая сон, страшно не хочется. Хочется остаться, а не навеваться изредка. Хочется... быть здесь всегда. Но тогда я потеряю его.

— А как я выгляжу?

Он хмурится и смотрит на меня.

— Прекрасно, это платье...

— Я о реальности. Как я там выгляжу?

Вирт на секунду задумывается, потом достает из кармана небольшой снимок и передает его мне. Разглядываю незнакомую женщину лет тридцати с черными глазами, упрямо поджатыми губами и собранными в пучок волосами. Это точно я? А еще она очень худая, я бы даже сказала, костлява. И плоская.

— Это я? — в шоке.

— Не узнаешь? — растерянно.

По-новому смотрю на Вирта. Как он мог ко мне вообще подойти? Жуть же полнейшая. Особенно по сравнению с тем, какая я сейчас.

— А ты, значит... не изменился.

У меня отбирают фотокарточку и сосредоточенно на нее смотрят.

— Ты красивая. Просто сейчас я вспомнил ту, которую видел каждый день. Ты ведь не любишь распущенные волосы и каблуки. Но при этом всегда и все хочешь решать сама.

— Этой женщине под тридцать.

— И что?

— А тебе двадцать пять — максимум!

— Двадцать два.

Бли-ин.

— Скажи, — сжав кулаки и глядя на них, словно со стороны, — зачем я тебе?

Карточку смяли, он потемнел, желваки на лице заходили.

— Марина, — тихо, угрожающе.

— Я не верю. Не верю, что меня, вот такую, ты мог полюбить. В настоящей жизни не бывает сказок. В настоящей жизни красивые принцы ищут юных идиотов с симпатичными мордашками! Не ври, Вирт. Зачем я тебе?

Он молчал. Сидел напротив и молчал. Потом встал, обогнул стол и вышел, так ничего и не сказав. А я осталась сидеть, сжимая пальцами край лавки и глядя на оставленный, заляпанный алым нож. Слишком сильно сжимал: рассек кожу.

— Ваш заказ, миледи.

Поднимаю лицо и смотрю на веселую мордашку и тяжелый поднос, полный мяса, салатов и сладостей. Все как я люблю. Даже мед не забыл.

Встаю, бросив на стол серебряную монету, и выхожу.

Меня трясет и качает. Я, кажется, только что отшила мужчину всей своей жизни, послав все, что он для меня сделал, куда подальше. И это даже для меня слишком, это чересчур. Я... как-то себя по-другому представляла. И никак не могу вспомнить и

представить, что мы женаты и он при этом любит меня.

Любит настолько, что уже которую неделю проводит в реанимации. А может, и который год. Это ведь не первый мой сон? Может... может, он уже и сам запутался — где реальность, а где явь. Вирт же сказал, что я сплю уже слишком долго и скоро отключить меня просто не смогут. Долго — это сколько? Сколько конкретно я уже в коме?!

И важно ли это?

Он ждет на улице. Идет дождь, а точнее, льет как из ведра. Поднимаюсь из-под земли по широкой каменной лестнице с резными перилами, выхожу из широко распахнутых дверей, мимо троллей-вышибал, и смотрю на него.

Промок до нитки, руки засунуты в карманы. Смотрит на фонарь, только что зажженный прошедшим мимо существом непонятного пола. Разбуженные светлячки заметались по стеклянной коробке, освещая часть улицы и покачивающуюся вывеску: «У гнома».

— Вирт.

Не слышит — льет очень сильно. И шелест дождя заглушает почти все... А еще холодно и зябко вот так стоять и чувствовать, как тебя окатывает потоком воды.

И все-таки он не ушел.

— Вирт... — Подхожу, сунув руки в карманы и глядя на него.

Мокро. За шиворот как ведро воды налили.

Поворачивает голову и смотрит в мои глаза.

— Прости, — тихо.

— За что?

— Я...

— Он снимает куртку и накидывает ее мне на плечи, застегнув под воротником. Потом берет за руку и тащит за собой. В сторону башни. Все такой же спокойный и далекий. А еще он очень мокрый, и рука у него — ледяная.

В башню забежали, чуть не протаранив мага воздуха, настраивающего воздушный зонтик на пороге башни. Кивнув хмурому сэру Аэрусу, прошли к лестнице, поднимаясь наверх и оставляя на ступенях следы мокрых сапог.

— Ты ведь ни разу у меня не был. — Улыбаюсь.

— Не был.

— Я... неплохо устроилась. Правда, башню слегка качает и кровать иногда отъезжает от стены. Зато отличный вид на весь город.

— Хорошо.

— Сэм неплохо усваивает заклинания...

Запинаюсь и смотрю на него. А ему это интересно?

Для него все это — просто грезы. Не настоящее. Зачем вникать в суть? Смотрит на меня, берет за руку и тянет за собой.

— Познакомь меня с ним.

— С кем? — растерянно.

— С Сэмом. Мне интересен этот парень.

Киваю и иду следом. Медленно согреваясь...

Чердак Вирту вроде бы понравился. Он прошелся по комнате, открыл окно и бросил куртку на край стола. Сэму, как раз что-то искавшему в «холодильнике», спокойно улыбнулся, окинув парня оценивающим взглядом. Парень в свою очередь нахмурился и на контакт не пошел. А под конец и вовсе закрылся у себя в каморке, прихватив кастрюлю с супом и Металл (как он назвал живую статуэтку).

Вздыхнув, повела показывать Вирту свою комнату, по дороге прихватив великую книгу магии, местами заляпанную пятнами и с отпечатками жирных пальцев. Но надписи все еще были вполне различимы, и рисунки вроде не сильно пострадали. Так что вполне можно было

сунуть ее в руки мужа с ощущением гордости в душе.

Книгу покорно начали листать, расположившись на кровати и подложив подушку в изголовье. Ищу сухую одежду, скинув кофту и чихая от холода.

— Империиус Клоатус? — выгнув дугой бровь.

— Для прочистки сточных ям, — присев на край кровати и суша полотенцем волосы. — Я подумала, что городу это может быть полезно.

— А ты не перебарщиваешь с магией? — откладывая книгу и отводя локон с моего лица. — Если все смогут колдовать...

— Но это смогут далеко не все. — Улыбаюсь и ложусь рядом, стараясь успокоить бьющееся сердце, — Да и сами заклинания быстро изнашиваются и теряют силу уже после двадцатого применения.

— Двадцать...

— Да. Моя любимая цифра, помнишь?

— Нет.

Гм...

— А какую цифру я любила?

— Тринадцать. Ты говорила, что любить надо худшее, а ждать конца. Тогда хорошее станет приятной неожиданностью.

Какая я глубокая личность была, однако. Так и тянет поинтересоваться: среди каких ужасов выросла.

— Гм. А... что еще ты помнишь обо мне?

— Ну, — пропуская мой локон через пальцы и глядя на плывущую за окном полную луну, — ты любила прогулки по ночам, часто сидя на крышах и любуясь звездным небом. Обожала кошек и боялась собак. Любила засиживаться допоздна — так, что тебя сложно было потом разбудить утром. А еще по вечерам часто заваривала горячий ароматный чай и, набрав побольше плюшек и печенья, устраивалась на диване и включала фильм. И мы могли до трех утра смотреть комедии, сидя вдвоем и отключив телефоны... Ты не любила алкоголь, но обожала газировку, вечно таская с собой холодную банку колы, купленную в ларьке у дома. Ненавидела жаркие солнечные дни, но любила в дождь сидеть с компом на подоконнике, кутаясь в плед. А еще любила сумасбродные идеи и вечно вляпывалась во все подряд, после чего звонила и весело сообщала: нужна помощь. — Он замолчал. Лежу, все больше узнавая себя и притихнув в его руках. — В тот день ты тоже позвонила и, смеясь, сказала, что снова вляпалась. После чего назвала адрес и отключилась... Как выяснилось, подростки устроили пьяную разборку. Ты была ни при чем. Просто оказалась, как с тобой бывало часто, не в том месте и не в то время. И ничего не смогла сделать.

Н-да-а. Вдохнув, кладу голову на его грудь, закрывая глаза. Память — упорно молчит.

— Смотри, — показывает мне фотографию.

Открыв глаза, смотрю. На ней смеющаяся девушка тискает небольшого котенка, со страшно недовольной рожей выглядывающего из ее рук. Волосы девушки распущены и мягкой волной спадают до пояса. Глаза — яркие и большие, сияют счастьем. В рубашке и шортах, она выглядит если не мило, то симпатично точно. А в чем-то — даже красива. Для фотографа точно.

— Это я? — осторожно беря прямоугольник и удивленно его разглядывая.

— Да. Ты и Мурз. Я тогда его тебе только подарил. Ты давно просила котенка, я все не хотел. А этого — взял.

Улыбаюсь, сжимая карточку в кулаке. Из глаз снова бегут слезы, но они редкие и сейчас остановятся.

— Спасибо.

Он промолчал, поглаживая меня по голове и глядя на звезды, окружающие скрывшуюся за тучами луну.

— Я проснусь. Обещаю.

— Хорошо, спи.

— Ладно, — все еще сжимая карточку в руке и закрывая глаза.
Ладно. Я проснусь, честно. Проснусь ради него.
Даже если весь этот мир рухнет к чертям.

Глава 51

А на следующий день он ушел. Мне дали тысячу рекомендаций, наставлений и подробный план, когда и как надо просыпаться, повторенный, наверное, раз тридцать. Под конец поняла, что еще немного — и начну рычать и кидаться на всех подряд. Магия вихрями крутилась вокруг головы и рук, готовая буквально ко всему, а с неба над городом пошел дождь со снегом, пугая население и смыв половину рисунков со стен домов. Те, что остались, были в таком состоянии, что охотиться не могли в принципе.

В итоге мне была взбучка от главного волшебника, предельно вежливо попросившего больше так не делать. Покивала, выдворив старичка на лестницу и сунув, в качестве извинений, пару листов новых заклинаний. После чего закрыла люк. Кажется, тот не обиделся, сжав в узловатых пальцах ценный материал и тяжело вздохнув напоследок.

А потом Вирт ушел... Просто растворился в воздухе, обняв меня на прощание. Вздохнув, еще раз перечитываю лист с наставлениями, решив бросить его после в камин. Немногочисленные пункты инструкции гласили:

- 1) В день седьмой в три пополудни не спать.
- 2) Не есть.
- 3) Не пить.
- 4) Как только почувствуешь сильную головную боль — максимально расслабиться и закрыть глаза.
- 5) Больше НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ.

Усмехаюсь и закрываю глаза, сидя на спинке кресла. Что ж, по крайней мере, скоро мы будем вместе.

Сэм вышел из комнаты только к полудню. Долго сопел, демонстративно прибираясь и мотая щеткой грязь из одного угла в другой, пока я дописывала книгу.

- Я уеду послезавтра, — не оборачиваясь к пареньку.
— С ним? — набычившись.
— Нет. Одна.
— А... когда вернетесь? — Щетка забыта, парень встал напротив, засунув руки в карманы и хмуро на меня глядя.
— Скоро. Я уезжаю ненадолго, а тебе в мое отсутствие надо будет...
— Не врите.
Откладываю книгу и поворачиваюсь к нему:
— Ты о чем?
— Не вернетесь. Я же слышал, что он там ночью говорил. Про свой мир, жену, кота какого-то.

Представила паренька, часами слушавшего через стакан разговор за стенкой. За отдельные фразы стало стыдно.

- Стены тонкие. Там и вслушиваться не надо, — пояснил он.
— Гм.
— Я поеду с вами, Учитель. И книгу возьмем. А то я один тут от всех магов не отобьюсь. Они ж как узнают, что вас нет, а книга есть...

Представила, вздохнула, закрыла труд всей жизни. Он прав, надо тайник какой сообразить.

- Ты не сможешь поехать со мной, поверь.
— Смогу!

И столько упрямства на лице. Вспомнила, что только при мне мальчишка стал нормально питаться, появились жилье и деньги. Да и я им почти не помыкаю... Короче, жизнь у паренька изменилась разительно. Родителей же и семьи вроде нет, вот и... привязался к Учителю. И теперь не хочет снова все потерять.

— Слушай, давно спросить хотела — а куда тебе столько денег-то вечно нужно?

Багровый румянец вылез на щеки и медленно залил шею.

— Каких денег? — хрипло. Кашляя в кулак и отворачиваясь.

Щетку снова схватили, примериваясь к полу.

— Да я не отниму, не бойся. Просто интересно. Да и потом, если бы хотела — давно б на тебе чары правды опробовала, да выпытывать не хочу. И покупки ты умудряешься делать исправно, ничего не тратя.

— Ага, ничего! Да тут некоторые... гм.

Сижу, смотрю на него. Щетка слабо махнула пару раз и застыла.

— Сестренка у меня болеет, — тихо. — Доктор много просит, а магия... я ж не знаю заклинаний-то, как лечить. Вот и...

Хмурится и смотрит в пол. На стене тихо тикают часы.

Встаю, беру куртку, хватаю его за воротник и запикиваю в люк. Затравленный взгляд, щетку чуть с собой не утянул — еле отобрала, выкинув обратно и рывком закрыв люк.

— Выгоняете? — с ужасом. Скатываясь по ступеням.

— Нет. Давай показывай, где там твоя сестра.

Парень замер и с минуту на меня испытующе смотрел. После чего быстро кивнул и пошел вниз.

Такой халупы я еще не видела. Бедность — не то слово. Нищета ближе. Окна завешены старой тряпкой, на покосившемся столе горит около десятка свечей, а на кровати, укрытая кучей шкур и одеял, сидит хрупкая девчушка и читает книжку с картинками.

На входе в дом на нас наорала какая-то тетка и долго не хотела пускать. Но Сэм договорился, сунув в грязную ладонь медяк и отодвинув ее в сторону.

— Привет.

Стою у двери, прислонившись к ней спиной и сложив на груди руки. Аккуратно закрыв книжку, девочка внимательно на меня посмотрела. Худая, бледная. Но с виду не так уж и больна.

— Как дела?

Вопросительный взгляд в сторону стоящего у окна брата. Сэм, хмурый и напряженный, и сам не знал, чего ждать.

— Меня зовут Лиина. — Тихий голос, хмурый взгляд.

— А я волшебница. — Подхожу и сажусь рядом, протягивая руку.

На руку внимательно посмотрели.

— Можно потрогать твой лоб?

— А вы меня вылечите?

— Эмм... попробую.

Парень шумно выдохнул, сжав кулаки. Стараюсь не смотреть в его сторону, опасаясь, что проблема окажется мне не по зубам. Так, сосредоточиться, выдохнуть, закрыть глаза-а. Так.

У девочки был рак. Ну хоть это я могу понять, пусть и не сильна в медицине. Опухоль пошла метастазами, и теперь в каждом органе растут небольшие шишки, мешающие дышать, ходить, жить. Пока не смертельно, но бегать она уже не может из-за слабости. Врач выписал ей довольно дорогое лекарство, очищающее кровь. И каждый день она его пьет. Уже неплохо. Но и не так хорошо, как хотелось бы.

Гм...

— Закрой глаза и ляг.

Ослушаться не осмелилась и легла именно с закрытыми глазами. Блин, когда волнуюсь — все путаю. Так. Так. Так, так... Заело.

Снова кладу ладонь на голову, закрываю глаза и сосредотачиваюсь. Сил у меня накопилось немало, так что собрать магию в руке и направить в ее тело — несложно. Все происходит, как и тогда, с дочкой гнома. Только человеческий организм для моей магии ближе и роднее. Так что...

Волны тепла прошли сквозь тело и ушли в нее. Интересно смотреть сквозь веки на полупрозрачные органы, сосуды, нервы, вспыхивающие импульсами. Сажу, слушая дыхание двух ребят и продолжая лечить. Наблюдая, как медленно начинают уменьшаться опухоли одна за другой и исчезать прямо на глазах.

Через час все еще оставалось много работы. Но я устала и вымоталась. Хотелось спать. Так что, убрав руку и свернув в груди остатки магии, сказала ребятам, чтобы собирались и оба шли за мной в башню. Лечить буду еще завтра и послезавтра. Потом — уйду.

Сэм подошел к кровати и осторожно поставил сестру на ноги. С виду девочке не больше семи. Но уже серьезная, вдумчивая. Пытается устоять, опираясь на руку брата и недоверчиво глядя на ноги.

— Я... мне не больно, — удивленно. — Мне лучше.

Отворачиваюсь, встаю и выхожу. Не люблю благодарностей, неловкости, да и вообще этим двоим явно стоит хотя бы пять минут побыть наедине друг с другом.

Резко открыв дверь, врзала ею по носу притаившейся бабе. Та с визгом рухнула на пол, держась за лицо и воя от боли. Подлечить себя не дала, еще и разоралась, что забираю жиличку, да и вообще права не имею, так как она — ее тетка и дойдет до самого короля! Явно из-за денег переживает, зараза.

Спалила пульсаром пару ступеней и показала три золотые монеты. В обмен на которые получила кривую расписку в том, что тетка никаких прав на ребенка не имеет, не имела и иметь не хочет. С чем и распрощались.

Детей вела к башне закоулками, качаясь от усталости и едва не падая. Снова силы не рассчитала, дуреха. А может, уже начали действовать лекарства, которые должны привести меня в чувство, вынув из сна.

На чердак башни Лиину занес Сэм. Меня тоже занесли. Не сразу, но занесли, перекинув руку через плечо и стараясь не рухнуть со ступеней.

Потом... я, кажется, напилась горячего чая и отрубилась. Слыша, как эти двое шепчутся в комнате, листая книгу заклинаний и обсуждая, как это круто быть волшебником.

Еще два дня лечила Лиину. К счастью, вылечила. Последняя опухоль — на сердце — не сдавалась до самого конца, угрожая инфарктом. Весело было кидать взгляд в зеркало, стоящее неподалеку, и изучать, как все больше зеленеет мое и розовеет ее личико. Вампиризм какой-то.

Сэм при этом бегал как ненормальный, умудряясь и на рынок сгонять, и с посетителями разобраться, и с волшебниками договориться. Короче, я была как королевна, у которой нет больше никаких забот, кроме спасения ребенка. И в итоге «королевна» вырубилась рядом со спасаемой, уснув тяжелым нервным сном и попросив разбудить в двенадцать и ни минутой позже. Лиина обещала, укрывая одеялом и осторожно поправляя волосы прохладными пальчиками.

Вот и хорошо. Вот и ладненько. А теперь спа-ать. А то так и умру от истощения, не очнувшись.

ЭПИЛОГ

Проснулась я сразу, как только рука Сэма легла мне на плечо. Села, протерла глаза и взглянула в окно. Там светили звезды и медленно плыла луна среди туч.

— Сэм... — хрипло.

Он стоял и молча на меня смотрел, сунув руки в карманы штанов. За ним стояла Лиина в тонкой ночнушке, обнимая брата за ногу и тоже испуганно на меня глядя.

— Почему ты меня не разбудил вовремя? — Стараюсь говорить спокойно, все еще не понимая до конца весь ужас ситуации. Почему-то вспомнился Вирт, сидящий в таверне — весь в черном, с бриллиантом в сережке и глазами... в которых можно утонуть.

— Он вам не нужен, — хмуро глядя в сторону.

Блин, понадеялась на детей. На детей, у которых, кроме меня, никого нет! И которые — лишь плод моего воображения.

Сижую, сжимаю руками простыни, стараясь дышать глубоко и ровно. Только не реветь. Нельзя реветь, это — подло.

— Я бы вернулась.

— Тогда зачем вообще уезжать?!

— Я болею...

Тишина. Взгляд Сэма из упрямого стал растерянным.

— Можно сказать, умираю. А *он* бы меня вылечил.

— Вы умираете?

— Не умирает. — Знакомый язвительный голос ворвался в мысли, словно удар под дых. Оборачиваюсь и застываю. Черный толстый кот вальяжно сидит на подоконнике и снисходительно на нас смотрит. — Просто придушивается.

— Мурз?

— Котик! — Девчушка отпустила брата и пошла к окну.

Мурз напрягся и крайне недоверчиво посмотрел на тянущиеся к нему руки.

— Мм. Не стоит... — Но его все-таки взяли, прижали к груди и начали осторожно гладить, целуя в макушку. — Гм, ладно. Марина...

Смотрю на свисающего, брюхом книзу, с рук девочки кота. Серьезный вид давался ему с трудом, а почесывание за ушком явно нравилось.

— Ты теперь остаешься тут и... мрррм...

Чесали подбородок. Задняя лапа кота подергивалась в такт, голову задрали, громко урча и явно обо мне забыв.

— Мурз, — тихо.

— А? Что? Кхм, прости. Меня сегодня оставят в покое или нет?!

Кота неохотно поставили на стол, дернув легонько за хвост и взлохматив шерсть. Со скошенной набок прической — детям он казался страшно милым. А сам он едва сдерживался, чтобы тут же не начать вылизываться.

— Так, короче. Ты теперь навсегда остаешься здесь, поздравляю.

Стиснув со скрежетом зубы, продолжаю молча слушать.

— Но это не страшно. Мир теперь полностью осознал себя и существует точно так же, как и твой собственный. Возможно... мы даже сможем однажды открывать порталы между ними!

— И в мир Вирта? — поднимая глаза.

— Именно.

— Но...

— Со вре-ме-нем. А пока тебе предстоит много работы. Завтра, к примеру, мы уезжаем заполнять белые места. Можешь и детей тоже захватить.

— Мы поедем, — кивнул Сэм, зачем-то взяв сестру за руку.

Киваю, все еще ощущая страшную нереальность событий. Я ведь должна была быть уже с *ним*... Но вроде бы у меня теперь даже есть надежда. Интересно, есть ли она сейчас у Вирта.

— Так что предлагаю перекусить, забить на все и...

И в люк постучались.

Замолкаем. Смотрю на Сэма. Тот что-то бурчит о волшебниках и посетителях, которые

вечно спать не дают. Мурз предлагает не открывать, а Лиина снова тянется к коту, надеясь его незаметно погладить.

Встаю и иду к люку, в который стучат уже со всей силой, и вряд ли интеллигентный волшебник. Хотя может, это и декан что-то забыл: вчера он точно так же ломился, требуя убрать облака с неба.

Неважно, все неважно. Рывком распахиваю люк, сдвинув щеколду в сторону, и вижу стоящего на ступенях Вирта. Злого, угрюмого и в порванной куртке.

Встаю и отхожу назад. Он так же молча забирается и пинком закрывает крышку.

— Марина, — глухо и явно едва сдерживаясь, чтобы не дать по шее, — ты на часы смотрела?!

Неуверенно оглядываюсь на циферблат, киваю и улыбаюсь, как полная идиотка. По щекам, кажется, текут слезы. Дрожу, что-то говорю и снова замолкаю, глядя на него.

— Зараза, — сообщают мне голосом Хорта и с силой прижимают к себе, уткнувшись носом в волосы и вдыхая мой запах. — Ну неужели так сложно было выполнить всего четыре пункта?

— Я... я...

— Я понял. И потому меня тоже усыпили еще на месяц. Пока не поймут, как еще можно вынуть тебя из сна. Но до тех пор я буду здесь. И даже не надейся, через полгода я тебя отсюда лично за шкирку вытащу.

Киваю и прижимаюсь в ответ. Мне тепло, хорошо и очень страшно. Только сейчас я начала понимать, как близко была к тому, чтобы потерять свою сказку. Жмурюсь, чувствуя, как его руки все крепче сжимают меня в объятиях, и испуганно обнимаю его в ответ.

А за спиной буянит затисканный Мурз, Сэм ругается с сестрой, советуя быть осторожней с говорящим котом: мало ли — блохи. Кот вопит, что блох нет, и вообще это они сами заразные. За окном на небо вылезло целых две луны, освещающих засыпающий город с бегающими по стенам рисунками. И тихо поскрипывает механизм подъема воды из колодца, позволяя какому-то волшебнику на ночь принять ванну.

Все хорошо. Мой мир засыпает. Завтра настанет новый день. А я — счастлива. Ведь мне была обещана сказка, которую я и получила вместе со своим хеппи-эндом. Да.

— И если еще раз дернете меня за хвост!..

— А давай я тебе косичку заплету?

— Что?! Да ты хоть знаешь, кто я тако... Мрр...

— И чепчик. Тебе точно пойдет чепчик.

— ...Марина!!!